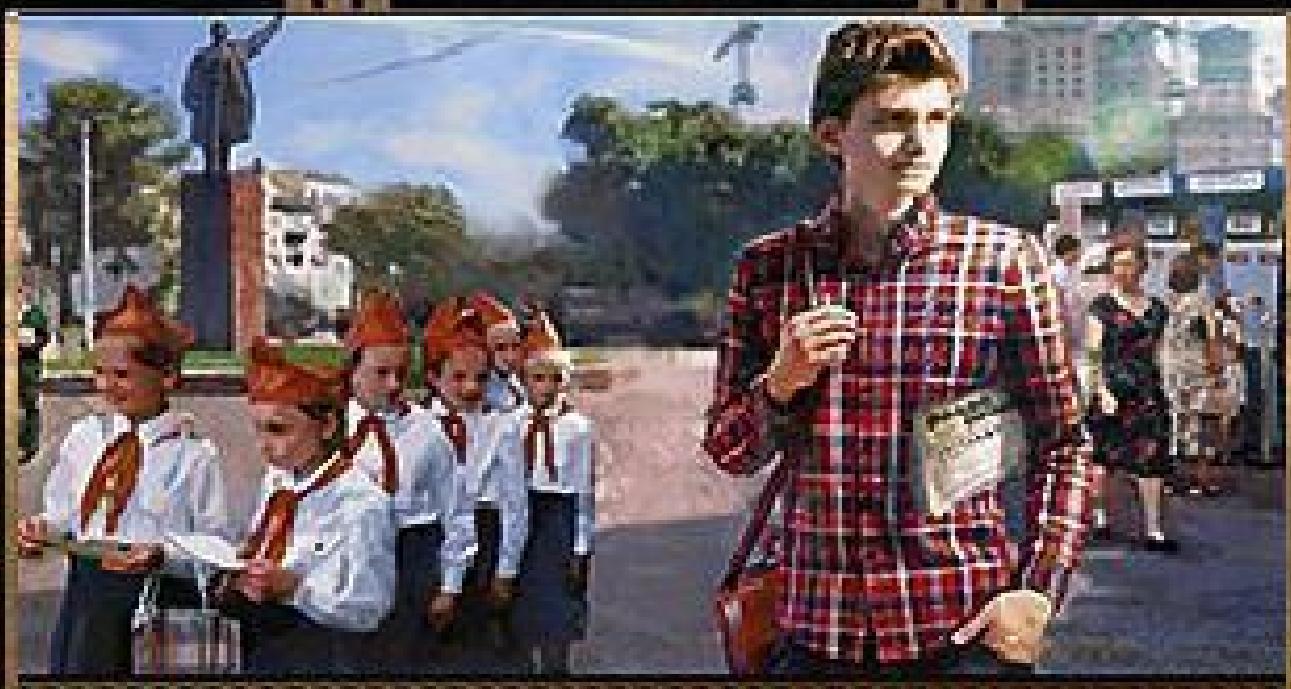

**Вадим
Яловецкий**

УДАР ТОКОМ

2018

Annotation

Кому не хотелось в своём прошлом что-то поменять? Пенсионеру Петрушевскому такая возможность представилась и родной Ленинград, весной 1968 года, встретил Дмитрия Сергеевича подзабытыми реалиями. Ученик 10 класса по новому воспринимает своё место в этой жизни. С высоты прожитых десятилетий и привычками из двадцать первого века, существовать в прежней действительности непросто. Заново пробираясь по вехам жизненного пути, пытаясь что-то изменить, главный герой не сразу узнаёт ещё одну сторону своей истории. Прошлое и настоящее переплетаясь создают причудливую картину новой биографии, которую пенсионер фиксирует для потомков в дневнике. Герой действует в рамках своего мировоззрения и представления о реальности.

-
- [Яловецкий Вадим Викторович](#)
-

Яловецкий Вадим Викторович

Удар током

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. ДНЕВНИК

1. Жизнь по воле обстоятельств

Фантастика! Невероятная мистификация! Но всё по порядку. Электрический разряд: свечение, куда-то лечу, толчки, тренькающие звуки движущегося трамвая, голоса пассажиров. И вот сижу на деревянной скамейке. Первый взгляд в окно, какого ляда?! Еду вдоль Марсова поля в Питере, напротив Летний сад. Как я здесь оказался?! Почему на мне школьная форма, да и чувствую себя как-то необычно. Тут же осознал, что комплекция и одежда претерпели значительные изменения. Отлично помню, как полез в сарай смотреть электрику, получил разряд и вырубился. Лето 2016 года, а сейчас? Направился к выходу по мотающемуся в разные стороны вагону. Сейчас мне очень страшно! Нужно побыть одному и разобраться с этой бредовой ситуацией. Дорогу преградила энергичная дама с синей повязкой на рукаве:

- Гражданин, ваш билетик!

Тут я заметил, что вагон оборудован кассами. Такие изделия, рассчитанные на сознательных граждан, появились в конце шестидесятых. Деревянные скамейки и складывающиеся двери, господи, да это же “американка”, я отлично помнил эти шикарные составы.

- Билет будем предъявлять? Нет билета, платим штраф тридцать копеек! Как не стыдно юноша!

Проверяющая уставилась на меня. Я был дезориентирован, мысли путались. Тут всё не так, но надо отвязаться от назойливого инспектора. Пошарил по карманам и, надо же, обнаружил кошелёк с мелочью и целым бумажным рублём образца 1961 года. Это меня доконало. Сунул деньги назойливой контролёрше и рванул к выходу. Как раз успел выскоить на углу Лебяжьей канавки и Мойки.

Поплёлся в Летний сад, дико озираясь по сторонам. Тут слава богу всё привычно. Я нашёл скамейку и рухнул на деревянные перекладины. Часы на левой руке показывали девять двадцать. Тут же вспомнил, что часики “Юность” подарили , бабушка с дедом на шестнадцатилетие, а где мой хронометр “Омега Де Виль” из двадцать первого века? Осмотрел сумку, перебрал учебники, тетради и какой-то школьный хлам. Прочёл надпись на обложке тетради: “Для классных и домашних заданий по литературе ученика 10 “А” класса 190 школы”. Выходит, я непостижимым образом перенёсся во времена своей школьной юности, сейчас 1968 год!

Самое потрясающее, что меня вернуло в прошлое, сохранив при этом багаж знаний накопленных за всю жизнь вплоть до аварии на подстанции. Я всё помнил: школу, училище, армию, женитьбу, свой рабочий стаж, лихие девяностые, пенсию. Ну и дела! Разве такое может быть? Осмотрелся. По моим воспоминаниям, между старым Ленинградом и Санкт-Петербургом разницы почти никакой: историческая часть сохранена, зато машин гораздо меньше и люди другие, в смысле одеты иначе. Да, ещё флаги красные серпом и молотом. Во дела! Как с этим жить, как вернуться к жене, ребёнку?

Итак, если я в прошлом, то жива мать, бабушка, дед, дядя и тётя, все те, кого неумолимое время унесло в мир иной. Родня, которой я любил и дорог сегодняшним семнадцатилетним пацаном, никак не примет моих объяснений. Значит, в этой эволюции, для всех окружающих я обязан подстраиваться и вести себя ничем не выделяясь. Чушь какая-то! В голове роилась разрозненная информация о четвёртом измерении, временных туннелях и кротовых норах из телепередач канала “Дискавери” с Норманом Фрименом. Вспоминались писатели фантасты, особо Бредбери с его “И грязнул гром”. И что, мне с того, как это поможет? Из глубины воспалённого мозга выскоцило “Делай что должен и будь что будет”, кажется Толстой или Аврелий, а это мне зачем?

Я поднялся и побрёл в сторону бывшей, а ныне настоящей школы. Ведь трамвайный маршрут номер два вёз меня именно туда. По пути попались на глаза старушки, сидя на скамейке они что-то бойко обсуждали и я решился. Несмело подошёл и молвил:

- Здравствуйте, простите, пожалуйста, где поблизости ларёк Союзпечати?

Женщины взорвались на меня, но ничего подозрительного не

нашли. Перед ними стоял обыкновенный молодой человек в школьной форме с сумкой через плечо. Тут же вспомнил, что очень модная сумка первоначально была белой и я перекрасил её чёрной нитроэмалью. Спустя какое-то время краска стала отслаиваться и белизна предательски выдала мои манипуляции с цветом.

- Молодой человек, ларёк недалеко, на Белинского по нечётной стороне.

- Спасибо, прекрасные дамы.

Дамы удивлённо переглянулись, мог бы не хохмить, но в моём положении это как-то сбивало уровень адреналина. Энергично двинулся в указанном направлении. Спросить прямо, какое сегодня число и месяц я не решился, проще купить газету и прочитать. Улицу Белинского помнил, там располагалась славная пирожковая в подвальчике, а вот где стоял киоск в памяти стёрлось. Я купил "Смену" и "Ленинградскую правду" - хватило пяти копеек. Из газет узнал дату, в которую неведомые силы вернули меня после электрического разряда. Нынче среда 3 апреля 1968 года, а значит отсчёт начался заново. Теперь пора навестить родную школу. Шагом, до двадцать второго дома на Фонтанке, не больше пяти минут. В гардеробе я столкнулся с белобрысым пацаном своего возраста. О, знакомое лицо!

- Петруха, привет, где болтаешься? Тебя Белка отметила отсутствующим, сегодня же подготовительный к экзаменам по русскому, ты что забыл?

Петрухой меня не называли лет тридцать, а раньше кликали пацаны во дворе, потом одноклассники, сослуживцы в армии и сидельцы на зоне. Память услужливо выдала: Белка - классная Бэлла Григорьевна Левина, она же англичанка, в смысле преподаватель английского языка. Школьник напротив - Стасик Егоров. И то неплохо: спустя сорок восемь лет альцгеймер ещё не потревожил. То, что стал относиться к ситуации с юморком, явно защитная реакция. Писать обо всём хочется подробно и много. В подкорке мелькнуло - "биография два". Надо как-то выкручиваться и встраиваться в школьное расписание, а заодно решать свою дальнейшую судьбу.

- Приболел немного. Дома на занятия не хотели пускать. Стасик, - я внутренне напрягся, а вдруг парня зовут иначе, - а чего было на занятиях, кто вёл урок?

Стасик реагировал адекватно, значит пока всё правильно. Ответить не успел, забытой трелью прорезался звонок. Одноклассник рванул на второй этаж, я за ним. Вбегаем в класс, ребята на своих местах, мне машет рукой Димка Сайко. Тёзку тут же вспомнил - мой школьный приятель по кличке Пыжик. Плюхаюсь рядышком, запамятовал, с кем я сидел за одной партой, должно быть с этим очкариком. Сердце молотит! Страшно от новых ощущений а, главное - отсутствия алгоритма поступков, то есть запрограммированных навыков поведения в подобной ситуации.

Вошёл преподаватель, все встали. Забыть такую личность я не мог, уж больно напоминал диктора Левитана, причём не голосом, а характерной внешностью: круглые очки, мясистые губы, чёрные волосы, зачёсанные назад, обязательный галстук и белая рубашка. Ярко высветилось в голове - Юрий Соломонович Забинков! Я смотрел на него во все глаза, а как же: преподаватель русского и литературы, эрудированная и грамотная личность из прежней жизни. В данный момент он мне ближе и понятней нежели пёстрая кучка одноклассников. Петрушевский из будущего в биологической оболочке семнадцатилетнего подростка прошлого, с интересом уставился на учителя. Во, как высказался! Волнение отошло на второй план, сейчас мне стало увлекательно, что дальше? Наставник словно угадал мои мысли:

- А, Петрушевский появился! Уже всё знаете, молодой человек? На первый урок можно и не ходить? Отлично, вот и проверим вашу подготовку по теме занятий. Милости прошу к доске, не стесняйтесь...

Так увлёкся, что хочу сказать несколько слов для тех, кто когда-нибудь прочитает эти записи. Мне дана возможность, какими-то высшими силами, прожить жизнь заново. Хорошо хоть не с младенческой соски, а молодым человеком образца 1968 года. До того как подняться в квартиру, где я жил под присмотром и опекой бабушки с дедом (о той незабываемой встрече позже), забежал в канцелярский магазин, где купил общую тетрадь за сорок четыре копейки и новомодную шариковую ручку. После автобиографии, судьба выдала шанс зафиксировать ещё одну. Теперь в хронологическом порядке записываю основные вехи этой “новой” прошлой жизни. Пусть первая эмоциональная, но взвешенная и подробная запись будет вместо предисловия. Я помню своё прошлое, я знаю цепочку последующих событий, но мне не дано знать, как

получится существовать в этом мире. Оттого спешу всё подробно выкладывать на бумаге, где же ты, любимый ноутбук Lenovo? Как мне тебя не хватает! Теперь настольный компьютер из будущего заменяет зелёная общая тетрадь - “дорогой дневник”.

2. Встреча

Итак, урок литературы. Меня вызывает к доске преподаватель:

- Милости прошу к доске, не стесняйтесь, берите мел, записываем тему урока. Смелей, Петрушевский, смелей. Все открыли тетради и пишут “Омут светского общества”, план. Далее, “Светское общество в романе “Евгений Онегин”. А, что смешного?

Я услышал ропот за спиной и стал перечитывать свои каракули - “Омут советского общества”! Повернулся к аудитории, милые подзабытые лица одноклассников ожили, девчонки хихикали, парни зашептались. Забинков попытался погасить интерес аудитории:

- Ребята, успокоились. Петрушевский, исправляйте текст и будьте внимательны. Кстати, как называется подобный ляп?

Я напряг память и выдал по памяти:

- Это незначительная описка входит в термин парапраксис, а в устной речи - оговорка по Фрейду..., - я оборвал себя, увидев, как удивление преподавателя сменяется интересом и закончил, - где-то так, друзья мои!

- Интересно, читали Фрейда? И что же это означает, уважаемый Дмитрий?

- Незначительное и бессмысленное ошибочное действие, как плод реализации бессознательных желаний. Является компромиссным образованием, создаваемым соответствующим сознательным намерением и частичным одновременным осуществлением бессознательного желания.

У Юрия Соломоновича вытянулось лицо, а в классе воцарилась полная тишина. Челюсти конечно “не отвалились”, но подобного никто не ожидал. Краем глаза отметил, прелестное лицо Вероники Лазовской с вопросительной миной, каменное выражение Юры Сноба (вот такая фамилия, причём соответствующая внутреннему содержанию) и недоуменные физиономии остальных. На хрена я так? Встрепенулся и автоматически отчеканил то, что хорошо знал и помнил:

- В романе “Евгений Онегин” важнейшую роль играет русское дворянство и столичное светское общество. Здесь читатель встречает множество эпизодов и подробностей из жизни высшего общества. Пушкин описывает балы и званые ужины, столичные театры, одежду, манеры и привычки знатных жителей Москвы и Петербурга. Автор довольно иронично и шутливо говорит о высшем обществе и дворянах в целом. Он тонко высмеивает глупость и пустоту скучающих аристократов. Например: “...Однообразная семья, все жадной скуки сыновья...”

Преподаватель расцвёл:

- Молодец! Садитесь, Петрушевский, потом с вами побеседуем. А к доске пойдёт...

Я уже не слушал Соломоныча, делая вид, что записываю за учителем, мысленно полемизировал с собой. На хрена выдрючиваться? Зачем, если по современному, понты кидать? Моё дело маленькое: сидеть тихо, как мышь и впитывать, анализировать, подстраиваться под окружающую среду. В памяти многое стёрлось, нужно восстановливать заново, что там будет впереди? Из задумчивости выдернулся школьный звонок.

В тот памятный день, еле дотянул до конца занятий. Одноклассники косились на меня и не приставали с расспросами. Видно, я действительно выглядел несколько странновато. По памяти восстановил маршрут к дому до Нейшлотского переулка. Надо сесть на трамвай N2 и доехать до первой остановки после Гренадёрского моста, дальше пешком. Естественно, оплатил проезд, а пока ехал, в дёргающемся на стыках рельсов общественном транспорте, чуть не свернулся, озираясь и оглядываясь на полувековой давности любимый город. Историческая часть почти не изменилась: с Кировского моста те же потрясающие виды на Неву, Эрмитаж, Петропаловку, уже отстроенную первую очередь гостиницы Ленинград, телебашню.

Нахлынули воспоминания, как я с приятелем проник, на территорию пустыря рядом с Ботаническим садом. Здесь возводилась телевизионная башня для нового телецентра, самого высокого сооружения в Европе на 1962 год. С Володькой мы поднялись по лестнице до “стакана” на двухсотметровой высоте. Дальше карабкаться по железной технической лестнице стала страшно. И никто не задержал, проспала охрана малолетних нарушителей. Не

заметил как доехал до проспекта Карла Маркса. Тут оговорюсь и отмечу, что названия буду вписывать советской эпохи, а то запутаюсь начисто. О канцелярском магазине уже писал, вот он передо мной - бесценный дневник зелёного цвета для “ретро воспоминаний”.

Дедушки дома не было, ушёл в садик Карла Маркса играть в шахматы с такими же ветеранами как и сам. Дед у меня боевой: и в Гражданскую шашкой помахал на стороне красных, и прошёл Финскую компанию без обморожений, сумел выжить в Великой отечественной. Я очень любил пацаном залезать в платяной шкаф и доставать тяжёлый от медалей и орденов капитанский китель. А когда дед одевал его на 9 мая, было чем гордится перед сверстниками. Мама в экспедиции на съёмках: она у меня актриса, правда, второго плана. Папа, как иногда бывает, потерялся в этой жизни. Видел его один раз после попытки восстановить семью. Хоть я и маленький был, но запомнил пьяного мужика и громкие разборки. Всё, эта тема закрыта, лишь добавлю, что в будущей жизни никогда не бросал семью, как бы там тяжело не складывались отношения.

А встретила меня бабушка и накормила “обновлённого” внука вкусным обедом. Я с затаённым страхом и трепетным чувством всматривался в родные черты и слушал её голос. Это было так необычно, заново восстанавливать привычки прошлого. Я смотрел на бабушку, на седые волосы, собранные в пучок, испачканный фартук, увереные движения и знал, она уйдёт в 1988 году от инсульта, вызванного смертью в автокатастрофе моего дяди. Ещё раньше умрёт дедушка - инфаркт, а мама дождётся внука, но сгорит от рака в семьдесят седьмом и станет первой в этой скорбной цепочке событий. Как с такими знаниями жить в этой реальности?

- Не забыл? Тебе завтра на тренировку! Сам просил напомнить.

Ну конечно, ведь я уже два года занимаюсь боксом в “Динамо”. На тренировки ездил три раза в неделю, но тренер сдвинул занятия из-за удвоенной нагрузки на помещение. Дело в том, что на спортивной базе общества “Труд”, зал залило водой и там делали ремонт. Вот борцы временно перебрались на нашу площадку, оттого сдвинули и уплотнили занятия. Самбисты теперь тренируются перед нами. Этот эпизод я отлично помнил. На следующий день, после школы, я заскочил домой, переложил в сумку спортивные причиндалы и поехал в ДК имени Кирова. В раздевалке перемещались поклонники самбо и наши ребята из секции бокса. На

входе я столкнулся с парнем моего возраста, русым, подтянутым, не сказать крепышом. И обалдел - мимо меня, обдав запахом пота, проскользнул Путин!

- Подожди, парень, тебя не Володей звать? - Первое, что вырвалось у меня.

- Да, Володя, а мы разве знакомы?

- Путин?

- Путин. Вы что-то хотели?

Вежливый. Пришлось выкручиваться и сочинять на ходу:

- Да на тренировках пересекались, я три года назад в самбо к Рахлину поступал. Потом ты пришёл, не помнишь.

- Нет, не помню. Хотели спросить о чём-то?

Конечно будущий президент не мог меня знать и видеть. В двадцать первом веке многие читали биографию Путина. Я не исключение и, естественно, знал его пристрастие к самбо, а позже к дзюдо. Экспромт получился удачным, даже фамилию его первого тренера вспомнил. Как пройти мимо и упустить возможность пообщаться с будущим лидером нации? Парадокс заключался в том, что я знал будущее, он - нет! Мы познакомились, немного поболтали, я дал свой телефон, он свой и я рванул в спортзал - время поджимало. Все мысли крутились вокруг встречи, руки может и помнили прежние тренировки, но голова нет. В итоге мне накидали чувствительных "плюшек", тут моя реакция подвела и была явно не семнадцатилетнего юноши. "Обидно, понимашь" и подумал, может завязать со спортом, есть гораздо более ценные навыки для выживания - опыт и знания.

Вечером после ужина смотрел чёрно-белые новости. Я помнил этот фанерованный ящик "Авангард", гордо именуемый телевизионным приёмником. Его приобрёл дед с завода Козицкого по ветеранской квоте. Мне тогда исполнилось пять лет. Смотреть приходили соседи по лестничной площадке. Народ был ещё нищий, но сплочённый и дружный после войны. Мою кровать завешивали одеялом и я засыпал под звуки неведомой телевизионной жизни. Глядя на архаику пятидесятых вспоминал светодиодный экран LG с размером экрана 124 сантиметра по диагонали, оставленный в будущем на втором этаже загородного дома. Я не раз видел в

отличном цвете и высоком качестве разрешения лицо человека, с которым столкнулся сегодня перед тренировкой. К следующему разу, надо придумать способ познакомиться поближе или как там у них, разведчиков, войти в доверие с объектом. Дорогой дневник и потомки, уверенно заявляю, что впечатления от новой жизни самые тёплые: люди хорошие, свои, советские, еда вкусная, родные во мне души не чают, окружающая жизнь привычная, быт забавный. Почти весело, кабы не так грустно!

3. Адаптация

Прошло две недели. На носу выпускные экзамены. Всю жизнь боялся этих дурацких, на мой взгляд, проверочных испытаний на знание предмета. Под вопросом, в первую очередь, геометрия, математика и другие точные науки, за гуманитарные и общественные волновался меньше - всё-таки целая жизнь за плечами, а знал об этом только один человек и понятно кто, ха-ха. Мне не интересно описывать всю рутину событий мая-июня 1968 года, буду вычленять только узловые и наиболее интересные моменты. Ведь дневник, рано или поздно попадёт к массовому читателю, может будет опубликован и станет бестселлером. Например, "Записки будущего прошлого" - каково! Кстати, моя любимая британская рок-группа The Moody Blues уже год как сочинила свой эпохальный альбом Days Of Future Passed, название перекликается с условным названием дневника. Ну это так, для знатоков. Несколько слов о моём хобби.

Прекрасно помню, как в конце прошлого года сильно увлёкся зарубежными записями. Одноклассник Сашка Политковский привадил. У него дома классный маг (магнитофон) и записи британских и американских рок-групп. Меня зацепило и я повёлся. К моменту моего "возвращения", дома, в будущей коллекции, имелось несколько синглов, а часть стены увешана фотками и плакатами волосатиков из-за кордона. Бабушка ворчала, дед не реагировал: "Перебесится и пройдёт". А маме даже стало интересно. Проигрыватель "Юбилейный" без дела не стоял. Кроме того в семье уже была большая коллекция советской эстрады, народных песен, знаменитых исполнителей вроде Козловского, Лемешева, Утёсова, классики, записей из цикла "Театр у микрофона" и всякого, вплоть до трофеиного винила, что дед прихватил с последней войны.

Так вот экзамены. В первой жизни, помнится, на замечание, сделанное классной дамой на моё безобразное отношение к учёбе, я

здорово психанул и резко ответил Белке мол могу обойтись и без школы. Образование получить никогда не поздно, а учиться в классе, где тебя прессуют мне не интересно. Отношения и так складывались неважные, но тут Белка меня возненавидела по настоящему. Это сейчас воспринимаю свой бзик как гримасу переходного возраста, игру гормонов и всё такое. Но тогда я написал заявление в середине мая и ушёл из школы со справкой. Помню, дед и бабушка уговаривали остаться, мотивируя, абсурдность поступка потерянными двумя годами учёбы и лишения себя возможности продолжить образование. Я отчаянно отбивался. Бабушка смирилась быстро, лишь переживая за реакцию матери по возвращению со съёмок. Дед давил:

- Дима, чего взбрендил, никому не охота зубрить, но ведь надо. Как же без аттестата?

- Дед, ты ничего не понимаешь, закончу вечернюю школу, а пока поработаю на заводе, душа лежит к токарному станку. Затем в путягу (ПТУ) поступлю, там параллельно можно сдать экзамены и получить аттестат о среднем образовании. Армия не за горами, а после службы и в институт или в техникум. Ведь ты же хочешь, чтобы я стал настоящим защитником страны?

Деда мои аргументы смущали, он махнул рукой - делай что хочешь! Но было видно, мои слова про срочную службу были ему по душе. Вот почему в школе, следуя заповеди не менять узловые точки в течении биографии, я тупо продублировал свой бездумный протест. И вновь удивлённые лица одноклассников, Сноб вертел пальцем у виска - чего с дурака взять? Ну, ну, красавчик, я найду способ поставить тебя на место. Далее разговор на повышенных тонах с родными. Присовокупил в беседе с дедом аргумент о продолжении службы и поступлении в военное училище. Святая ложь успокоила ветерана ещё быстрей, чем сорок восемь лет назад. В итоге справка, а позже, следуя "историческому сценарию", должен устроиться на завод. Но это впереди, сейчас же описываю в хронологическом порядке, что произошло.

С новым знакомым, Владимиром Путиным, пересекались на тренировках и не то, чтобы подружились, но отношения складывались как у большинства сверстников, связанных общими интересами, в нашем случае спортом. Своё внимание я старался открыто не проявлять и даже не мог точно сформулировать зачем

набиваться в друзья к будущему президенту. Психология обывателя двадцать первого века подсказывала: а вдруг пригодиться когда-нибудь, хуже не станет. С другой стороны, откуда мне знать состоится это “когда-нибудь” и чего сейчас мыслить глобально спустя лишь месяц с небольшим в прошлом. В моём особом положении знаю прошлое и будущее, но что станется в следующую минуту, предугадать не дано. Не ровен час “сдует” в будущее или ещё куда? Моя психика такой дилеммы не тянет, так что живу “нынешним прошлым”, если можно так выразиться.

Пригласил Путина на школьный вечер в преддверии майских праздников, ведь я выступал в школьном ВИА, по нынешнему, в самопальной рок-группе. Это ещё одна часть моей биографии: играл на ударных и пел в меру способностей. Интерес к западной рок-культуре помогал и мешал одновременно. Петь на иностранном не приветствовалось, куда лучше шёл репертуар изsovковых любовно-патриотических шлягеров, а хиты британских и американских рокеров практически отсутствовали из-за отсутствия материала и знания языков. Эту проблему я собирался исправить, поскольку языком владел, многие тексты знал, партии инструментов предполагал возложить на музыкального руководителя Олега Голубева, а оригиналы достать у Сашки Политковского.

Хочется подробно описать нашу последнюю беседу с учителем русского и литературы Забинковым. На уроках я придуривался, но у меня это плохо получалось, прорывались взрослые мысли. После первого памятного контакта в день “приземления” из будущего, преподаватель поглядывал на меня, часто вызывал к доске и с интересом слушал развёрнутые ответы по заданным, а порой и отвлечённым темам. Я знал, что скору навсегда уйду из школы, он - нет. Юрий Соломонович тормознул меня после звонка на большую перемену. На дворе конец апреля, стайки учеников устремились на волю из душных классов школы, а я застрял в коридоре и смотрел на весеннюю искрящуюся барашками поверхность Фонтанки, крепко о чём-то задумавшись.

- Дмитрий, у меня вопрос. Я чувствую ваш потенциал и не свойственные возрасту вдумчивые рассуждения. Расскажите, что читаете вне классных заданий?

Я помнил, как литераторставил меня на место за вольные трактовки домашних заданий и, что греха таить, слабую орфографию,

но то в другой жизни. Сейчас же отпустил тормоза и решил потроллить пожилого педагога.

- Очень нравятся стихи поэтов-бардов: Бродского, Галича, Высоцкого, Булата Окуджавы; из прозаиков: Солженицына, Синявского, Некрасова, Максимова, да всех разве упомнишь - диссидентов немало...

Забинков испуганно напрягся и тихо спросил:

- А что помните из Синявского?

- Ну как же, роман “Суд идет”, повесть “Любимов”, была ещё статья за которую, собственно, его и Даниэля привлекли и осудили. Это, поверьте, интереснее, чем руководящая роль партии в борьбе советских людей с фашизмом по роману “Молодая гвардия” Фадеева. По прозе могу дать синопсис, если вам интересно, а стихи помню многих, вот послушайте Галича:

Быть бы мне спокойней,

Не казаться, а быть!

Здесь мосты, словно кони -

По ночам на дыбы!

Здесь всегда по квадрату

На рассвете полки -

От Синода к Сенату,

Как четыре строки!

Все земные печали -

Были в этом краю...

Вот и платим молчаньем

За причастность свою!

Видать, я здорово его шокировал, преподаватель скомкано бросил:

- Дима, давайте как-нибудь после занятий побеседуем. Вижу, вам есть что мне сказать. Сильно озадачили меня, сильно, если не сказать больше.

Юрий Соломонович растерянно окинул взглядом странного

ученика и направился в учительскую. Я смотрел на сгорбившуюся спину учителя, опустившиеся плечи и мне стало его жалко. С большой долей вероятности, допускаю, что жизнь здорово помяла питерского интеллигента в годы войны и после. Например, в 46-м, когда идеологическая послевоенная вакханалия Жданова вокруг имён Ахматовой и Зощенко, встряхнула литературные ряды Ленинграда. Забинков по возрасту тянет за пятьдесят годков, так что в те годы уже был зрелым студентом или педагогом. Ведь не спросишь, да и зачем, своих проблем что ли мало?

4. Время вперёд!

Я сидел на уроке истории. Смотрел в окно за которым через Фонтанку угрюмо возвышался шедевр Баженова - Михайловский замок. Мысленно был далеко в будущем, на нашем участке. Давно обещал Светлане сколотить скамейку из дерева. Заготовки появились, после того, как по мобильному пригласил верхолазов и хлопцы, вооружённые мотопилами срезали верхушки с неприлично высокой берёзы. Подталкивал страх, что когда-нибудь во время урагана великанша рухнет на теплицу или злополучный хозблок. Время пришло, и как раз за неделю до моей “командировки”, работа была исполнена быстро и качественно. Всего-то пять тысяч рублей. Уложились в полчаса и укатили на своём Мицубиси “Паджеро”. Спасибо, ребята, счастливого пути! И пятёрки не жалко, зато теперь имеется материал для садовой мебели. Расскажи кому сейчас, посыпятся вопросы: какой “мобильник”, как за пять тысяч, это же цена автомобиля “Волга”, а что за зверь “Паджеро”? Я ухмыльнулся.

- Петрушевский, встаньте пожалуйста, что смешного? - историчка взорвалась, гневно поблескивая ленноновскими очками-кругляшками. - Что я сейчас объясняла классу?

- На какой вопрос отвечать, Тамара Сергеевна?

- Давайте по порядку, я вас слушаю.

- Извольте, уважаемая Тамара Сергеевна. Я мысленно решал другие задачи, спровоцированные “воспоминаниями о будущем”. Был так увлечён, что ваше обращение пропустил мимо своего потока сознания. Будьте любезны, повторите суть вашего посыла к аудитории.

Класс ожил, послышались фырканья и смешки. Краем глаза заметил, как Сноб брезгливо поморщился. Чего он так меня

ненавидит? А что будет после моего демарша по программе досрочного ухода из опротивевшей школы и её совдеповской системы обучения? Потерпи Сноб, и твоя покровительница Левина пусть подождёт, сюрпризы впереди.

- Опять ёрничаете? Я рассказывала классу, что восьмая пятилетка разрабатывалась исходя из директив двадцать третьего съезда КПСС, провозгласившего переход от административных к экономическим методам управления народным хозяйством, где и была выработана долгосрочная программа дальнейшего подъёма экономики страны. Петрушевский, а когда состоялся двадцать третий съезд?

- Точно не помню, но уверенно заявляю, что будущее поколение советских людей будет жить при коммунизме! Другими словами, на первое место ставится неуклонный рост благосостояния советского народа, а для этого, в свою очередь, требуется дальнейший подъём экономики страны, ровно то, о чём вы так убедительно сейчас рассказывали.

- С этим никто не спорит, но вы не ответили на мой вопрос. Вижу, что не знаете. Запомните, в 1966 году. Садитесь. Продолжим тему занятий и запишем “Основные вехи восьмой пятилетки”.

Мои мысли перекинулись на предстоящий концерт. У группы не было названия - обыкновенная самодеятельность, в которую я попал полтора года назад. За это время сносно научился отбивать ритм и солировать у микрофона, пригодилась вокальная практика нескольких лет в хоре Выборгского дома культуры. Теперь прежний опыт помноженный на новые знания, по моим прикидкам должен дать особенный результат. Помимо интереса к исполнению песен со сцены в актовом зале, нас объединяла тяга к западникам, мешало незнание английского языка, ведь все участники изучали французский. Сей факт мешал ставить в репертуар хиты из-за бугра, впрочем, не очень то и разрешали их исполнять.

Комплект аппаратуры весьма слабенький, зато у Олега Голубева, учившегося в музыкальной школе, имелась органола “Юность”. Ещё в девятом классе, кто-то из старшеклассников дал на прокат несколько электронных примочек: фузз, ревербератор, квакушку. Плюс два кустарных голосовых ящика с кинаповскими динамиками, что-то типа комбика на бас-гитару, плюс три ламповых усилителя, рижская ударная установка укомплектованная по минимуму (вместо

пластика кожа), тройка динамических микрофонов и всякие мелочи.

Я “ заново ” влился в музыкальный коллектив с “ новыми ” идеями и открывшимся, внезапно, знанием английского из будущей жизни. За несколько недель вечерних посиделок, группа разучила несколько западных хитов и что-то из советской эстрады. Репетиции проходили с повышенным интересом к моим неожиданно открывшимся талантам. Политковский притащил магнитофонную приставку “ Нота ”, подключили её к усилку и прогнали пару катушек. Я отобрал несколько номеров, мотивируя тем, что знакомый подарил, написанные от руки тексты на английском. На долю Голубева пришлась вся музыкальная канитель: снять ноты с оригинала и расписать партии инструментов, выбрать тональность, поработать над вокальными унисонами и, само собой разумеющееся, моим голосом.

И вот 30 апреля, вторник. Праздничный концерт посвящённый 1 мая - дню международной солидарности. Если по новоязу двадцать первого века, школьный дресс-код по боку: пацаны в костюмчиках, девчонки в вольных юбочках или платьях, Первое отделение прошло, как полагается с приветственной речи директора, затем сборная патриотическая солянка из стихотворных и песенных номеров. Школьный хор потряс стены, исполнив “ Марш энтузиастов ”. В конце отделения наша группа громко и торжественно спела в четыре голоса “ И вновь продолжается бой ”. Над головами утомлённой официозом молодёжи, плыли слова:

Неба утреннего стяг...

В жизни важен первый шаг.

Слышишь, реют над страною

Ветры яростных атак!

Это мой первый сюрприз: песня Пахмутовой и Добронравова, только об этом никто не знал, даже сами заслуженные авторы, поскольку звёздная пара сочинила её в 1974 году! Простите попаданца, уважаемые, я на ваши права не покушался, лишь разучил с пацанами и озвучил на несколько лет раньше. Композиция яркая, запоминающаяся, напел несколько раз, попробовали в ля миноре и готов шлягер. Привет из будущего, а кто предъявит?

Самое интересное ждало юношей и девушек во втором отделении: танцы! Старшеклассники, подогретые креплённым вином,

не связанные школьными табу, быстро настроились на музыкальную волну и тепло приняли “Нет тебя прекрасней” Юрия Антонова, прямо вечер открытий! Никто не мог слышать эту замечательную композицию, поскольку появилась она спустя три года, это я знаю точно, своими ушами слушал на концерте “Поющих гитар” в ДК Ленсовета на Петроградской. Тогда я приезжал в Ленинград в отпуск из армии. Школьникам красавая мелодия и проникновенные слова понравились: робко закружились первые пары, затем учителя и гости. Баллада кончилась и тут мы жахнули первый аккорд “You Really Got Me” британской группы The Kinks. Искажённый динамиками убойный жёсткий риф, выведенный на полную мощность, поверг публику в шок.

Отвлекусь на минутку: в двухтысячных прочитал в журнале Classic Rock интервью лидера The Kinks Дэйва Дэвиса. Он вспоминал, как купил маленький дешёвый 10-ваттный усилитель, обрезал бритвой всю бумагу вокруг динамика и оттуда попёр обалденный звук. Ровно так же я поступил с уже порванным динамиком в колонке. Искажение выше всяких похвал. Толпа ринулась в пляс, учителя недовольно косились, но молчали. Шейк, это был шейк (вихляния бёдрами придёт через несколько лет)! Я рычал в микрофон и отбивал доли, а две гитары и клавишные создавали неповторимый драйв знаменитого хита. Пригласили в помошь пятого участника на бубен, в оригинале звяканье тарелочек очень в тему.

Girl, you really got me now

You got me so I don't know what I'm doin'

Girl, you really got me now

You got me so I can't sleep at night

(Девчонка, ты вконец вскружила мне голову,

Ты достала меня, я не понимаю что делаю.

Да, ты просто покорила меня,

Ты достала меня, чтобы я не спал по ночам).

Со сцены вижу удивлённую мину Бэллы Григорьевны Левиной, рядом с ней скрестил руки и бросает презрительные взгляды Юрочка Сноб - такие танцы не для него. Следующую песню знали все, она прорвалась в СССР на пластинке фирмы “Мелодия” в прошлом году:

“Девушка” (музыка и слова народные) исполняет квартет “Битлс”. Тут всё гладко и пристойно. А затем мы жахнули битловскую “Can’t Buy Me Love”. Этот шлягер слышали многие пацаны, ведь композицию крутили круглые сутки по западным радиостанциям. Далее, по неписанным законам, следовал медленный танец и перерывчик небольшой, зато какой насыщенный событиями.

5. Прощай школа

После первого отделения, я намылился сбегать в туалет покурить и не только, но столкнулся с Белкой. У классного руководителя были ко мне вопросы:

- Петрушевский, ты хоть понимаешь о чём поёшь? Если изучаешь французский, никто не мешает исполнить что-нибудь из шансона или тексты советских композиторов переведённые на язык Гюго? Зачем коверкать язык, абсолютно не зная первоисточник?

Мне показалось, что она довольна своим изящным пассажем. Я разозлился, ладно, тогда держи дорогая Белла Григорьевна не менее “элегантный ответ”:

- Не просто понимаю язык Шекспира, а даже очень понимаю. Что касается песен на французском языке, готов сольно исполнить “Солнечный круг”, не шансон правда, зато прекрасный антивоенный распев Льва Ошанина. Мы его в шестом классе учили: *un soleil rond, un ciel sans fond* (солнечный круг, небо вокруг).

Белка хитро сощурилась и спросила по-английски:

- Если ты такой умный скажи, как хорошо я говорю на английском языке?

- На мой взгляд, дорогая Бэлла Григорьевна, ваш языковый запас ограничен институтскими знаниями в рамках школьной программы, а я изучаю разговорную речь Соединённого Королевства всю жизнь. И как видите, излагаю свои мысли достаточно убедительно.

Ответил также на английский и она всё поняла. На Левину было неловко смотреть, дама сдулась иказалось, что “хала” на её голове обиженно заколыхалась. Видно мой пассаж чувствительно царапнул по самолюбию. За последний час, я превратился из никчёмного троечника в интересного исполнителя и эрудированного собеседника. Вот тебе, педагогиня, уважай и люби своих учеников! Вялотекущий конфликт между мной и Белкой назревал давно. Я ощущал его, как

противостояние старой, по меркам подростка, зашоренной тётки, ничего не понимающей в психике юного школьника. А меня она воспринимала, скорей всего, как придурка идущего не в ногу с коллективом. Видела во мне лишь невоспитанного и агрессивного ученика, прячущего за особенностями переходного возраста, лень и расхлябанность. Может оно и так, в детстве пубертатный период ставит мозги набекрень. Но всё это было до того, а сейчас старые обиды изящно обернули против мадам, делящей класс на любимчиков и остальных. Можно было и не троллить педагога, ведь нынче с головой всё в порядке, но как это приятно поставить на место человека, попившего немало крови, сложись наши отношения иначе, может и школу окончил и в Мухинское училище поступил как все...

Я оставил ошарашенную классную даму и двинул по заданному маршруту. В туалете табачный дым стоял коромыслом. Кто-то примостившись на подоконнике дул из горла портвешок - нормальный школьный сортир, не знаю, как в будущих лицеях и колледжах, но тогда подростки самоутверждались именно так.

- А вот и наш певец зарубежный, ученик прилежный!

Опять Сноб и кажется поддатый. Что же парень ты всё маячишь на пути? Мне кажется, старосту класса, капитана школьной волейбольной команды, отличника и любимца Белки, элементарно мучила зависть: какой-то замухрышка из грязи да князи. А как иначе! Откуда тебе знать, пацанчик, что под личиной ранее ничем не выделявшегося одноклассника, прячется битый жизнью шестидесятисемилетний мужчина.

- Тебе неймётся, мальчик? Пободаться хочешь?

- Что сказал? А если в рожу? - староста напрягся и сжал кулаки. Я и глазом не повёл, уронить самодовольного спортсмена-волейболиста, не велика доблесть.

- Нет, Юрочка, в рожу не надо - себе дороже, поверь старику.

Это случайно вырвалось из будущей жизни, для семнадцатилетнего подростка я и в правду стариk. Не послушал Юрочки дядю: замахнулся, метил мне в челюсть, среагировать-то я успел, да неудачно, гадёныш попал в плечо. Блин, больно! Остальное дело техники, зря что ли на районных соревнованиях по боксу выиграл первое место с правом участия в городском первенстве. Итак: один удар в солнечное сплетение - сбить дыхание, следующий -

левый боковой, затем финальный - прямой с голову с доворотом правой ноги. Стандартная “троечка” и лежит придуорк на обоссанном полу, хватает воздух жирными губами. Пацаны с интересом наблюдали показательную трёпку для дерзкого забияки и не делали попыток заступиться за одноклассника - сам первый начал!

Я не оглядываясь вышел, надо доигрывать программу, да сворачиваться. На сцене расстроенный Голубев поведал, что завуч запретила дальше играть. Да и хрен с ней! Старшее поколение подтвердит, как на любую деятельность, вне рамок заданных министерством культуры и чиновниками на местах, накладывался запрет. Пройдут годы, когда волосатики смело будут гулять по улицам и проспектам Ленинграда, когда подпольные музыкальные группы будут иметь возможность играть на танцах что угодно и как угодно. Собственно процесс уже идёт, но не везде. Жаль, что наша группа не исполнила битловскую “She’s A Woman”, убойный хит роллингов “Satisfaction” и всякого по мелочи. Эти события лишь подтолкнули к неизбежному (по оригинальному сценарию) ухода из школы.

Через пару недель гостеприимные двери средней школы N190 с художественным уклоном закрылись за мной навсегда. В канцелярии вернули аттестат о восьмилетнем образовании и выдали справку, что я проучился в средней общеобразовательной школе N190 с художественным уклоном неполных два года. Затем метнули укоризненный взгляд и сухо попрощались. Теперь я свободен от ненавистных экзаменов, скучных одноклассников и чопорных учителей. Остались позади мои конфликты с одноклассниками, пропуски уроков, злые неумелые эпиграммы на учителей. Особенно доставалось преподавателю “гроба” (гражданской обороны). Над Аркадием Семёновичем подтрунивала вся школа за солдафонские замашки и отсутствие навыков находить общий язык с учениками. На его уроках я был в фаворе, так как исполнял обязанности киномеханика и показывал учебно-патриотические фильмы по военной тематике. Но незабываемые вводные типа “газы!”, когда требовалось уложиться в норматив, не забуду до конца жизни. Повторил про себя “до конца жизни” и заново всколыхнулись думы о жутком одиночестве, душной атмосфере совка, постоянном самоконтроле: как бы чего не ляпнуть лишнего. Давит отсутствие привычных гаджетов, изобилия и доступности товаров, продуктов. Эх, потомки, поверьте, интересно первые несколько дней, дальше -

изоляция, тюрьма.

Несколько десятилетий спустя я случайно проходил мимо своей школы на набережной Фонтанки, нахлынули воспоминания. Тогда спросил себя: а стоило ли рвать устоявшийся веками уклад, бросать школу, путать дорожки к будущей карьере? И уверенно ответил: да, не о чём не жалею! Всё перевесила ранняя материальная самостоятельность, свобода от бесчисленных табу и правил, становление личности и новый опыт. Энергичный шаг от маменькиного сыночка во взрослую жизнь. Это я отвлёкся, что было дальше?

Вот я протягиваю паспорт в отделе кадров завода “Русский дизель”. На меня завели трудовую книжку и первая запись гласила: “Принят учеником токаря. 15 мая 1968 года”. Перед этим, на собеседовании с начальником цеха, седовласый ветеран долго и упорно расспрашивал о причинах, побудивших бросить школу за месяц до выпускных экзаменов. Сперва я отшатнулся: таков непростой жизненный сценарий, но работодатель настаивал, пришлось сказать правду, мол стойкие противоречия с классным руководителем и одноклассниками. Видя, как начальник напрягся, добавил: “Это не помешает поступить в ПТУ на токаря-универсала, закончить школу рабочей молодёжи и стать классным специалистом, чтобы приносить пользу Родине”. Такой пассаж начальнику понравился, приняли с испытательным сроком. В мою пользу сыграл тот факт, что имел ленинградскую прописку и жил через дорогу.

Меня прикрепили к токарю шестого разряда, золотых дел мастеру, к Сердюкову Прохору Ивановичу или по простому дяде Проше. Сердюков мне “ровесник”, но на пенсию не спешил. Прекрасные навыки не только токаря, но и слесаря-механика советская власть отметила многочисленными грамотами, переходящим вымпелом “Лучший рабочий” и высокой зарплатой. Я с интересом приглядывался к заслуженному пролетарию и гордостью завода. По-первости убирал стружку и протирал станок. Потом мастер показал расточку простых деталей, позже втулки рабочего цилиндра, попутно объяснял, как читать чертежи, в общем, наставник что надо!

В курилке, дядя Проша любил пофилософствовать о международном положении. Я помалкивал в тряпочку, боясь резануть неподобающую правду о смещении Хрущёва, о вводе

советских войск в Чехословакию, о роли Анжелы Дэвис, гибели Гагарина, войне во Вьетнаме и других политических событиях. Зачем дразнить хорошего человека, прошедшего, как выяснилось со временем, сталинские лагеря и Великую Отечественную. Мне тогда подумалось, неплохо познакомить Сердюкова с дедом. Так началось лето. В сентябре я собирался подать документы в ПТУ № 49 на токаря-универсала. Время шло, ничего не менялось, я в совдепии уже третий месяц. Как там у Булгакова: “Все будет правильно, на этом построен мир”, а всё-таки, что дальше?

6. Нева, музыка и спорт

Прошлая запись закончилась вопросом всех вопросов: что дальше? А что есть выбор? Тетрадь в 96 листов, а исписал пока, несколько страниц, спрашиваю себя, а когда испишу полностью, не придётся заводить вторую, третью? В будущей жизни и в непростых условиях ограниченной свободы я сочинил такие строчки:

Когда способен на поверхности держаться,
А рядом тысячи голов теснятся,
В едином взмахе рук, застывшего движенья,
Приходит чувство удовлетворения.
Святое чувство надо пережить,
Легко ли по течению плыть?

Вот и плыву, ядрён батон, плыву по реке собственной пёстрой биографии. А говорят в одну реку не войти дважды! Брехня! Ладно, разговорчивый такой потому, что бухнул сегодня днём. После смены, с дядей Прошой и Юркой Портнягиным, завернули в бакалею, а затем на берег реки Невы. Юрка новый приятель, подмастерье вроде меня и тоже метит в токарных дел мастера. Расселись на берегу, гранитную набережную ещё не проложили, вот и сидим на брёвнах смотрим на чаек, редких рыбаков, да на ловкие руки Сердюкова, раскладывающие нехитрую закуску и разливающего в стакан креплённое вино “Волжское” за рубль с небольшим. Вино сладкое, давно забытый вкус доброй советской бормотухи, гранёный стакан позаимствован из автомата газированной воды - захватывающая совдеповская ностальгия. Без всякой связи, Сердюков говорит:

- В прошлом году по осени наводнение было, так до завода вода дошла. В резиновых сапогах на смену шли, план горел, ведь

праздники на носу и в три смены работали не покладая рук. Ремонтная бригада нажралась, но держалась, потом, когда отпустило, мы тоже после работы вмазали водовки. Не то, что это пойло, но вам пацанам больше и не надо, успеете привыкнуть. Выпьем, чтобы не было наводнений!

Мы по очереди опрокинули в себя гранёную ёмкость, закусили, да сигаретку в рот. Славно посидели, по рабоче-крестьянски, не то что в будущем с барными стойками, изысканной закусью, манерными стопками и шейкерами. После второго “пузыря” мелькнула шальная мысль, а может рассказать всё мужикам? В голове громко ругнулся стоп-сигнал: дурак что ли? Конечно нельзя, примут за блаженного, сторониться будут. На заводе всё просто: работа, план, социалистическое соревнование, душ после смены, полбанки на троих и домой. А тут какой-то псих, вчерашний школьник, смешно!

Записываю эти строки, на обшарпанном секретере с откидной доской, из кухни доносятся чудные запахи картофельных оладий. Хочется быть маленьким, беззаботным и никаких прошлых и будущих жизней, чтобы бабушка, с обязательным напоминанием помыть руки, звала к столу. Духмяный запах от стопки блинов, розетка с бруснично-яблочным вареньем и чтобы чай по-купечески, из блюдца. За столом вся семья в сборе: весёлая молодая и прекрасная мама, кулинарная кудесница бабуля, добрый ворчливый дед, его сестра - моя двоюродная бабушка, которую именую просто тётушкой, дядя со шрамом на лбу - след от бревна обрушившегося в блиндаже от прямого попадания авиационного фугаса. Милые, любимые лица. Вас давно нет, а я здесь - стрелец неприкаянный. В декабре стану совершенолетним...

А пока, как малолетка, я приходил на смену к восьми часам утра. Долговязый очкарик Портнягин, которому стукнуло восемнадцать, подтрунивал:

- Ты чего на на час опаздываешь?! Мастер наряд не закроет. Гнать с завода злостного нарушителя!

Я отшучивался, Юрка парень хороший. В будущем мы пересечёмся не раз. Юрка остался в токарях. До самой своей насильственной смерти в 2014 году, исполнял редкие, но дорогие заказы. Кабы не моя фантастическая находка на участке, жил бы Портнягин дальше в своём будущем. Но та история особая, чего о ней вспоминать.* А пока жизнь прекрасна - всё впереди!

В конце мая звонил Голубев, интересовался готов ли я продолжать участие в группе. Что за вопрос, мне такое творчество в радость (по “сценарию” я играл до самого призыва в Советскую Армию). Поинтересовался: кто из ребят остаётся, есть ли название, какие организационные вопросы и другие мелочи. Олег пригласил на репетицию в помещение красного уголка на Петроградской что в доме Кирова. Вот так номер: в этом примечательном здании жил Саня Политковский и мой тренер по боксу Илья Матвеевич. Удивился заново, да и намылился в первый выходной июня на встречу с музыкальным ансамблем.

Я отлично помнил своё музыкальное будущее и оно мне очень нравилось ровно до тех пор, когда после армии я пытался поступить на курсы ударных инструментов при музыкальном училище в районе метро “Чернышевская”. Меня тогда безжалостно зарубили, оставив в памяти вечную обиду. Почти четыре года за ударной установкой, а мне ясно дали понять: ты бездарь! Наверное так бывает, но тщеславная составляющая, отмечает такой вердикт. Если доживу, в этой реальности, до весны 1971 года, вмешаюсь в историю и докажу чего стою. А пока вновь разглядываю низкий потолок подвального помещения красного уголка, невысокую сцену, перед ней десятка три деревянных кресел, красное знамя, трибуна и портрет Ленина. Раз в месяц выходит на трибуну замшелый и никчёмный человечек, кладёт перед собой блокнот агитатора и читает местному контингенту лекции о роли партии в деле построения коммунизма. Политинформация.

Помещение и что-то из аппаратуры организовал Лёва Магазинер - прообраз будущего музыкального менеджера. Лёва носил усы с бородкой, очки в чёрной роговой оправе и напоминал Лейбу Давидовича Бронштейна, более известного советскому народу, как изменника и главного осквернителя партийной чистоты Троцкого. На мой взгляд, их объединяло не только семитское происхождение, но и кипучая энергия и жажда деятельности. Таких подробностей в мемуарах, оставшихся на жёстком диске в будущем, не было, пусть эти детали станут дополнением к моим приключениям по “коридорам времени”.

Познакомились. Лёва представил своего брата Семёна - ритм-гитара. На клавишах и в качестве музыкального руководителя Олег, далее: соло-гитарист Сережа Борзов, басиста, хоть убей, не помню, пусть будет Максим, ну и я, поющий ударник. Аппарат всякий: от

“кинапа” до болгарского “орфея”, раздолбанная “кухня” с кожей на барабанах (пластик входил в моду, но был дефицитом). Что ещё? Обсудили репертуар, план репетиций, договорились, что прибыль с выступлений забирает босс и по мере поступления, что-то приобретает по технической части, исходя из наших пожеланий. Я предложил назвать группу “Феникс”. Вот так появился ещё один доморощенный и полный амбиций любительский рок-квинтет.

Бокс никуда не делся. Тренировки по расписанию, группа самбистов вернулась к себе на базу после ремонта, так что с Путиным больше не встречался, тогда шапочное знакомство, а спустя много лет сами знаете... Илья Матвеевич Никаноров - мой тренер, бывший член сборной РСФСР, полутяж. Он выделил меня оттого, что сам увлекался западным роком, отдавал мне магнитофонные катушки на запись. Я же, в свою очередь, просил что-нибудь записать Алекса Политковского. Когда выяснилось, что тренер с источником коллекции живут в одном доме, а “Феникс” репетирует в подвале, наши отношения с наставником приобрели дружескую окраску. Матвеич задерживал меня на тренировках и “ставил” удары. Обоюдовыгодное содружество, предполагало некоторое панибратство: мы иногда собирались у Сашки на квартире. Под роллингов или битлов, хозяин угощал рюмочкой другой пятизвездочного коньяка, а то приносили с собой “Алазанскую долину” или другого доступного “сухаря”. В такие моменты расслабухи, глядя на вращающиеся бобины магнитофона “Тембр”, тянуло поболтать и раскрыться перед хорошими людьми, увы.

На городских соревнованиях в июле 1968, я завоевал третье место. В ответственном бою мне лихо накостыляли. Пропустил апперкот да так неудачно, что капа вылетела изо рта. Бой остановили, капу вернул наместо, но штрафные очки не позволили пройти в финал. Да и ладно! Третье место давало мне КМС (кандидата в мастера спорта) и дальнейшую перспективу спортивного роста. Я помнил, что в будущем, в где-то в моём архиве, помещавшемся в чемодане из фибры, хранилась грамота и пропуск клуба “Динамо” с вкладышем. А что, бокс - навык нужный, любому мужику пригодится. И пригодился, да не раз. По ходу буду освещать. Вот пишу и машинально пытаюсь нащупать шрам на нижней губе - след жестокой сшибки на зоне, когда от удара одного козла собственный зуб пробил губу. Ищу напрасно, то время ещё не пришло... Время и опыт мои главные союзники в нынешней реальности. Кто-то хорошо

сказал: опыт - самый хороший учитель, берёт, правда, дорого, но объясняет доходчиво.

* Рассказ “Клад егеря Бута” (прим. Автора)

7. Пэчворк

Пэчворк. Мне нравится такое слово, применительно к моей биографии, это отличная метафора, означающая сшитую из пёстрых кусочков мозаику жизнеуклада попаданца. Уже ноябрь. Я тысячу лет не доставал дневник. Событий и ситуаций не просто много, а туча. Теперь по порядку.

Завод дал прекрасную характеристику для поступления в ПТУ на токаря-универсала. Несколько месяцев на “Русском дизеле” подарили хорошую практику, новых друзей и неплохие честно заработанные деньги. Это почти четыреста рублей - целый капитал для тех лет. Всё по чесноку: половину предкам, вторую часть на личные расходы. Родня, которая никак не могла простить моего шага в задержке образования, от денег не отказалась. Дед ворчал: “Хоть какой-то прок от балбеса”. Я отмалчивался, вся жизнь впереди, а какой она будет зависела и в прямом и в переносном смысле от меня. Так ведь не станешь откровенничать с ветераном, объяснять что и как. Мне бабушка рассказывала, как дед чуть не отдал Богу душу после закрытого доклада Хрущёва на двадцатом съезде партии. Если я открою рот, то уж точно добью старика.

Себе прикупил у Политковского первую пластинку Битлов “Please Please Me”. Уж я-то знал, что в будущем, коллекционеры станут охотится за виниловым первопрессом с жёлтым “яблоком” Parlophone Records. Дело не в деньгах, а в памяти! В первой жизни я собрал почти полную коллекцию знаменитой ливерпульской четвёрки. Не хватило денег на Let It Be с увесистым буклетом. Зачем-то весь винил спустил перед армией. В этот раз так не будет: ни за что не продам коллекцию и денег на последний номерной альбом достану.

А ещё: приобрёл в комиссионке магнитофон “Гинтарас”, удобный такой чемоданчик с ручкой. Отдал в переделку знакомому радиотехнику, умелец растянул диапазон воспроизводимых частот от 30 до 12500 герц, добавил самопальную колонку с встроенным усилителем и качество звука вполне приличное. Через комбик, так же подключил новомодную и жутко дефицитную плату

стереофонического проигрывателя рижского радиозавода. Теперь я был упакован полностью, плюс бобины с магнитофонной плёнкой - недолговечная продукция ПО “Свема”. По тем временам я продвинутый меломан. Так я стал коллекционером на всю жизнь, от магнитофонной ленты “тип два” и импортного винила, до выносного харда на 10 терабайт и компакт-дисков класса Super Audio.

О музыке готов говорить часами, переключусь на “Феникс”. Со дня первых репетиций в июне до ноябрьских праздников, группа значительно продвинулась. Лёва Магазинер, наш менеджер, талантом организатора явно не был обделён. Мы выступали по всему городу начиная от жилконторовских красных уголков до больших площадок типа эстрады в сестрорецких “Дубках” или зале дома культуры “Мир”, именуемый в народе “Молотком”. Репертуар значительно вырос: помимо песен западников, появились свои композиции в духе психodelии и псевдо-прогрессива. Фанаты должны помнить убойную “Дефицит” или кислотную тему “Бронированная душа”. Впрочем, “Дефицит” спустя какое-то время, Лёва категорически запретил. Похоже, покровители из отдела пропаганды, вставили администратору хороший пистон за песню с антисоветским душком. Кому понравится такой куплет и припев:

“У порога магазина вновь привычная картина:

Что-то продают, зигзаг толпы течёт.

Оскудевшие лимиты превратились в дефициты

И привычно очередь к себе влечёт:

“Кто здесь последний в рай? Дай! Дай! Дай!”

Не видеть это лучше,

Вещей призывающий вой,

Живые чувства глушит

И тянет за собой.

Ажиотаж и давка мне радость не сулит,

У этого прилавка - духовный дефицит!”

Нет, так нет! У меня текстов много, что-то своё, что-то заимствовано у коллег из капстрэн. Например, у тех же The Kinks, The Swinging Blue Jeans, The Monkees, Iron Butterfly и никакого

плагиата. Группы успешно существовали, композиции побывали в тамошних хит-парадах, так чего же советским ребяткам не исполнить кавер-версии. Мы выступали на свадьбах, небольших мероприятиях, даже в дурдоме. Проныра Магазинер со всех умудрялся тянуть рубли. Не осуждаю - его работа договариваться, а наша - лабать. Лёва после моих настоятельных просьб, достал пользованный "шурровский" микрофон со стойкой, в то время являвшийся классикой звуковой индустрии. Петь стало трудней, ложать уже не получится - звук чистый.

Мой спортивный рост на ринге оказался под угрозой. Сперва, на тренировке, мне здорово засветили в правый глаз и надо такому случится на следующий день приключилась драка во время выступления "Феникса" в одной из школ. Старшеклассники решили, что энергично kleю их девчонок. Мне сделали замечание, я отмахнулся, мол отвалите со своими тёлками, своих хватает. Хлопцы обиделись и сдёрнули меня со сцены. Кому-то я успел сунуть пару-тройку плюшек, но взяли количеством: долго месили меня и подоспевших на помощь музыкантов. Выступление было сорвано, а я получил дубль в пострадавший глаз. Это уже серьёзно. Окулист ограничил нагрузки, а на занятия боксом и вовсе наложил категорический запрет. Вердикт доктора прост и красноречив:

- Хочешь потерять зрение, дерзай! Потом не жалуйся.

Я связался с тренером и объяснил ситуацию. Илья Матвеевич сокрушённо вздохнул:

- Ты не первый раз гильдяй, с которым приходится прощаться. Я понимаю защищал бы девушку или дал отпор бандитам, но связываться со шпаной во время выступления глупо и неловко. Отболтался как-нибудь, извинился да забыл.

Дальше следовали пафосные тезисы о чести советского спортсмена, правилах, навязанных сызмальства: не использовать навыки во вред! В заключении тренер выразил надежду, что этот случай не повлияет на приятельские отношения в сфере музыкальных интересов. И не повлиял, мы отлично ладили с Матвеевичем, даже когда стало ясно, что я повесил перчатки на гвоздь. В итоге, три года занятий принесли помимо боксёрских навыков и общего физического развития, хорошего товарища.

К великому сожалению, помню, как встретил Никанорова после

армии в совершенно опустившемся состоянии. Он виновато мямлил, что тренировать бросил, мол “так получилось”. Без объяснений было ясно, что здоровый мужик катится в пучину беспробудного пьянства. Мне он больше не звонил. Позже узнал, что тренер устроился грузчиком, там вредная привычка усугубилась и его попёрли с работы, где к пьянству привыкли, но не до такой же степени, когда здоровый мужик валился кулем или лезет с кулаками. Да, такие случаи с известными спортсменами, теряющими точку опоры и катящимися по наклонной, имеют место. Эх, Илья, меня корил, а сам...

Дома пока всё хорошо, череда смертей наступит не скоро, стараюсь об этом не думать. Мама вернулась из экспедиции. Сильно расстроилась моим ученическим зигзагам, но что-то исправить было поздно. Я уже работал на заводе, принёс первую увесистую зарплату, занимался тогда ещё спортом и выступал в ансамбле. Другими словами при деле, а не с уличными гопниками в подворотне, дующий пузырь бормотухи из горла. А потом я совершил подвиг! И вот как это произошло.

На улице Комсомола движение транспорта вялое, всегда много машин, да и трамваи сильно тормозят. В тысячный раз переходил улицу, абсолютно не думая о машинах, но в этот раз что-то пошло не так, я был уже на середине пешеходного перехода, когда почувствовал опасность, а потом и увидел, как на гражданина, опередившего меня на пол корпуса, летит грузовик. Хорошая реакция не подвела, я схватил попутчика и отбросил его назад на противоположную полосу от сумасшедшей машины. И правильно, что назад: ГАЗ-51 изменил траекторию, выскоцил на поребрик и наискосок врезался в стену дома. Раздались крики, у меня отпечаталась в памяти тёплая волна от двигателя и грохот бешено вращающихся колес. Ещё миг и мужчина оказался бы под колёсами. Я помог подняться, перепачканному в грязи спасённому. Молодой, старше меня лет на пять, хорошо одетый человек, интеллигентной внешности. Он растерянно благодарил и машинально отряхивал брюки и пальто. Кто-то передал ему отлетевший от моего толчка портфель. Со стороны Финляндского вокзала бежали любопытные. Я спохватился и решительно двинул прочь, мне эта история не понравилась. Лучше незаметно исчезнуть, не ждать ГАИ, протоколов и прочей чехарды.

На следующий день прочитал в газете “Смена”, как неизвестный

спас пешехода чуть не попавшего под колеса грузовика. Корреспондент рассказал, что “в кабине с водителем случился приступ эпилепсии. Стопа от судороги вдавила педаль акселератора в пол. К счастью никто не погиб, трое пострадавших доставлены в хирургическое отделение Военно-медицинской академии, находящейся в ста метрах от происшествия. Неизвестного пытаются установить”. Вот так, дорогой читатель, герои среди нас!

Учиться в путяге мне нравилось. Коллектив сплошь мужской - пацаны после восьмилетки, только мы с Юркой Потнягиным стояли особняком: два переростка, я - без пяти минут со средним, у Юрии аттестат имелся, но из-за болезни поступил на год позже. Рассказывали, что раньше в училище женского полу было в избытке. Но постепенно мужская профессия стала доминировать и вымыла из мастерских и учебных классов отвлекающий фактор. Нам платили стипендию, нас одевало и кормило государство. В будущей жизни я не раз вспоминал эту очень выигрышную примету социализма: страна готовила кадры, а не составляла списки на отчисления злостных неплательщиков за учёбу. Денег никто не отменял, но не всегда зарплата ставилась на первое место: был план, соцсоревнование, ну и что? Токарь высокой квалификации зарабатывал за двести рублей, плюс премии, тринадцатая получка и касса взаимопомощи - гарантированная выплата в особых ситуациях. В СССР работала система социальных лифтов. Кто это понимал и не был баклушки, хорошо жил по меркам времени. Вот такой мой простой манифест из прошлого будущему.

8. С новым годом!

И он наступил, новый 1969 год - второй год моего существования в заданных рамках наново запущенной биографии. Период, принёсший кучу открытых, переоценку духовных ценностей и жизненных приоритетов. Я с особой теплотой вспоминаю эти прекрасные домашние посиделки всей семьёй.

Ёлку приобрёл на заводе “Русский дизель” - квота для рабочих. Шары, бусы, звезда и другие игрушки, покупались ещё в конце пятидесятых, когда я радостный вышагивал с дедом по ДЛТ (Дом ленинградской торговли) и требовательно указывал пальцем на то или иное понравившееся украшение. Меня подготовка к празднику ввергла в ностальгические воспоминания, я искренне радовался простой деревянной крестовине, обложенной ватой и предполагал,

что первого января найду под ёлкой подарок от деда мороза, восторгался разноцветной мишуре, змейкам проводов с лампочками, незабываемому запаху свежей хвои.

Праздничный стол, покрытый накрахмаленной белой скатертью, радовал глаза до боли знакомыми и желанными кушаньями: большая ваза с оливье, сельдь под шубой, икра чёрная, да-да, мама купила её в рыбном на Петроградской. Варёная и жареная картошечка на гарнир к языку, докторской колбасе, курице, отбивному шницелю, масса других очаровательных и подзабытых блюд. Круглый ржаной хлеб с вкуснющей корочкой (утренняя выпечка Пискаревского хлебозавода), домашние пирожки с капустой и рисом с яйцом. Мандарины, яблоки, да уголок экзотики: заморский фрукт ананас и ставшие привычными бананы - привет с братской Кубы. Над столом гордо возвышались бутылки сладкого советского шампанского за 4 рубля 17 копеек, тут же водочка и лимонад "Ситро", глядя на который я тут же вспомнил, что за пустую бутылку можно было выручить двенадцать копеек.

Сегодня наша семья разделился на две половины: дед, дядя, я и мама, да бабушка с тётей. Не было приглашённых знакомых и дальних родственников. Типовая советская ячейка из трёх поколений, если не считать меня, как особого представителя генерации будущего. Они сейчас счастливы, они не вспоминают о репрессиях (год во внутренней тюрьме Большого дома для капитана Петрушевского), о войне (мать с тёткой в эвакуации, дед и дядя защищали Родину, а бабуля всю блокаду работала на хлебозаводе, это её и спасло); родня радуется сытой жизни, великим стройкам, завоеванию космоса, мирному атому. Они не замечают тотальный дефицит и скучные прилавки, они не знают, что через двадцать три года развалится СССР, что любимая страна стремительно втянется в хаос и разруху, хоть и не соизмеримую с последней войной, но воспринимаемую как национальную катастрофу. Мои, горячо любимые, этого уже не увидят... Это увижу я, ваш вечно юный Димочка Петрушевский, излагающий в своём тайном дневнике, впечатления о незабываемой новогодней ночи.

За пятнадцать минут до Нового года, пришли соседи поздравить и угостить своими нехитрыми кулинарными изделиями. Тогда подобная традиции ещё соблюдалась, как яркий след ленинградских коммуналок и голодной жизни по талонам поле войны. И вот программа "Время", дикторы поздравляют дорогих товарищей с

праздником (спустя два года лучший “застойный” генсек откроет линию обращений к советскому народу). Наконец, яркий и праздничный “Голубой огонёк”, с Валентиной Леонтьевой, Игорем Кирилловым, Светланой Моргуновой.

Жильцам нашего дома не повезло: телефонная линия молчала - где-то повреждён провод или ещё чего. Раздосадованные жители высыпали на улицу к двум будкам телефонов-автоматов, что рядом с домом. Выстроилась очередь, все хотели поздравить близких и знакомых. В самый разгар веселья, я оставил своих домочадцев и выскользнул на улицу отзвониться Томе. Тамара моя знакомая с которой у меня завязались отношения. Не то чтобы жениться собирался, но общались мы тесно.

Двухкопеечных монет с собой не было, но дамская пилочка вполне заменяла стандартную “двушку”, а если не жалко то гривенник, ведь бессовестный таксофон проглатывал и их. Пилка просовывалась в щель между корпусом и диском, а в момент соединения требовалось нажать контактный рычаг монетосборника. Такой вот, давно забытый способ обмана АТС (автоматической телефонной станции), в принципе, за подобные манипуляции полагался срок. Инженеры на АТС этот фокус конечно знали и позже модифицировала свои телефоны, поставив защитную пластинку. До эры мобильной связи в Ленинграде (Санкт-Петербурге) оставалось четверть века.

Я поболтал с Томкой и вернулся к своим. Раскрасневшиеся дед с дядей курили на лестничной площадке и спорили. Я присоединился со своими дефицитными сигаретами “Ява”. Дед поморщился глядя, как я залихватски щёлкаю зажигалкой, а дядя махнул рукой:

- Когда началась война, я в пятнадцать уже дымил, ты тогда, папа, молчал. Позже, на фронте, без табака вообще каюк. Пусть курит, в восемнадцать лет не зазорно.

- Я ещё и водки выпил сегодня, мне можно, как рабочему классу. А сам зачем куришь, дед? Тебе Колесов запретил! Всё расскажу бабуле. Я может сам когда-нибудь брошу.

И бросил, правда это “когда-нибудь” наступило спустя сорок три года, у каждого своя история борьбы с вредными привычками. Позже появятся импортные табачные бренды, потом изделия с пониженным содержанием никотина, электронные сигареты и масса

фармацевтических средств. А сейчас дымили трое мужчин с богатым жизненным опытом, абсолютно далёкие от дум о вреде курения и занятые непростыми мыслями о своём месте в новом году.

- Да, - протянул дедушка, - а мне здоровья уже не хватает, если бы не операция, так бы с папиросой и представился.

Дедушка, Петрушевский Илья Матвеевич, ровесник века. В девятнадцать лет, по комсомольской мобилизации, ушёл воевать в конный корпус Буденного, где получил первый боевой опыт. О зарубленных белогвардейцах армии Деникина никогда не рассказывал. Потом учёба на курсах красных командиров и служба в политотделе армии. Арестован в 1938, через год выпущен и направлен в Ленинградский военный округ. Потом финская зимняя компания и Великая Отечественная. В октябре у деда случился инфаркт, врач озвучил мрачные перспективы на самое ближайшее будущее. Я это знал и решил продлить деду жизнь. За отсутствием интернета, взял в библиотеке подшивку журналов "Здоровье" и "Наука и жизнь". Из них узнал об успешных и революционных операциях выдающегося советского хирурга Василия Ивановича Колесова в клинике 1-го Ленинградского медицинского института.

Под видом студента прошёл в хирургическое отделение и обратился непосредственно к заведующему с яркой пламенной речью о ветеране трёх войн, обречённому на смерть, поскольку врачи бессильны помочь старому коммунисту. Василий Иванович посмеялся над моей хитростью и записал деда на приём. Операция прошла успешно. Мы приехали к выписке на улицу Льва Толстого, я всучил маме бутылку коньяка и отправил поблагодарить хирурга. Дед был счастлив, а когда узнал от мамы похвалу Колесова за проявленную настойчивость внука, прослезился. Ведь запись к хирургу расписана за полгода вперёд.

- Папа, здоровья нам всем не хватает. Положили сломано войной и разрухой. Но ведь дожили до лучших времён: телевизор, колбаса на столе. А помнишь после блокады, талоны, голод, хорошо твой паёк помогал, - дядя вздохнул и прикурил новую беломорину.

Дядя, Петрушевский Виктор Ильич, призван в 1944, весной следующего года получил тяжёлую контузию и победу встречал в госпитале. В мирное время дедушка вновь собрал детей в коммуналке на соседнем Бабурином переулке, где жили до войны. Как ветеранам двух войн, бабушке и деду дали трёхкомнатную квартиру в только

отстроенном доме на Нейшлотском. Я появился на свет до переезда, но детство вспоминаю уже в “сталинке”, где получил свою комнату. Виктор Ильич оформил инвалидность, но нашёл себя в фотоделе, оформив патент на съёмку и продажу глянцевых черно-белых фоток советских граждан. Надо сказать, что после уплаты налога, оставались существенные деньги. Я как раз вынашивал идею привлечь стартовый капитал дядюшки для перспективных и безопасных вложений, а дивиденды использовать во благо семьи и себя, грешным делом, не обидеть.

- Ничего, мужики, прорвёмся! - они уставились на меня, пытаясь сообразить что за странный лозунг, то ли бравада, то ли бесшабашное пустое и бес tactное заявление.

- Я в том смысле, что новых напастей не предвидится, с голоду не пухнем, а впереди годы мирной жизни. Если без пафоса, то есть на кого опереться, а вот ещё женюсь и детишек нарожаю, про невзгоды и вовсе думать будет некогда.

Дед достал платок, вытер лысину и затылок, привычка после долгого ношения фуражки и усмехнулся:

- Так уж и сам нарожаешь?

- Не сам, но участвовать всенепременно буду.

Мужчины рассмеялись:

- Ну, кто бы сомневался. А если серьёзно? И в правду собрался женихаться?

- Если в перспективе, то не завтра...

- Так чего треплешься, балабол, я уж подумал: не обрюхатил ли кого? Как там твоя Томка, ты ведь ей звонил?

- Ей, деда, зазнобе, но планов мы никаких пока не строим.

Тут я вспомнил, как приехав в отпуск из армии, узнал, что Томка закрутила роман с другим хахалем, планы рассыпались, а сердечная травма быстро зажила. Напился в хламушку и отлегло, вот и вся любовь-морковь. Но это случится через три года, в 1972-м. А пока старшее поколение примеряло меня как жениха к Томе, которую приводил в гости один раз.

9. Спекулянт

Зачем мне деньги? Вот странный вопрос, всем нужны эти бумажки. В голову тут же прискакала масса пословиц и поговорок: “хорошо живётся у кого денежка ведётся”, “деньги - гости, то нет, то горсти”, “не в деньгах счастье, а в их количестве” и прочая народная мудрость. С тех пор, как перенёсся из двадцать первого века в свою юность, постоянно испытывал дискомфорт, который, наконец, оформился в простое и трудноисполнимое желание: нужен автомобиль! Мне словно чего-то не доставало, а чего понял недавно, ведь в прошлой жизни, мой водительский стаж составил четверть века. Плюс год без прав - ещё до автошколы катался на машине своего приятеля, но то другая история. Вот и ответ зачем нужны деньги. В новейшей истории России, права получить, раз плюнуть, если голова на плечах и правильно исполнять роль прокладки между педалями и рулём. С приобретением авто вообще полное изобилие, бери на любой вкус, но здесь надо вернуться к началу моего спича: были бы деньги.

А вот как решить эту проблему в Союзе, да ещё срубить бабла по лёгкому? Задача для гостя из будущего ой какая не простая. Сейчас я рассуждаю на страницах дневника, что для этого надо. Итак, проблема номер один: нужны полновесные рубли и немало. Новый автомобиль типа “Москвич-412”, который на весну 1969 года стоил свыше пяти тысяч. “Жигули” итальянцы подарят только через два года, ездить на “горбатом”, то есть на “Запорожце” - не в этой жизни, а на “Волгу” мордой не вышел, да и ценник там заоблачный. Значит изделие “Автомобильного завода имени Ленинского комсомола”, тот самый 412-й. Где взять эту мечту? Вот тут как раз всё просто: ветеран трёх воин Петрушевский Илья Матвеевич, мой героический дед. Ветеранская очередь, подмазать кого нужно и глядишь через годик придёт открытка на получение. Где же взять деньги и много?

Мой опыт и знания вывели на кривую дорожку скопки и перепродажи с целью наживы, то есть спекуляция и статьи 154 УК РСФСР - до семи лет если в виде промысла. Живу ведь в социалистической системе хозяйствования, а не рыночной экономики. Но, “волков бояться - в лес неходить”, а кто в совдепии жил честно, кто не крутился, не перепродаивал, не давал на лапу, не мухлевал и прочее? Не все, но большинство.

В воскресение “Феникс” выступал в доме культуры Зеленогорска, очень на руку. Концерт вечером, а я приехал с утра и стал караулить туристические автобусы. Наши соседи, финны,

частенько заезжают в бывший посёлок Териоки. У них ностальгия и культурная программа, а у меня коммерческий интерес. Я подловил первый интуристовский Икарус у церкви Казанской иконы Божией Матери. Последний раз, лет семь или восемь тому назад, я с пацанами из летнего лагеря клянчил здесь жевательную резинку: “пурукуми он” (жвачка есть)? И “финики” угостили нас душистыми и сладкими диковинками “ихнего баблпрома”. Я никогда не занимался фарцовкой, даже самому интересно. Но в начале осмотрелся, нет ли милиции или дружинников. Из автобуса с пёстрой массой туристов вывалилась гид - милая дама в стандартном светлом плаще и косынке, эта может быть причастной к конторским соглядатаям. Я махнул рукой, да и бог с ней, разочек можно.

Я вклинился в толпу тихо и вежливо поинтересовался говорит ли кто по-английски. Откликнулось два человека, я объяснил, что хочу приобрести джинсы и другую одежду за рубли. Окей, мне тут же предложили кучу шмоток. Толпа двинулась за экскурсоводом, а я с продавцами нырнул в автобус. Просмотр и торги затянулись, я довольно смело оставил свой телефон, объяснив что надо по-русски позвать Диму и еле успел выскочить из заполнившего туристами автобуса. На прощание милая дама зло прошипела на чистом русском, чтобы духу моего здесь не было. Я напрягся и выдал под смех окружающих: “I huoli vauvan, kaikki hyvin” (не волнуйся детка, всё в порядке).

Вечером, перед концертом в доме детского творчества, я выложил две пары джинсов, рубашка “с огурцами”, коричневый плащ болонья, два бадлона или по русски водолазки голубого и телесного цвета, да замшевые шузы сорок второго размера. Музыканты ахнули. Товар выкупили по спекулятивным ценам: частично налом, частично в долг. Больше всех был доволен наш директор Лёва Магазинер, я не жадничал накрутил по минимуму: всем хорошо и себя не обидел. Никто не знал, что это была пробная вылазка перед большим и плодотворным бизнесом. Мы славно отыграли в тот вечер, настроение было приподнятое. Публика была наша: свежие хиты типа битловской “Назад в СССР” пользовались успехом и повторялись на бис. На вечерней электричке возвращались в Ленинград и подогретые портвейном, пели под акустику всё, что приходило в голову. Пассажиры не возмущались, ведь перед ними был ансамбль “Феникс”, а не какие-нибудь гопники из подворотни.

Дома подбил кассу и остался доволен, при большем

спекулятивном размахе собрать на “Москвич” вполне реально. Пора начать обрабатывать деда. На семейном совете объявил родным, что записываюсь на водительские курсы и планирую перед армией с помощью ветерана приобрести автомобиль:

- Семья должна не только хорошо питаться и одеваться, но жить и ездить с комфортом, как подобает честным советским гражданам!

Мама раскрыла рот, а дед победно кинул взгляд на остальных членов семейства: смотрите, не зря воевал за светлое будущее внука.

- Это не всё, осенью пишу заявление в вечернюю школу и к выпуск из ПТУ хочу получить аттестат о среднем образовании.

Теперь уже мама гордо оглянулась на деда и бабушку - вот ведь, воспитала человека! Я этот взгляд запомнил надолго, стало вдруг хорошо и уютно в кругу своих дорогих людей. Возникло щенячье чувство радости. Хотелось, как в детстве, забраться с ногами на диван, положить голову маме на колени и лежать тихо-тихо, испытывая чувство защищённости, блаженства и любви.

Звонок раздался в 22 апреля, аккурат в день рождения Ленина, когда вся страна вспоминала основателя социалистического государства. Я писал курсовую по сопромату, когда бабушка взволнованно позвала к телефону: ” тебя там какой-то иностранец спрашивает”.

- Алло, слушаю вас.

В трубка заговорила на английском:

- Дэймон, это Матти, мы с вами встречались, помните?

- Конечно, здравствуйте Матти. Хотите увидеться?

- Да, я остановился в отеле “Выборгская”, буду в вашем городе два дня. Дэймон, вам сегодня удобно в три часа в ресторане гостиницы?

- Конечно, я подъеду, до встречи.

Я старался говорить тихо, но поймал настороженный взгляд старого и закалённого борца с империализмом.

- Бабуля, это из Таллина, мой знакомый.

- То-то я слышу говорит с акцентом и передразнила: ” Дмитрий, пожалуйста”.

В ресторане обедали туристические группы, было многолюдно и шумно. Сперва я увидел пытливые глаза пары людей в штатском, а как же без них, затем узнал Матти, потягивающего минералку и зыркающего по сторонам. Взгляды встретились, я кивнул на выход. За стоянкой автобусов, монументально дыбились чугунные скамейки с перекладинами из крашенного дерева. Я плохнулся на одну и стал рассматривать редкие трамваи, с грохотом “скользящие” по Торжковской улице. Матти, присел рядом, достал пачку “Мальборо” предложил мне. Закурили.

- Простите, мне удобно называть вас Дэймоном?

- Пожалуйста, Матти, - и по русски добавил, - хоть горшком, только в печь не ставь.

- Простите?!

- Не обращайте внимания, это русский фольклор. Увидел в ресторане агентов КГБ и поспешил на природу, страховка, но думаю мы сотрудников спецслужб не интересуем. Вы ведь не шпион?

Матти оценил юмор, рассмеялся, дальше разговор потёк в деловом ключе и мы заключили устную сделку, которую предстояло осуществить сегодня вечером. Я мысленно прикидывал, хватит ли мне денег, чтобы выкупить пять пар джинсов, три рубашки, блок сигарет и две упаковки “Wrigley's Juicy Fruit”. Матти оказался деловым и хватким, видимо разглядев в юном фарцовщике надёжного партнёра легко собрался на новую сделку. Вечером в карман финского предпринимателя перекочевали четыреста сорок полновесных советских рублей, а в мою спортивную сумку, освобождённую от уже ненужной боксёрской экипировки, фирменные шмотки, курево и жвачка. Уже через несколько дней я освободился от груза компромата: однокашники жевали ароматную резинку и дымили на переменах фирмой, кто-то пришёл в новеньких “Ливай Страусс”, кто-то в импортной рубашке, остальное я сбагрил знакомым вне стен родного ПТУ. Встал вопрос с посредниках, не гоже мне светится на каждом шагу в роли продавца. Тут на первый план выходили перекупщики с “Галёры”. Комиссионные магазины остаются под вопросом. Оформлять нельзя, сведения из паспорта после оформления, могут попасть в поле зрения ОБХСС, а значит нужен только теневик, осознающий степень риска спекулятивных махинаций и ответственности перед дурацкой 154-й статьёй.

10. Сложный сезон

Итак, этим летом мне требовалось навести мосты в военкомате и завязать знакомство с ответственным офицером, оформиться на водительские курсы, а главное - осться служить в области. Тут и мудрить не пришлось: по весне получил повестку. Путь не длинный, военкомат на проспекте Карла Маркса, езды на трамвае десять минут. Прикупил бутылочку пятизвездочного "Арапата". Умилила надпись "цена со стоимостью посуды: II пояс - 10 руб. 52 коп., III - 10. 92 коп." - ну не чудо, советский "Самтрест"! Очередь из призывников небольшая и вот я в кабинете. Военком пожилой подполковник с колодкой наград, в мятом кителе, плохо выбритым одутловатым лицом и профессиональной усталостью, которая, на мой взгляд, лечится мздой сообразной должности. Я протянул повестку, внимательно наблюдая за реакцией: тот мазнул взглядом текст, полез в какие-то бумаги.

- Здравия желаю, товарищ подполковник! Призывник Петрушевский прибыл на призывной пункт для регистрации.

- Парень, ты ещё армии не нюхал, а уже тянешься. Учишься? Давай справку. Так, пока отсрочка на полгода, а там посмотрим на призывной комиссии.

Он сделал у себя пометку в журнале и вопросительно посмотрел:

- Что сидишь, послезавтра на призывную к врачам и за решением. Зови следующего.

- Я, товарищ, подполковник, от армии не собираюсь отлынивать и служить очень хочу. Вы бы подсказали, как через военкомат попасть на курсы водителей. Хочу призваться специалистом в автороту или любое подразделение, где потребуются навыки вождения военной техники. У меня дед три войны прошёл, дядя стал инвалидом на последней. Просто стыдно и не к лицу молодому здоровому парню не исполнить свой долг по Конституции и гражданской совести.

Подполковник уставился на меня, словно на пропагандиста из политотдела армии. В глазах появился интерес: что за фрукт такой? Я прибавил обороты:

- Согласитесь со мной, товарищ подполковник, служба - почётная обязанность гражданина СССР, но быть готовым защищать Родину мало, нужна подготовка и навыки. Вы меня простите, от всей

души и вот, - я достал бутылку “Арарата” и чуть ли не выкатил на стол военкому.

Тот поднял брови и вновь уставился на это чудо в перьях: и слова правильные и коньяком испытывает. Но взгляд тут же потух, я понял: переборщил. А я сдаваться не спешил.

- Это не взятка, а уважение к армии и её традициям, вы представитель вооружённых сил и я своё уважение проявляю. Вы мне в отцы годитесь, мой же родитель не успел меня воспитать, зато славные ветераны, в смысле родственники, помогли, надеюсь и вы поддержите.

Замолчал, видя как подполковник вновь оттаивает и напряжённо пялюсь военкому в глаза, но не подобострастно, а уважительно, как старшему товарищу.

- Вот что, парень. Забирай свой алкоголь и подтягивайся к концу рабочего дня. Там и поговорим. Меня зовут Евгений Матвеевич. Иди.

Я вскочил, по военному развернулся через левое плечо и гаркнул: “Есть!”. За дверью бросил взгляд на табличку перед кабинетом военкома: “Начальник призывной комиссии под-к Семаков Е. М. Часы приёма с 9 до 17, перерыв на обед с 13 до 14. Выходной: суббота, воскресение”. На улице дохнуло незабываемым ароматом с кондитерской фабрики имени Микояна. Это ещё одно воспоминание из прошлого: в третьем или четвёртом классе нас водили на экскурсию по цехам. Добрые тётишки в белых халатах и косынках щедро угощали детишек конфетами. А что ещё надо школьникам, вкус этих сладостей из памяти не выветрился.

Значит, сегодня тесное общение с главным военным пенсионером, ответственным за судьбу новобранцев. А ведь у него хлебная “должность”. В будущем, когда дедовщина краёв не знала, военком стал бы миллионером, да вряд ли дожил. Подполковник не показался мне железобетонным истуканом, этакой краснозвёздной бюрократической крепостью, где главный закон: как скажу, так и будет! Наоборот, за суровой маской военного комиссара, проглядывал уставший, но не потерявший чести, исполнительный, незлобный и вполне адекватный советский офицер. Тут придётся поработать, да аккуратно решить свои проблемы. В автошколу при ДОСААФ поступить особого ума не надо, медкомиссия - не вопрос, а вот служить в городе или поблизости, задача потрудней, не один я

такой умный.

Вечером дождался, когда военком вышел из кабинета, закрыл дверь на ключ и простили металлической печаткой оттиск на пластилиновый вкладыш из под которого, торчали усики шпагата. Евгений Матвеевич переоделся в кабинете и теперь ничем не напоминал ветерана, прошедшего войну. Мы тормознулись в кафешке, где заказали компот, да несколько пирожков с яблоками. О военном прошлом узнал, когда от бутылки коньяка осталось на донышке и у Семакова развязался язык, а ведь мог бы догадаться по орденским колодкам на кителе. Чем-то я пришёлся ему по душе. Видно требовалось высказаться бездетному вдовцу. Я усердно исполнял роль внимательного слушателя, но по ходу пьяного монолога, успел ещё раз довести до военкома свои планы, мотивируя желание служить поближе, плохим здоровьем моих ветеранов, особенно деда, чтобы в случае чего поддержать близких.

В помещении забегаловки по-своему уютно. Гранёные стаканы использовались по двойному назначению: выпивка и запивка - весьма распространённая практика в Совдепии. Я смотрел на подпола и вспоминал своего ротного из ближайшего будущего. История его банальна и поучительна. Военный лётчик 1 класса майор Рудаков, был командирован в Египет, где в составе отдельной истребительной авиационной эскадрильи нёс боевое дежурство по защите объектов АРЕ от ударов авиации противника. Мериться мастерством с израильскими пилотами пришлось летом 1970 года. Стрельбой ракетами “вдогон” Рудаков сбил над Суэцким заливом неприятельский штурмовик “Скайхок”. За это был удостоен ордена Красной звезды. В один из вылетов, на МИГ-21 оказало вооружение. Ракеты были израсходованы, одна надежда на авиационную пушку ГШ-23, ну не таранить же израильский истребитель. Рудакова тогда чуть не отправили к праотцам.

Вернувшись на аэродром, майор принял на грудь, чтобы снять стресс, затем отыскал начальника группы вооружения и отмудохал капитана до потери сознания и частичной потери здоровья. Мотивация простая и понятная любому технику: “Из-за тебя, сука, я чуть не погиб, грёбанная двустволка отказала, пока попусту давил на гашетку, машина получила повреждения, с трудом ушёл из под огня”. Скандал замяли, майора вернули в Союз, где он запил по-чёрному, что послужило основанием медкомиссии забраковать истребителя. Оставили в части заместителем начальника штаба, где обида боевого

лётчика и вредный характер подстегнули к новому витку пьянства. Майору дали последний шанс и отправили тянуть до пенсии под Ленинград в танковый полк, расположенный в Сертолово на должность начальника роты материально-технического обеспечения. Главное, подальше от рёва двигателей самолётов и неискоренимого желания снова взяться за ручку управления сверхзвуковым фронтовым истребителем. Я, будучи его подчинённым, постоянно выручал хроника-майора от необдуманных поступков. Слушал его истории и поражался бездарному отношению к своей карьере, воинскому долгу и к семье, наконец. Плачущий нытик, вечно жалующийся на жизнь, сорокалетний майор оставлял жалкое впечатление. Ему не приходило в голову во всех бедах винить свои пороки: пьянство и несдержанность.

Семаков другой человек. Военная косточка, как и Рудаков, но Евгению Матвеевичу алкоголь лишь развязывал язык, никак не влияя на волевые качества, политическую сознательность и ответственность за своё дело. Идейная закалка Семакова оставляла место для компанейского, приятного и неглупого человека. Я это почувствовал часа через два, когда пришло время расходится.

- Хороший ты парень, Дима... и странный. Тут ко мне прутся родители маменькиных сынов, уговаривают, деньги суют и вдруг приходит парень с улицы, рвётся в строй, да ещё проставляется. Есть, конечно, патриоты, не спорю, но вот так не подъезжают. Я понял, понял, не надо объяснять. Все хотят служить в городе или совсем рядом. Сейчас думать пока рано. Направление в автошколу дадим после медкомиссии. А квоту на распределение надо заслужить.

Он хитро посмотрел и я понял - не прост военком, совсем не прост. Прощупывает несмышлёныша, откуда ему знать кто я такой. А узнай он всю правду, послал бы меня куда подальше - чудиков итак хватает.

Сложный сезон лета 1969 года. К автошколе примешивалась ещё одна головная боль: аттестат о среднем образовании. Как втиснуть в свой график практику на заводе, курсы вождения и учёбу в вечерней школе. А самодеятельность в "Фениксе, а помочь по дому родным? А личная жизнь, Томка и другие? Фарцовка до кучи. С осени возобновятся занятия в "путяге", вот какой головняк! Ничего, Димон, пробьёмся, со мной будущее! С этими мыслями возвращался домой. Конечно я не помнил подробностей, как когда-то проводил эти

летние дни и оттого, каждый день повторного проживания создавал дискомфорт. Постоянное дежавю ведёт к идейной стагнации. Просыпаешься утром с вопросом: что сегодня и сравниваешь сумеречные воспоминания ретроградной памяти с нынешним бытовым фоном и новыми задачами. Часто задавался вопросом: как же меня всё-таки закинуло сюда? Провидение или чья-то воля? И как я выберусь из этого пространственно-временного туннеля? Порой так невыносима эта канитель: изворачиваться, врать, носить в себе временные наслоения и испытывать мучительный дефицит привычных благ научно-технического прогресса двадцать первого века. Ненавижу такую жизнь! Ненавижу! Это сперва было интересно: я крут, всезнайка из будущего, гормоны, понты перед девчонками, а внутри страх перед завтрашним днём и безысходность пленника. Простите, соотечественники, завязываю ныть. Сейчас спрячу тетрадь в тайник, кстати, если придут по мою душу менты, КГБ или какие другие лихие человечки, хрен им мои откровения. Потомкам - сколько угодно, нынешним - никак нельзя и для себя опасно.

11. Просто сентябрь, 1969

С автошколой ДОСААФ вообще никаких проблем, к декабрю получу права. “В Советском Союзе ДОСААФ считается самым престижным местом, где можно было научиться водить автомобиль или мотоцикл. Автошкола - своеобразный знак качества. Ученики учатся водить автомобиль на хорошем уровне и овладевать теоретическими знаниями”. Это не мои мысли, а примерное содержание вводной части в конспект, что заполнял на теоретических занятиях. Если бы не политизированная составляющая, то вполне внятный базис по матчасти и правилам дорожного движения. На Курляндской, 20, я числился, как допризывник по военно-учетной специальности “водитель транспортных средств”. Списанный и переоборудованный ГАЗ-63 - архаика, но и бесценный опыт, поскольку практики вождения грузовиков у меня по прошлой жизни не имелось, зато учебный “Москвич-407”, как “два пальца об асфальт”. Водительский навык не пропьёшь, ведь в другой жизни четверть века за рулём, оттого при мне чувство дистанции, автоматизм управления и отсутствие мандражка. После “Хендай Санта Фе” по прозвищу “Инокентий” со всеми передовыми опциями третьего поколения, езда на раздолбанном москвиче с 45 сильным движком и объёмом 1,4 литра, выматывала физически. Тут вам никто не поставит электрический усилитель руля или систему АБС. Ладно с

этим всё ясно.

Всё ясно и со школой, принял которой меня без звука со справкой о незаконченном среднем образовании. Я появляюсь на занятиях раз в неделю, что-то записываю. С англичанкой договорился сразу, объяснив свой правильный “оксфорский” тем, что несколько лет жил в детском возрасте с папой дипломатом в туманном Альбионе. Вралось легко, а кто проверит. Хочу договориться с учителями и завучем, чтобы исправно сдавать зачёты по предметам. “Вечёрка” располагалась в почти рядом с домом на проспекте Карла Маркса, 34, в здании бывшего сиротского приюта. Весьма символично, что при советской власти приют превратился в сменную вечернюю школу № 48 при Выборгском РОНО.

Два слова про ПТУ. Весной следующего году выпуск и по распределению возвращаюсь на родной “Русский дизель”, тут и запроса для двухгодичной отработки не потребуется, поскольку в трудовой всего две записи “Принят учеником токаря. 15 мая 1968 года” и “ПТУ № 49. Принят на обучение по специальности токаря-универсала. 1 сентября 1969 года”. Запах подгоревшей стружки и машинного масла сидит в подкорке и прописался там на всю жизнь. Недаром говорят первая любовь самая запоминающаяся, в моём контексте, любовь к металлу и станкам. Даже снится иногда, уже запутался в какой жизни, как затачиваю резец и проверяю угол. Добавлю, что любовь к железу будет порушена сценарием прошлой жизни, но я как искренний драматург-бытописатель, не буду опережать события. Сегодня 24 сентября. Всё впереди. А пока о насущном.

Лёва Магизинер пригласил меня в кафе “Север”. В те благословенные времена в к шампанскому подавали охренительно вкусное мороженое “Лакомка”. Я так понял, что разговор приватный и Лёве очень нужный, иначе с чего бы хитрому и прижимистому администратору тащить меня в любимое ленинградцами место, ещё не испоганенное приватизацией и рыночными отношениями. Было противно наблюдать, как Лёва наклонялся к тарелке и чавкая жрал знаменитые блинчики “Аппетитные”. Он обходился без ножа, свёрнутые в трубочку кулинарные деликатесы запихивал целиком в рот, изредка вытирая лоснящиеся жирные губы. Во мне боролся старый, умудрённый ибитый жизнью Петрушевский с молодым легкомысленным подростком, не замечающим пробелы в правилах хорошего тона. Я

вспомнил, как этот деятель прихватил меня как-то за галстук после выступления и потянув усмехнулся, мол что за прикид, ведь ты не в театре. Обычное хамство, без злобы, всего лишь от плохого воспитания и излишней самоуверенности: ведь он босс! Как тогда, так и сейчас хотелось вмазать ему по морде. Наевшись (нажравшись), Лёва приблизил свои губищи и выдал:

- Дима, я знаю ведь ты фарцуешь, шмотки, сигареты. Я хочу с тобой договориться, мне нужна валюта. Чем больше тем лучше. Любые зарубежные деньги, заплачу выше курса.

Желая хоть как-то задеть наглеца, я с искренней миной начинаяющего барыги ответил:

- Лёв, а монгольские тугрики подойдут?

- Дурака не валяй! Я серьёзно говорю. Деньги капстран: доллары, фунты, марки хоть немецкие, хоть финские. Твои риски окупятся крепким советским рублём.

Я уже серьёзно глядя прямо в глаза наглому Магазинеру отчеканил:

- Мои риски говоришь? 88-а статья УК РСФСР наказывает за нарушение правил о валютных операциях лишением свободы на срок от трёх до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации, с обязательной конфискацией валютных ценностей. Никогда об этом не слышал.

Магазинер напрягся и зло прошипел:

- Конечно знаю, у нас в стране куда не плюнь, всюду капкан. За фарцовку тоже по головке не погладят. Я тебе сделку предлагаю, а не обсуждать последствия.

- Так ведь если прихватят, то калёным железом вырвут признание: кому продаю и за сколько. Или тебя прихватят менты, та же картина маслом и оба загремим на лесоповал. Это зона интересов КГБ, там ребята серьёзные, а фарцой занимается ОБХСС, можно договориться, избежать тюремного срока. И ещё, Лёва: “то, что знают двое, знает и свинья”.

- Я и не знал, что ты такой подкованный. Про свинью, это хорошо сказал.

- Это не я сказал, а один фашистский генерал, Мюллером звали,

не слышал?

Тут меня озарило: Лёва собрался сваливать, что ему до моих рисков? Вторая или третья волна иммиграции, отток народонаселения из совка, естественный процесс, не прекращающийся даже в моём 21-м веке. Можно попробовать, конечно. Тут я задумался. Если прикупать баксы у туристов за два с полтиной, то есть в четыре раза дороже, чем обменивает банк СССР, а продавать по три с полтиной, то прибыль прирастает на рубль с каждого проданного бакса и находится в прямой зависимости от общего количества "зелени". Но ведь можно поторговаться и прикупить "штуку" или больше, да сбить ценник до двух рублей. Но при таком раскладе срок грозит увесистый, расстрелять не расстреляют, но пятнашку могут отмерить. Нынче скользкая тропинка валютных операций ведёт на скамью подсудимых, это в будущем шагай в банк и меняй сколько хочешь, правда паспорт предъявить попросят. Я оторвался от размышлений знакомых каждому валютчику. Примерять на себя "бабочку" (88 статью), как-то не хотелось.

- Лёва, ты похоже собрался на ПМЖ в Израиль. Я тебя понимаю, историческая родина - дело святое! Но пока ты меня не убедил.

Магазинер, как ему казалось, незаметно оглянулся, затем вперился в меня. Тоже мне, секрет Полишинеля, из совдепии ежегодно валят сотни тысяч, а сколько моих знакомых покинуло Родину, да и я бы мог. И не случилась бы со мной эта история с туннелем времени, а может и случилась... Дальше мозг услужливо выдал речение о промысле божьем, но Лёва вновь открыл рот:

- Может и так, тебе не всё равно? Что-то ты шибко умный сегодня, короче, если согласен, то говори свою цену.

- Ладно, Лёва, будет чего, отзвонюсь. А как же "Феникс"? Так вот всё бросишь?

- А что "Феникс" без меня и брата разучится играть? Найдёте другого организатора. Но я тебя умоляю, никому не слова. В моём молчании можешь не сомневаться. Слишком много поставлено на карту.

Мы посидели ещё немного, откушали главный деликатес кафе фирменное мороженое "Лакомка". Кстати, вспомнил, что главный конкурент "Севера", ресторан "Метрополь", так назвал свои

кругленькие лакомые печенюшки. На том и расстались, в конце встречи я поинтересовался: “когда?”, администратор так же коротко ответил: “через год”.

Спустя неделю, я перепродал Магазинеру двести долларов: увяз коготок! Теперь моя мечта приобрести автомобиль стала обрасти дополнительным доходом. Не помню, кажется не упоминал, как мы с дедом ещё весной ездили в совет ветеранов, по иронии судьбы помещение располагалось в здании исполкома Выборгского района, в двадцати метрах от военкомата. Дед прихватил меня, чтобы помочь написать заявление. Самое интересное произошло, когда мы приехали во второй раз отмечаться по льготной ветеранской очереди на машину, и по выходу столкнулись с подполковником Семаковым. Я окликнул его, Евгений Матвеевич не сразу вспомнил собутыльника. Я познакомил своего ветерана с военкомом. Пара общих фраз и выяснилось, что воевали на одном фронте и даже в одной дивизии. Тут включился обоюдный интерес, сослуживцы оживлённо заговорили, вспоминая, как водится в подобных случаях, общих знакомых, про меня казалось забыли. Тут я напомнил о себе и резонно предложил зайти поговорить в ту самую забегаловку, где три месяца назад распивал с военкомом коньяк. Идея была подхвачена, но отложена на двадцать минут: Семаков пообещал быстро решить какие-то вопросы в военкомате и освободиться окончательно. Нам с дедом как раз хватило этого времени, чтобы дойти до винного отдела гастронома и вернуться не с пустыми руками. Деду я поведал о весеннем визите с повесткой на руках, но скромно умолчал о посиделках с возлияниями после работы военкомата.

12. Уже двадцать

Узнал, к своему удивлению, что двадцать очень много. А двадцать плюс шестьдесят пять - две жизни. Две ипостаси. Интересная арифметика. Рос, рос и вдруг старость надвинулась, не успел как следует вжиться и прочувствовать сполна каково оно проживать, опять молодость. Нормально так: менять что хочешь: не женись на умной, а кольцуйся с богатой; не служи в армии, а поступай в институт; от тюрьмы и сумы не зарекайся, но сделай так чтобы это тебя не касалось. Да, мало ли чего ещё в голову взбредёт. Чу! Может и третье бытие наступит, за ним четвёртое. Всем, кого это касается, скажу так: никогда не жалейте о прожитом и содеянном: и за грехи, и за добро воздастся! Поверьте изгою во времени, проживать заново - кара. И если зациклиться на вечном, то приму как

благодать реинкарнацию, но только не этот кошмар. Если когда-нибудь вернусь на участок, то первое, это сожгу злополучный сарай с которого всё началось. Ещё бы бессовестную бригаду электриков запустить в хозблок, путь всех разнесёт далеко назад по их жизням, тогда поймут меня. Да ладно, они-то здесь при чём? Тогда кто? Намекни, Всевышний?

Высказался, полегчало. Итак встретил ещё раз свои двадцать лет от роду. Снова как в прошлом году и предыдущих, снова в кругу семьи. Родные, это главная ценность в моём положении, ведь ради них проживаю заново. Иной бы, на моём месте, удавку на шею и прости Господи. Мама, дедушка, бабуля, дядя и тётушка, я вас люблю! Забил холодильник дефицитами до упора, стол вышел классный - мама с бабушкой постарались. Из приглашённых пришли: Томка и пара старых корешей. О них упомяну как-нибудь потом под настроение. Встречать день рождения в декабре удобно, не успел просохнуть и Новый год на носу. Подарки, поздравления, всё как обычно, с той разницей, что поздравляют меня дважды: тогда и сейчас, но знает об этом только именинник. Парадокс времени.

Отчитаюсь по событиям. Скоро каникулы, тоже мне явление для старика, зато две радости: “Феникс” и шахеры-махеры на славном поприще спекуляции. Поставщик товара, Матти, куда-то пропал, но пусто место не бывает. В гостинице “Европейская”, на шведском столе, познакомился со шведом (ой, тавтология!), полным однофамильцем, а возможно прямым родственником того самого Ларса Олсона, что возил меня к Нобелю*. Господин Олсон поменял мне баксов на полторы тысячи рублей. Валюта ушла к Магазинеру, а прибыль приплюсовалась к объёмной пачке для выкупа будущего “Москвича”. Дед изредка встречается с военкомом, теперь рад за обоих и за себя, старики накрепко объединили воспоминания, а я спокоен за “ближний” призыв осенью 1970 года. Водительские права получу в январе.

Сегодня выдался свободный день, решил прогуляться по родному городу. На улице меня встретил слабый морозец и недолгое солнышко. Маршрут проверенный годами, в прошлые времена я прогуливал художественную школу и пешком шёл от площади Восстания к Адмиралтейству. Не пропускал ни одного кинотеатра. Иногда умудрялся попасть на пару сеансов подряд. К девяти нужно вернуться домой, тогда я ещё считался маленьким (смотря как считать 14-15 лет). Перед фильмом заходил в магазин восточных

сладостей и покупал сто грамм орехового шербета, не с арахисом, а фундуком, свежий и посему вкуснющий. В будущем таких не изготавливали, да и магазин бесследно исчез. Фильмы, по те временам отменные. Советский кинопрокат пачками вываливал на зрителя прекрасные ленты Гайдая, Рязанова, Бондарчука, Ростоцкого, а так же западные популярные картины про Фантомаса, “Три мушкетёра” и Парижские тайны”. Было из чего выбирать, однажды завернул в кинотеатр “Родина” и отсмотрел все серии “Ну, погоди!”.

Переполненный воспоминаниями, дошёл до “Галёры”. Зимой в канун Нового года, галёрка была ещё не так популярна, как в семидесятые. Но мне-то интересно. “Спикули” (спекулянты) жались по углам и бегали в торговые залы греться. Я на этом пятаке плотно обосновался в семидесятые и позже. Сейчас выхватывал из мельтешащих фигурок, нужных мне торговцев винилом. Эти обычно таскали в руках портфели или пакеты квадратного формата. Ага, есть один, подошёл.

- Братишка, ты винил меняешь?

Тут я его и узнал, да это Влад Яковлев. Меня он сразу принял за своего. Тут два ключевых слова: “винил” и обмен”, человек, далёкий от фирмы, так не спросит. Поболтали, Влад рассказал, что имеется на продажу, что интересует самого. Товар где-то держал по близости. Для меня не секрет, скорей всего в кафешке у буфетчицы на Садовой или у гардеробщика ресторана “Метрополь”. Платишь трёшку и твой бесценный винил держат у себя пока не понадобится. Эта схема позже перекинулась на шмотки, сигареты и прочий зарубежный ширпотреб. Я постоял с ним, перекурил. Сама атмосфера тех лет, тревожный дух времени и ментовских прихватов, пьянил и рождал воспоминания. Нынче я умный, товар не ношу, хватило эпизода когда прихватили два опера из ОБХСС и накрутили продажу в общественном месте, по тем законам, это потянуло на административное нарушение. Дело дошло до суда, конфисковали коллекцию импортного винила, добавили штраф и до кучи, сообщили на работу. В той жизни случилось это полгода назад, в этой ментовская операция сорвалась. На криминальны угол Гостиного Двора и улицы Бродского, я просто не пришёл. Тот случай, когда представилась возможность откорректировать историю.

И тут, как тут постовой из 27-го отделения в переулке Крылова.

- Что стоим граждане? - и обращаясь к Владу, которым видимо

был знаком, - Ты опять здесь? Документы приготовили.

Я сунул менту свой паспорт, Влад свой. Сержант сунул их в карман шинели и жестом приказал следовать за мной. Зная всю дальнейшую процедуру, я подмигнул Яковлеву и решил поставить вымогателя на место. Желательно закон соблюдать: представиться, вежливо проверить документы и отпустить.

- Товарищ сержант, можно вас на минутку. - мягко оттеснил мента к жёлтой стенке Садовой галереи и ошарашил, - Вы из 27-го? Какого ляда срываете нам операцию? Мне писать рапорт начальнику РУВД, что постовые вмешиваются в работу КГБ центрального аппарата? Фамилия начальника подразделения?

- Капитан Егоров! Извините, товарищ...

Жёсткий императив подействовал. Перепуганному блюстителю порядка, даже в голову не пришло потребовать служебное удостоверение. КБГ - волшебная аббревиатура, действующая парализующе на мозг обывателя и младшего милицейского состава.

- Теперь верните паспорта и обходите нас стороной. Понятно изложил?

- Так точно.

Сержант козырнул и пропал. То-то же! Нынче я умный, хвост поджимать не стану, ситуация другая, господа. Вернулся к Владу и протянул паспорт.

- Что ты ему сказал, парень?

- Сунул пятёрку и послал подальше. Ну я пошёл, ещё увидимся, Влад.

Он удивлённо вылупился. Другого ответа барыга просто не понял. Да мне по фигу, Влад Яковлев, что там про меня думаешь. В будущей жизни мы крепко подружимся. Именно он, много лет спустя, первым меня встретит, когда после шестилетнего перерыва вновь обозначусь на "Галёре", но это другая история. Сейчас мой путь лежал к ещё одному священному месту всех теневиков нашего города - Апраксину Двору. Здесь в комиссионном магазине можно приобрести многое из импортной техники и аксессуаров. В отделе полюбовался на древние образцы отечественной радиопромышленности: радиолы, магнитолы, что-то из магнитофонов, телевизоры, транзисторные приёмники и многое

другое. Интересовало, то что на витрине отсутствовало напрочь. Я склонился к продавцу, отчётливо вспомнив эпизод в комиссионном из фильма “Берегись автомобиля”, и тихо так произнёс:

- Ищу ленту тип шесть, желательно две или три бобины по 250 метров. Плачу по пятёрке.

Засветил перед продавцом три голубых купюры. Тот отсканировал мою внешность, но засомневался. Пришлось поднажать:

- Да, не ссы ты, я с галёры, Влада Яковлева знаешь? Если чего из шмотья надо, обращайся, я - Дима.

Через несколько минут я убирал в авоську газетный пакет, с тремя бобинами на которых гордо красовалось надпись: магнитная лента, шосткинский химзавод “Свема”, тип 6, дата выпуска ноябрь 1969 г, цена 3 р 45 к. Радость меломана, вот вам и дефицит. Тут же выскоило в памяти, как приобрёл подобным манером радиоприёмник “Океан-201”.

Теперь мечта всей прошлой жизни: кафе “Лакомка” на Садовой при ресторане “Метрополь”. Чашка горячего шоколада и фирменное печенье. Мысль вновь посетить это притягивающее к себе заведение, пришло в голову, когда меня в “Севере” подписывал на валюту Лёва Магазинер. Ах, благодать, аромат эпохи, напиток не за маскированный под шоколад порошком какао и кругляшки, тающие во рту. Ненавижу мерзкое слово “печенъки”, пришедшее в 21 веке, здесь же маленькое печенье, привет гурманам. Так я провёл свой выходной. Раньше 1970 года не возьму дневник в руки, потерпи дорогой.

* Рассказ “Клад егеря Бута” (прим.автора).

13. Всё о “Фениксе” или чего я хочу

Когда бросаешь взгляд на прошлое, то уже не помнишь примерно половину всего произошедшего. Это настоящее мне такой особенности не оставляет - реальность дробится на мелкие и крупные события и заново выдёргивает из анналов прошлое, которое накладывается с новым мировосприятием и создаёт сюрреалистическую картину будней 1970 года. Пишу витиевато, поскольку меня денно и нощно терроризирует дежавю и неизбежность заново принимать решения.

Получил водительское удостоверение, подзабытая красная книжечка и талон предупреждений. Основательно, не то, что запечатанный в пластик прямоугольник с цветной фоткой. Мне бы за руль поскорей. Зимой обещали открытку к весне, весной к лету, скоро сентябрь, а воз и ныне там, ну это нам советским знакомо. Намекнул деду, может подмазать кого, тот вспыхнул: чтобы я, ветеран, да ни в жить! Как всё знакомо и буднично. В июне предъявил родным аттестат о среднем образовании. Теперь я в их глазах вырос, прошлые ссоры из-за брошенной школы, забыты.

Теперь о любимом занятии - рок-музыке. Сколько раз мечтал разучить и исполнить ремейк американской группы Bloodrock "Wicked Truth". Тут не всё просто, "злая правда" в том, что партия ударных весьма непростая. Мало того, барабанщик Джим Ратледж не только лихо отбивал свой рисунок, но и солировал, как вокалист. На раз-два не осилить, нужно без конца штудировать петли и сбивки. В своём далёком будущем разыскал на ютубе видео с техникой исполнения Рэя Гринфилда. Палочки всегда под рукой. В итоге набил руку, но повторить на полной "кухне" (комплект барабанной установки) не было возможности. И вот она появилась, когда время дало задний ход. В марте дебютный альбом с этой композицией только появился в Штатах, а в июне я уже имел копию на магнитофоне и проиграл Олегу Голубеву. К лету 1970 года, группа "Феникс" имела за плечами почти два года игровой практики. То есть появилась определённая техника, сыгранность и профессиональный подход к исполнению, во всяком случае, мне так казалось. К тому времени Серега Борзов раздобыл фирменную педаль с "примочками", среди которых был нужный жёсткий искажённый звук - дисторшн. Я торопился, поскольку осенью сваливали на ПМЖ братья Магазинеры, а я призывался в СА. Композицию разучили, за несколько проходовшлифнули до приемлемого качества и жахнули в изумлённую публику шквалом хард-рока с элементами хэви.

Hey, where are you goin'?

Hey, you're not even knowin'

Концерт состоялся в начале июля на площадке в Буграх. Толпа прониклась изумлённо, а дальше больше, тоже американцы под названием "Железная бабочка" и хит всех времён "В Эдемском саду". Ай, хорошо пошла тема после тухлой совковой попсы, особенно убойный риф и вступление:

In a gadda da vida, honey
Don't you know that I'm lovin' you
In a gadda da vida, baby
Don't you know that I'll always be true

Когда в уши заливают патриотические песни типа "...Сегодня мы не на параде, мы к коммунизму на пути. В коммунистической бригаде с нами Ленин впереди!", подобные вольности коверкают сознание и режут слух. Но кому надо, тот услышит и прочувствует. Славное время начало семидесятых, первые ростки не советских пёстреньких ВИА, а отечественных рок-коллективов. А в авангарде ленинградские команды, типа "Лесные братья", "Кочевники", "Фламинго", "Аргонавты" и "Феникс" разумеется. Просто забытый всеми недолговечный "Феникс" не лез вперёд с идеями русского рока, а скромно рубил не ахти какое бабло. Во всяком случае ни Голубеву, ни Магазинерам не приходило в голову представлять группу на фестивале под эгидой комсомола в кафе "Ровесник" и им подобным мероприятиям.

У нас много своих (моих) композиций на русском языке, присутствовали и такие, которые на любом конкурсе могли порадовать компетентное жюри сладкой патокой любовной лирики:

Нет чувств прекраснее любви
И знаю я и знаешь ты!
Когда в весенний ледоход
Зов сердца нас к себе влечёт...
или патриотическим маршем:
В битвах рождалась слава,
Ей пережить века.
На смену отцам прорастала,
Молодость в облака...

Ой, да мало ли чего можно найти в старых тетрадях, которые я раскладывал на "бочке" (большой барабан) и пользовался в качестве шпаргалки во время исполнения. В рот тычется микрофон, в руках палочки, одна нога занята хай-хетом и вторая - педалью, а глаза

косятся в текст. “Правильные тексты” держали для всяких излишне любопытных представителей отдела культуры и особо привередливых директоров клубов. Изредка “размачивали” роковый жесткач подобными музыкальными демпферами. Этого требовал Магазинер, да мы всё понимали, система обязывала… После того, как Лёва публично признался в отъезде на ПМЖ, “Феникс” быстро увял, Мы дали ещё пару концертов и развалились. У каждого свои планы: мне в армию, Борзов женится, Голубев в консерваторию. Прощай “Феникс”, не оправдал название, больше не возродился, но мне было хорошо с тобой.

Появились новости интереснее: в сентябре пришла открытка на “Москвич”. Ездили на склад в районе Московского вокзала. Процедурой оформления занимался дед. Потом в ГАИ на регистрацию. Всё как обычно, но в отличие от лихих девяностых, никаких очередей. Тёмная личность восточной национальности предложила перепродать авто и получила отказ в жёсткой форме. Въехали во двор нашего дома и к неудовольствию любопытных быстро натянули на легковушку ранее приобретённый брезент. Краем глаза отметил, как в окно выглядывала бабушка. Остальная родня увидела новеньки “Москвич” в воскресение, когда вывез семью на обзорную экскурсию по Ленинграду и далее в пригород к Финскому заливу. Экая благодать на дорогах, машин мало, пробок ноль, всегда бы так. На обратном пути стали постукивать клапана. “Вот и началось”, - подумал я, - советский автопром - лучший автопром в мире”. Дед вызвонил знакомого из автомастерской, весь понедельник потратил с ним на регулировку и проверку узлов.

Пришло время осознать, чего я хочу на этом этапе существования. С армией всё понятно, жду повестку. Есть работа, теперь я аттестованный токарь четвёртого разряда, про завод ранее писал. Там ничего нового, всё так же сгорают подошвы рабочих ботинок, выдаваемых раз в квартал. Всё та же ругань в инструментальной кладовой из-за некачественных резцов. Рутина, одним словом. Аттестат и двухгодичный рабочий стаж предполагает поступление в Политехнический институт, куда меня подпихивает начальник цеха (готовит смену). Тут я буду долго думать: Политех всё-таки не моё. Плыть по течению и придерживаться сценария уже не хочется, а хочется назло судьбе набедокурить, плонут на условности, повоевать с системой. Хочется - перехочется, я тут же отмёл душевые порывы. В активе существовала страсть к

коллекционированию западного винила и записей. А ещё отлаженная система по перепродаже дефицитов. Фарцовка тоже тяготит, нет былой остроты опасности, да и в моей шкуре попаданца, эта острота нивелирована знаниями, адреналин не бодрит. Ну, купил у иностранцев, продал втихаря, заработал и что? Восторженные глаза покупателей, ахи знакомых девиц, всё было, было. Мне бы к семье, к собачкам, в тишину и покой старческого логова, что отстроил в Ландышевке, к ноутбуку и Инету с его безграничными возможностями. А я тут жмусь в личине двадцатилетнего пацана, упакованный знаниями, которыми ни с кем не поделишься.

Попытался объяснить маме, кому ещё такое доверишь. По странному взгляду родительницы понял, такие откровения она всерьёз не воспринимает и быстро перевёл в шутку. Мама не виновата, она принадлежит к другому поколению, выросшему в нужде и тяготах военных лет. Мир воспринимает буквально без допусков и фантазий. Я её не виню, если бы сделала вид, что поверила было ещё хуже. Пусть считает дурака валяет сынок, пусть - он самый лучший. Бог даст, станет человеком, как все. Вот именно, что не как все. На дворе осень, отсюда и настроение поганое. Дождусь повестки и смена обстановки пойдёт на пользу. Я всё помню и курс молодого бойца и сломанный клапан в противогазе во время учений по химзащите, и учения на убитом армейском ЗИЛ-131, и побег двух подчинённых, и стрельба на посту. Посмотрим, всё должно повториться в этом мире, законы времени и космоса вечны.

А что на любовном фронте? Читатель обязан знать. С Томкой пока всё хорошо, мы просто мало друг друга знаем. Оттого, забегая вперёд, для меня было полной неожиданность её первое письмо в армию, когда насчитал около тридцати орфографических ошибок. Я не “вшивый” интеллигент, однако себя считаю человеком образованным. Самому смешно - а в шестьдесят пять лет можно быть неучем? Меня такой расклад удивил и слегка напряг. Как же ты учились в школе девочка? Когда она приехала ко мне на свидание, я спросил об этой особенности письма. Тогда Тамара психанула и мой необдуманный вопрос послужил началом конца. Письма ещё приходили, но за полгода до дембеля перестали. И рванул влюблённый вояка в самоволку, и наткнулся на запертыe двери. В квартире играла музыка, но мне так и не открыли. В тот день выпил из горлышка малька водки и вернувшись в часть и чуть не загремел на губу. Вот опять поторопился, при желании мог бы на одной

странице дневника расписать всю оставшуюся до удара током жизнь. Зачем, раз обещал себе и потенциальным читателям описывать “будни-2”. А вот поездку к возлюбленной придётся откорректировать, да кое-что другое.

14. Служу Советскому Союзу!

Свершилось, я в армии. По устоявшейся привычке сравнивать ключевые моменты тогда и сейчас, уверенно заявляю: на сборном пункте картина та же. Так же колыхались новобранцы в непривычном строю, также выступал военком, а за ним ветеран. Но появились новые эпизоды. Военком был мне знаком, сопровождающий офицер мою фамилию выкрикнул в другую войсковую часть, нежели в первой жизни. Я решил вопрос службы с помощью незначительной взятки и грамотно подвешенного языка. Было промозгло и холодно, на дворе 19 ноября 1970 года. Среди провожающих дед и дядя, мне жалко, что регалии деда спрятались по пальто. В пёстрой толпе я вдруг узрел Пыжика, то есть одноклассника Димку Сайко. Вот так встреча! Сайко познакомил меня с другом детства Серёгой Семаниным, позже выяснилось, что служить будем в одной части, я - в автороту, Семанин - в роту охраны. Оркестр, прощалки-обнималки, далее в автобус и гудбай гражданская житуха. В окно увидал, как военком подошёл к деду и оживлённо заговорил, ну понятно гоношит однополчанина на выпивку. Третьего искать не надо - дядя тоже фронтовик. Хотелось опустить форточку и рявкнуть деду: “Не смей пить, бабке расскажу”. Да, какой там, тёплая компания сформирована и сейчас отчалит на куда-нибудь в пирожковую или кафешку. Дальше известный ритуал и бесконечные воспоминания о нелёгких фронтовых буднях.

В автобусе пошла по рукам бутылка знаменитой бормотухи “Три семёрки”, затем вторая, третья, кто такой щедрый? В Сертолово въехали в приподнятом настроении. Что там курс молодого бойца? Всё фигня, я-то подготовлен и как бить подошвой строевой шаг по команде “Рота!!!”, не забыл. И команда “Газы!!!” на слуху. И “калаш” разбирается за 45 секунд. Эх, армия! 9 декабря принял присягу. Затем зачислен водителем на бывалый ЗИЛ-131, на спидометре триста тысяч, деревянный кузов с брезентовым верхом - перевозка “живой силы”. Сказать по правде, армейские будни: нудная рутина, учения, изматывающие ПХД (парково-хозяйственные дни), мне не интересны, как скучны искушённому читателю.

Увлекательно читать о противостоянии дедовщине, самоволках, пьянстве и раздолбайстве опустившегося офицерского состава. В советской армии большинство, это люди преданные присяге, с большим потенциалом воинского патриотизма. Но исполняют свои обязанности на совдеповский манер: если понадобится жизнь отдать за Родину, а пока всё тихо, можно нарушать устав, плохо, если не безобразно, исполнять обязанности и это повсеместная норма. По крайней мере, мне так виделось у большинства, но есть и меньшинство, которое в отличие от знаменитого принципа “солдат спит - служба идёт”, решает свои особые задачи. Мои особые задачи стояли из простых мудрых истин: не подставляться, не лезть на рожон, успешно совмещать службу с пользой для себя и близких, а если надо уметь постоять за себя - хлюпиков и маменьких сыновей нигде не любят.

Я скрывал свои спортивные навыки, хвастаться боксёрским прошлым в “детском солдатском возрасте”, повод навлечь неприятности со стороны “дедов”. Про эту особенность советской армии, я знал не только по прошлому опыту, но из будущей жизни, когда жестокая волна дедовщины захватила вооружённые силы агонизирующей страны конца восьмидесятых и новой России лихих девяностых.

Весной, когда неумолимый дембельский календарь отмерил полгода службы, я исполнил свою давнюю мечту, ушил армейские брюки, так называемые “хэбешки”. Убрать безобразно болтающиеся хлопчатобумажные пузыри на бёдрах и портящие внешний вид защитника, мечтают все солдатики, но сделать это удаётся, как правило на закате службы, когда гордое звание “старик” подчёркивает вереница армейских значков. В тот же день вчерашние салабоны более раннего призыва потребовали распороть швы, а в наказание почистить старослужащим сапоги. Скрипя душой, лезвием убрал аккуратные швы, которые бабушка в последнее увольнение исполнила на швейной машинке, но сапоги остались нечищенными. Пришло время постоять за себя. Ночью меня подняли и пригласили в умывалку. Отступил к стене спиной и всех желающих угощал чувствительными плюшками, пока не одолели массой и количеством. Вот тут на помощь и пришёл бойкий, чернявенький погодок Аслан из Дагестана. Это было карате, встречал в этой жизни не часто, зато воспитывался на фильмах Брюса Ли и Чака Норриса в будущем. Волна нападавших схлынула, плюясь кровью и утирая разбитые

носы, старики клятвенно обещали, решить вопрос в ближайшее время.

Мы подружились с горячим восточным парнем. Аслан родом из Махачкалы. Учился в университете на факультете иностранных языков. На втором курсе заступился за девушку и был отчислен за нанесение телесных повреждений троим горцам. Дело замяли, но учёбу пришлось отложить, а чтобы не разжигать пожар вражды между родственниками пострадавших и кланом Аслана, он отправился служить в Ленинградскую область. Опыт карате, как у меня в боксе около четырёх лет, что вполне достаточно для значительного превосходства в незапланированных сшибках. Вдвоём было интересно: он учил меня, я его, причём старались общаться на английском языке, тут я его слегка превосходил. Занимались подальше от посторонних глаз. Случилось ещё пара рукопашных, прежде чем старики махнули на нас рукой. У них скоро дембель, масти поменяются и наш призыв по определению, уже не будет подвергаться тотальным прессу физическому и моральному. Мы с Асланом в авторитете, а скоро к нашей компании присоединился Семанин.

Сергей, парень не промах, стальные кулаки и характер лидера. Правда служил в роте охраны, там традиции “опёкунства” старослужащих не так сильны, служба разгильдяйская, но утомительная и выматывающая: автомат, пост, четыре часа охрана, четыре сон, четыре бдишь и один выходной. Со временем, Родину “защищать” легче, можно отмазаться за деньги или выпивку от челночных рейсов вокруг объекта, можно перевестись на блатную должность или хотя бы стать разводящим, тут свободы для манёвра поболе. Семанин лёгкой службы не искал, но благодаря волевым качествам и неожиданно тёплым отношений с прaporщиком Каштальяном, попал в блатные. Каштальяна мало кто мог терпеть, солдаты ненавидели, офицеры относились презрительно, многие гадали, что может связывать первогодку с вздорным, высокомерным и хамоватым начальником склада вооружения. Позже для меня эта загадка разрешилась.

В увольнение отправляюсь каждое воскресение, за исключением дней учений, когда приходится совершать маршброски на большие расстояния. Не всем так везёт: сел на автобус и через полчаса открываясь дверь в свою квартиру. В первый раз, где-то перед новым годом, махнул как был в шинели на “галёрю”. Встретил

знакомых и убедился - тайная жизнь нелегальных торгашей продолжается. "Галёрка" приказала долго жить лишь в начале девяностых, с исчезновением дефицита. Раньше считал, что местных спикулей отслеживает бдительное ментовское око. Ах нет, военный патруль тут как тут! Старший проверил военный билет и увольнительную, посмотрел сурово и отпустил. Мне показалось, что офицер расстроился за мой трезвый вид и правильную форму одежды. Комендатура рядом, на лице Ракова, чуть что и в кутузку. В дальнейшем путешествовал по родному городу только в гражданке, так спокойнее.

Дома всё хорошо. Дед кое-как овладел навыками вождения, но на права не сдавал, колесил на свой страх и риск по раздолбаным областным дорогам или катал по городу бабушку или сына. Мама, как всегда на съёмках. Роли второстепенные, но на улице часто узнавали, иногда просили автограф, обычная дополнительная, но приятная нагрузка - испытание известностью. Став взрослым, я перестал интересоваться, где папа. Безотцовщина не сильно донимала, ведь боевые дед и дядя, вполне заменили мужскую опеку сгинувшего родителя. Я это хорошо чувствовал как в первой жизни, так и теперь. Каждый раз возвращаясь к родным на побывку, я вглядывался в родные лица, мысленно возвращаясь к своему месту в семье. Старался по мере возможности ублажать ветеранам, особенно деду. Как он радовался домашнему автомобилю, как ревниво рассматривал у нотариуса доверенность на вождение, хотя все отлично понимали, москвич оформленный на меня, есть скрытый намёк на возраст Ильи Матвеевича. Дяде раздобыл в Апрашке импортный фотоэкспонометр, вот радости было. Дорогие мои, как ни пафосно это звучит: я вас нынче защищаю. Смена поколений: вы защищали страну в горячее годы, я - во времена холодной войны.

В самую первую увольнительную дед, внимательно рассматривая мой внешний вид, ворчал:

- Ну и форма нынче, брючки, пиджачок, ботиночки. Вот в наше время галифе, сапоги, китель, - и обращаясь к дяде, - помнишь, Витя?

Дядя кивал и улыбался. Радовалась бабушка и спешила на кухню приготовить вкусненького, да накормить любимого внука.

15. От тюрьмы и сумы

Самое интересное началось на втором году службы. Мой

начальник, майор Рудаков, я о нём уже заикался, перевёл в штаб гарнизона. Там прикрепили механиком-водителем на газик к начальнику по тылу. Я “умел” слушать Рудакова, доставал хороший коньяк и продукты. Дефицитные наборы из буфета Смольного, организовывал для меня Пыжик, с которым сидели за одной партой в школе. Мы вновь сошлись после вышеупомянутой встречи на сборном пункте. Я несколько раз видел Димку Сайко у нашей части в обществе Семанина. С Серегой отношения были почти дружескими, мне очень нравился этот парень со стальными кулаками и независимым характером. Короче, выяснилось, что пацанам требовались импортные шмотки для офицеров части, которые перекочёвывали к ним через Каштальяна. Хитрые схемы доморошенных предпринимателей были мне неясны до того момента, пока Сайко не признался, что прикупают оружие и офицерскую амуницию, а джинсы и другие прибамбасы вроде дополнения к льготным закупочным ценам или бартера.

Однако, подумал я тогда, мазурики набиваются на увесистый срок. Одно дело таскать по мелочи с склада, опускаться до взяток, но тут хищение военного имущества, то есть государственного и срок вплоть до вышки. Вспомнил свою ходку и в памяти всплыли трофеищики братья Коля и Вася Митрохины, эти деятели вываривали из снарядов тол и продавали на право и налево, кому рыбу глушить, кому для иных целей. Карающая рука правосудия не застала долго ждать, близнецы получили по шесть годочек усиленного режима.

Тёзка, сняв гриф секретности со своих манипуляций, предложил войти в долю.

- Дима, твои шмотки и реализация стволов. Табаш (прибыль) делим на троих.

- Послушай, Пыжик, я тебе так скажу: шмотьё, без проблем. Но втягиваться в расстрельную статью нет желания. Мне это не надо, поверь на зоне не сладко. Вы подумайте, при разборе любого криминала со стрельбой перед следаками станет вопрос: откуда стволов? Не задумывался о последствиях. Каштальян мудак без мозгов, но вы с Сёмой должны соображать?

Сайко поскучнел и замкнулся:

- Нет, так нет. Насильно не тянем. А риски, наши проблемы.
- Это сейчас ваши, а когда опер даст по башке телефонным

справочником, разговоришься и проклянёшь тот день, когда связался с оружием. Хромовые сапоги и кожаная портупея ладно, а вот продажа пистолета “ТТ” в смазке, да с военного склада, чревата большой бедой и тюремной прорехой в собственной биографии.

Сказал и поперхнулся, вспомнив, что куплю по надобности в недалёком будущем это самое изделие с грозным потенциалом, и как в том будущем получу за это срок. Воистину: чья бы корова мычала, твоя бы молчала. Через пару лет Дима поведал, что Семанин загремел-таки в колонию, правда за непреднамеренное убийство. Позже мои пути дорожки с Димкой и его другом разошлись.*

Дембельнулся до ноябрьских праздников. Проставился Рудакову и пожелал ему здоровья, чем сильно обидел майора. А мне по барабану: с этим неудачником и пьяницей мне не встречаться, ещё одно проходное лицо в биографии. Родина его учила, отметило орденом, как война интернационалиста, а он свою судьбу лётчика истребителя разменял на стакан водки. И не в небе парит соколом, а спивается в танковом гарнизоне начальником раздолбанного автопарка. “Цвет” нации, брошенный семьёй, но принятый обществом таких же как сам бухариков. Прощай, Рудаков, прощай авторота, прощай ворюга Каштальян. Всем воздастся, дорогие граждане и мне в том числе!

2 января 1973. Новый год с родными, всё как обычно. Да, не совсем. Почти пять лет тяну лямку умника-попаданца из 2016 года. Конца этому испытанию не видно: возникают задачи, а с ними новые проблемы. Перелопачивая в памяти летучие выражения о жизни, вспомнил колкий афоризм Раневской: “Жизнь - это затяжной прыжок из утробы матери в могилу”. Желаю примазаться к великой актрисе со своей версией: жизнь - это бесконечное порождение трудностей, их преодоление и последовательное генерирование новых. Не так остроумно, зато конкретно. Радостным звоночком в памяти выскочил ещё один пёрл несравненной Фаины Георгиевны: “Под самым красивым хвостом павлина скрывается самая обычная куриная жопа. Так что меньше пафоса, господа”. Вот что мне нужно взять на вооружение! Бороться со своими демонами: ленью, скучой, бессмысленными пунктами и фruстрацией, тянувшей в болото беспросветной удущливой, серой и безликой реальности.

Постепенно осознал, что токарное ремесло вовсе не моё призвание. Как это произошло объяснить себе не могу, давно ли

запах масла и фиолетовая спираль стружки из под резца резонировали с радостью самодостаточного пролетария. Что-то изменилось и хочется смены декораций, потянуло в сферу общественного питания, в мир качественной жратвы, разгульной жизни и многоцветья людских пороков. Мне интересно испытание в новом качестве, это не грохот станков и слюнявый хабарик во рту, не подошвы рабочих ботинок сгорающих за месяц от масла и керосина, бутылка водки на троих после смены. Зачем поступать в политех, а не в институт торговли на заочное отделение, а днём работать в ресторане для начала в качестве официанта? Такой ход мысли наталкивался на возможное сопротивление со стороны родных, других препятствий я не видел. Но это как повернуть, с мои-то опытом. Вновь изменить жизненный сценарий? А что, Дима, замутим новую биографию?

В декабре 72-го устроился учеником официанта в ресторан “Нева”, что на Невском. Знакомлюсь с новой профессией и её особенностями. Пока я никто и задействуют новичка по мелочи, как то: собрать скатерти и салфетки в прачечную, разгрузить продукты в кладовую, убрать грязную посуду, расставить столы и стулья . На мой взгляд, это элементарный тест на пригодность: стал отлынивать - свободен, ищи другую работу, а встроился - ещё посмотрят. В выходные отвёз деда и дядю на Залив, оба ветерана любили подлёдный лов, весьма распространённое хобби мужской части населения славного города на Неве. На обратном пути меня подрезала волга, я ушёл от удара вправо. Успел запомнить номер машины и разглядеть развесёлую компанию. Нарушители унеслись вперёд, а мы застряли в глубоком снегу. Настроение испорчено, хорошо хоть наш москвич не пострадал. Нас вытащил автолюбитель. Он отказался от предложенного рубля и в голове родилась необычайная по своей новизне мысль: раньше люди были добре. Неожиданно встретил обидчиков на заправке в Сестрорецке - трое ровесников при вальяжном мужчине важного чиновниччьего обличья. Сделал замечание ездокам:

- Товарищи, вы нас чуть не сбросили с дороги. Можно ездить аккуратней. Извинитесь не хотите?

Дальше как обычно: гонор обидчиков и моя здоровая злость. Чуть не дошло до драки, спасибо мои старики оттащили. На этот раз была поколеблена ранее высветившаяся рефлексия “раньше люди были добре”, сменившаяся на более расхоже мнение: уродов хватает

во все времена. Впервые посетила идея помахать перед носом зажравшихся хамов реальным стволов. Эта практика была принята в лихие девяностые, тогда я носил в кобуре под мышкой газовый пистолет. Носить не очень удобно, зато существовать гораздо спокойней. Второй раз я задумался об оружии при встрече с конкурентами по фарцовочному бизнесу. Это был реальный наезд на Выборгском шоссе, когда меня взяли в “коробочку” две машины и прижали в лесочке под Выборгом. Начало семидесятых, а уже существовали организованные бригады фарцовщиков, валютчиков, кидал и прочих мазуриков. Мне доходчиво объяснили, чтобы не совался на чужую поляну, пообещав нанести механические повреждения или проткнуть шины. Добавили, что всё схвачено. При полном непонимании повреждения грозили моим органам. Вот так, просто и доходчиво, совсем как в будущей бандитско-корумпированной стране по имени Россия. А хрен вам ребята! Я сам по себе и указывать, что делать, будете малолеткам сопливым. Нужен ствол. Вспомнился Пыжик и мои правильные суждения об уголовной ответственности. Есть и другой вариант: просто завязать с фарцовкой и переехать на более безопасные рельсы халдейской активности. В тот раз я отбазарился благодаря большому запасу убедительных аргументов, но желание греть за поясом массивную железяку с убойным потенциалом не оставляла. Авантуризм боролся с здравомыслием.

Летом подал документы на заочный в Ленинградский торгово-экономический институт имени Фридриха Энгельса, факультет управления. В “Неве” уже работал с посетителями, мне доверили кассовый ключ, предварительно осветив неписаные законы общепита. Не без помощи администратора, я перевёлся в только что открытый ресторан “Невский” - новые люди, новые возможности. Главное, пока самому нравится бесшабашный разгуляй с активным чревоугодием, скандалами, драками, флиртом, любовными связями и беспутством. Атмосфера, пропитанная мнимым суррогатом вседозволенности, примитивными человеческими страстями и вечным пьяным угаром, мне ближе. Вот где картина совдеповского мира...

* Повесть “Поджига” (прим.автора).

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ОЛИБ

1. Начало пути

Витя Соболев родился в Ленинграде за год до окончания войны. Отец мальчика, герой Советского Союза, капитан Соболев, получил кратковременный отпуск по ранению и побывал в родном городе в конце сорок третьего года после прорыва блокады. Мама Виктора всю блокаду провела в осаждённом городе, выжить удалось благодаря работе в Смольном, куда попала с третьего курса исторического факультета ЛГУ. Счастливую неделю Нина провела с мужем, никак не предполагая, что больше не увидит своего отважного капитана. После победы, офицер продолжил службу в одном из районов разрушенного Берлина в должности коменданта, а в конце июля был смертельно ранен недобитками из гитлерюгенда. Нина Георгиевна Соболева, как сотни тысяч вдов, воспитывала мальчика одна. Женщина продолжила учёбу в университете и участвовала в восстановлении хозяйства разрушенного войной родного города. После защиты диплома работала преподавателем на истфаке родной альма-матер.

Мальчик со школы тяготел к точным наукам. Мать представить не могла, чтобы ребёнок по физике и математике приносил оценки ниже пятёрки. Сдав экзамены на год раньше, талантливый юноша легко поступил в Ленинградский государственный университет на физический факультет. Молодой учёный выпустился с красным дипломом, а далее перспективный физик устроился работать в научно-исследовательский физический института (НИФИ), что неподалёку от ЛГУ в соседнем здании. Виктор Сергеевич Соболев к двадцати двум годам, успешно защитился, а 1966 году, имея степень кандидата физико-математических наук, перешёл в оптическую лабораторию Физтеха профессора Гросса.

Ближе к осени, Соболева вызвали в кабинет директора института. Сперва он решил, что его приглашают на совещание начальников лабораторий, ведь занимал уже должность старшего научного сотрудника. Но оказалось иначе. Его представили мужчине за пятьдесят. Пристальный, изучающий взгляд, военная выправка, выдавали в нём представителя силовых структур. Запомнилось крепкое рукопожатие и располагающий голос.

- Здравствуйте, Виктор Сергеевич. Полковник КГБ Николай Трофимович Серебряков, вот мои документы, - он предъявил Соболеву удостоверение в виде маленькой книжки, - хотел с вами побеседовать по профилю работы.

- Здравствуйте, - растерялся Виктор, - чем обязан?

- Разговор у нас непростой и долгий, - Серебряков бросил взгляд на директора института академика Константинова, - вы не возражаете, Борис Павлович?

Заслуженный профессор понимающе кивнул и легко поднялся:

- Конечно, конечно, Николай Трофимович. У меня лекция в Политехе, как раз собирался идти. Когда закончите, секретарь закроет кабинет. Всего хорошего.

Беседа молодого учёного и ветерана КГБ сводилась к предложению перейти под крыло могущественной службы в одно из засекреченных подразделений по особому профилю исследований в области перемещения в пространстве и связанных с этим вопросов.

- Работа очень интересная и перспективная в “особой лаборатории изучения будущего” или сокращённо ОЛИБ. Кое-какие наработки имеются, но не хватает специалистов, поскольку исследования ведутся недавно. Подумайте, вы пока холостой, живёте с мамой блокадницей, другими словами сильно не обременены обязанностями за рамками исследовательской работы. Если дадите согласие, разберём другие подробности и ваши вопросы по теме. Я не силён в этой малоизученной и непонятной области науки будущего, лишь курирую данный проект и уже докладывал наверх о перспективных результатах. Над поставленными задачами работают специалисты вашего профиля и смежных областей. Исследования основаны на теории относительности Эйнштейна, релятивистских эффектах, попутно затрагивая также квантовую механику и теорию суперструн. Вам понятно о чём идёт речь?

- Конечно, Николай Трофимович, - Серебряков отметил, что озвучивание подобных формулировок как-то не очень вяжется для дилетанта, - мне надо подумать.

- Подумайте, но только про себя, без советчиков. Всё, что вы услышали остаётся между нами. Вот мой телефон, звоните.

Соболев позвонил Николаю Трофимовичу на следующий день и подтвердил согласие на перевод в новую лабораторию. В адресе ждало долгое собеседование, после заполнял подробную анкету, далее, уже в кадрах, оформление допуска и подписка о неразглашении. Наконец, знакомство с ОЛИБ, руководителем отдела и сотрудниками. До сих пор, Соболев, не чувствовал ничего

особенного - типичная рутинा при устройстве на работу. Заведующий лабораторией относительно молод, не больше сорока. Внешностью напоминал молодого Косыгина, одет с иголочки, речь гладкая и предельно конкретная, что очень понравилось Виктору. Представился, как Генрих Иванович Доос. После прежних возрастных учёных руководящего звена, с плохой дикцией, зацикленных на поставленных задачах, небрежно одетых, неоднократно битых режимом, Доос больше смахивал на актёра, прекрасно вжившегося в роль передового учёного. Соболеву вспомнился прекрасный фильм “Девять дней одного года”.

В помещении ОЛИБ бросались в глаза шкафы новейшей электронно-вычислительной машины “Минск-32”, с подобным образом отечественной научно-технического прогресса Виктор ещё не сталкивался. Осциллографы, различные измерительные приборы, оптический квантовый генератор, смонтированный в отдельной комнате, были Соболеву знакомы. Похоже, лазер, был особой гордостью, заведующего лаборатории, поскольку Доос задержался рядом с устройством:

- Здесь использованы последние разработки Жореса Ивановича Алфёрова в области теории полупроводниковых гетероструктур. Теперь пройдёмте в мой кабинет и побеседуем.

В кабинете висела школьная доска, исписанная формулами, по стенам, развешаны схемы, отдельно плакат с портретами членов Политбюро, на столе три телефона: внутренний, городской и “конторский”. Занавешенное шторой окно, скрывало виды извне.

- Виктор Сергеевич, я вкратце опишу направление наших работ. Ничему не удивляйтесь, быстро привыкните. Итак: мы изучаем пространство-время с замкнутыми непространственноподобными кривыми, по сути теорией машины времени. У нас уже есть интересные наработки, с которыми вы познакомитесь в самое ближайшее время. Кроме того, мы тесно сотрудничаем с особым аналитическим отделом, приписанным к главному управлению КГБ СССР. Наша деятельность и полученная информация, как вы понимаете, носит закрытый характер, поскольку точно известно о подобных исследованиях в США и Англии. Общие вопросы будем решать прямо сейчас.

Они обсудили специфические темы по профилю исследований, время работы, систему связи, размер оклада и премии, наконец,

график отпусков. Всё как обычно при трудоустройстве, но таинственность и волнение перед грядущими испытаниями держали Соболева в тонусе. В голове крутился главный вопрос - машина времени?! Как учёный физик, Соболев допускал гипотетически создание подобного устройства, знал работы Курта Гёделя, нашедшего решение для составленных Эйнштейном уравнений гравитационного поля, описывающих вращающуюся Вселенную. Чётко помнил главный вывод Гёделя, что теория относительности не исключает перемещения во времени. Но как, в условиях закрытой лаборатории, воплотить в реальность мечты человечества о путешествиях в пространстве - пока загадка для учёных всего мира?

Для Соболева наступила новая творческая пора. Как и обещал, при знакомстве Николай Трофимович Серебряков, работа оказалась “очень интересная и перспективная”. Виктор с головой ушёл в исследования и решение отдельных задач. Спустя пару месяцев, Доос выделил умного, усердного и подающего большие надежды кандидата физико-математических наук. Не забывал о нём и Серебряков. Куратор присматривался к протеже. Со временем выяснилось, что Николаю Трофимовичу пятьдесят пять, а до того, как организовать и возглавить ОЛИБ, работал во внешней разведке. Спустя год, Серебряков предложил Виктору Сергеевичу получить специальные навыки на курсах КГБ, в так называемой “школе N401”, готовившей сотрудников наружного наблюдения. По мимо общих дисциплин, Соболев занимался по специальной индивидуальной программе. После успешного окончания курсов к лету 1968 года, лейтенант запаса, поучил следующую звёздочку, корочки сотрудника и допуск к служебным документам .

Поскольку учёба на курсах занимала всё рабочее время, Соболев посещал лабораторию не часто, но по мере возможности принимал деятельное участие в исследованиях. По окончанию учёбы молодого сотрудника вместе с начальником ОЛИБ, вызвали на Лубянку. Полковник Серебряков представил Соболева генералу. Высокий чин долго беседовал с Виктором Сергеевичем, бросая на стажёра взгляды, от которых становилось тревожно. Разговор шёл на общие темы, затем генерал плавно подвёл беседу к новой специфике работы выпускника. Наконец, тяжело поднялся, остановив жестом подскочившего подчинённого, достал из сейфа объёмистую папку и протянул Петрушевскому.

- А теперь, Виктор Сергеевич, ознакомьтесь с документами.

Читайте внимательно, мы вас отвлекать не станем, попьём чайку в соседнем помещении. Если желаете пересаживайтесь в кресло. Думаю, полчаса вам хватит, чтобы охватить общую тему нашего интереса. Вопросы позже. Пойдём, Николай Трофимович.

Загадочный начальник и Серебряков вышли. Обстановка кабинета располагала: отсутствие казёнщины, зелень, обитая кожей мебель, тихо, уютно, серьёзно и ответственно. Соболев открыл папку и достал документы. То что он узнал из сухих строчек рапортов и служебных записок, повергло в шок! Петрушевский углубился в чтение, лишь однажды оторвавшись на телефонный звонок. В генеральских покоях звук растекался требовательным сигналом. Трубку поднял секретарь и вокруг учёного вновь сгустилась тишина. Он лихорадочно листал справки, рапорта, служебные записки, стараясь выхватить и запомнить побольше.

2. Шок

По систематизированным данным, спущенным из МВД, в ряде мест на территории СССР бесследно исчезают люди. При этом обстоятельства сводятся к одному фактору - никаких следов и свидетелей. Установленные законом сроки, для поиска без вести пропавших, ничего не дают. В редких случаях пропавшие неожиданно появляются и никогда не могут объяснить обстоятельств в которые попали - память начисто стёрта. Возвращенцы, как правило, ведут прежний образ жизни и не выделяются поведением на работе и в быту. В отдельном конверте, Соболев обнаружил личные дела на двух человек, своими поступками и разговорами, обративших внимание сотрудников милиции. В данных случаях это были сигналы от бдительных граждан. А третий неизвестный сам явился в дежурную часть и потребовал встречи с представителем власти или сотрудником КГБ (протокол допроса свидетеля прилагался). Во всех эпизодах эти подозрительные личности были допрошены. После чего дела переданы в местные подразделения КГБ, а оттуда уже в Москву, где была проведена историческая, криминалистическая, психиатрическая, техническая экспертиза на подтверждение уникальных фактов изложенных путешественниками во времени. Один документ привлёк внимание. На стандартном бланке выделялось масленное пятно. Аккуратист Соколов понюхал развод и узнал незабываемый селёdochный душок. Про себя отметил: "Разгильдяй опер. Вот она тотальная безответственность: запачкал бланк, да и бог с ним".

“Протокол допроса свидетеля Дробязко.

Место допроса: пос. Вижай

Допрос начат 6 февраля 1965 г., закончен 6 февраля 1965 г.

Я, Начальник поселкового отделения милиции капитан Чудинов

Допросил в качестве свидетеля:

1.Фамилия, имя и отчество: Дробязко Василий Андреевич

2.Год рождения: 1943

3.Место рождения: Курганская область Каргапольский район с. Каргаполье

4.Адрес: г. Ивдель, Свердловская обл.

5.Партийность: чл.КПСС

6.Национальность: русский.

7. Гражданство (подданство): СССР.

8. Паспорт или другие документы: паспорт при себе не имею

9. Образование: Высшее

10. Место работы, должность (профессия): Пенсионер, заслуженный учитель РФ

11. Судимость: не судим.

Об уголовной ответственности... предупрежден.

Подпись: Дробязко

Свидетель показал:

Ответственно заявляю, что прибыл из 2011 года при следующих обстоятельствах. Я находился в своей квартире по месту регистрации г. Ивдель, ул Правды, д. 8, это было 19 августа 2011 г. На улице началась гроза, я прошёл на балкон, чтобы закрыть дверь от дождя, в это момент ударила молния, я потерял сознание и очнулся в посёлке Вижай, в школе, где я преподавал физику. Спустя время, после того как пришёл в себя, выяснилось, что я очнулся в 1965 году, а мой физический возраст 22 года. Что произошло со мной и каким образом объяснить не могу. Я вспомнил, где находится районное отделение милиции, куда и обратился. В доказательство того, что я не сумасшедший, готов представить подробную аргументированную

информацию с полным разъяснениями и подробностями, как я её знаю и понимаю, о эпохе будущего до 2011 года из которой попал назад во времени.

Записано собственноручно: Дробязко

Допросил подпись: Чудинов”.

Далее шли многочисленные протоколы с подробным перечислением дат, исторических событий, политическом строе страны, техническим прогрессом, финансовой системой и множеством других фактов, подробностей и особенностей. Аналитические записки и выводы, справки о Дробязко, анализы, заключения психиатров. Во втором и третьем досье описывались подобные исключительные явления. Все исследуемые проходят под условным наименованием “туристы”.

У Соболева пестрило в глазах от бесконечных фантастических открытий, голова шла кругом. Прочитанное воспринималось мистикой, по крайней мере, как материал для полок публичной библиотеки в разделе “научная фантастика”, а не секретных фондов Лубянки. Ирреальность документов не ложилась на повседневность, хотя абсолютной тайной не являлась. Молодой учёный не раз сталкивался с подобными сообщениями в научных журналах, что-то просачивалось на страницы прессы. Но то воспринималось, как досужий вымысел или вольная трактовка журналистов, а тут-то абсолютно серьёзно. И оттого пугающе и таинственно от захватывающей правды сухих строчек документов. Когда в кабинет вернулся генерал с Серебряковым, старший лейтенант твёрдо решил, что его проверяют на какой-то служебный, хоть и очень странный тест, а то и вовсе разыгрывают.

- Ну, что Виктор Сергеевич, ошарашены? Решили, подшучиваем над вами? На самом деле, всё очень серьёзно. Давайте свои вопросы, для того вы здесь. Итак?

- Товарищ генерал, если честно, то делаю над собой усилие, чтобы поверить в прочитанное. Всё изучить не успел, но главное понял. В связи с чем хочу вас спросить: тематика ОЛИБа косвенно связана с фактами, изложенными в досье, но не понятно, как я могу использовать этих загадочные путешествия в теме разработок нашей лаборатории? У нас наука, формулы, опыты, а тут мистика, загадочные исчезновения и пришельцы из будущего.

- Сейчас поясню. У нас в столице, как вы догадываетесь, имеется специальный отдел по исследованию путешественников во времени, он также изучает непонятные пропажи граждан и их возвращение в отдельных случаях. Добавлю, что эти случаи всесторонне проверены и почти исключают бытовые преступления, когда тела пропадают под водой, в земле или огне. Налицо загадочные, ничем не объяснимые аномалии, которые отдельные учёные связывают с внеземными цивилизациями или попросту инопланетянами. Так вот, мы планируем объединить разработки ОЛИБ с фактическим материалом собранным до настоящего времени столичным филиалом. Добавлю, что “второй турист” из будущего физик-ядерщик и в теоретическом плане будет вам весьма полезен. Но об этом позже. Что мы хотим от вас, Виктор Сергеевич? Есть мнение, что в далёком или не очень будущем, ваши коллеги, создали машину времени и запускают “туристов” в нашу реальность. Кстати, вы знаете, как в будущем называются такие засланные люди? “Попаданцы”, от глагола попадать. Так вот, нам нужен специалист который совмещал бы навыки передового учёного и опытного оперативника для работы “на земле”. Ваша функция курировать работу с “попаданцами” или “туристами”, называйте как вам удобно. Мы не исключаем, что гости из будущего при нашей жизни ещё объявятся и не раз. В особенности темы введёт полковник Серебряков, приказываю обоим всесторонне продумать новые направления, составить план и свои соображения представить на утверждение.

Генерал повернулся к Серебрякову и обронил:

- Николай Трофимович, сроки поджимают, мне скоро на доклад к председателю, недели вам хватит? Если нужны люди, то мы готовы привлечь сотрудников из кадрового резерва. - И уже обращаясь к Соболеву. - Вижу у вас остались вопросы . Главное я изложил, остальное к полковнику. Мы здесь видим и общую картину, а ваш начальник знает частности, пожалуй, даже лучше меня, вы спрашивайте, не стесняйтесь, полковник Серебряков объяснит более подробно. Кроме того вам обоим оформлен временный допуск в картотеку для дополнительной информации по теме. Будем считать, что пояснения исчерпаны, а поставленная задача ясна. Жду вас обоих через неделю.

Генерал поднялся, офицеры встали. Загадочный хозяин кабинета, о котором Соболев так ничего и не узнал, попрощался с подчинёнными за руку. Когда вышли из кабинета, Соболев украдкой

взглянул на входную дверь: только номер кабинета. Полковник перехватил интерес подчинённого и тихо заметил:

- Витя, не крути головой, шею сломаешь. Твоя машина времени уже давно прописалась в наших буднях, точнее результаты её деятельности. Здесь придерживаются этой версии, а чтобы подтвердить или опровергнуть подобные бредни, с точки зрения непосвящённого обывателя, наше ведомство задействовало питерский филиал. Работы невпроворот.

Они шли по коридору, изредка поскрипывали паркетные половицы, крытые под длинноющим ковром и негромко обсуждали вопросы будущих исследований. Полковник, бывавший тут много раз уверенно вёл своего подчинённого к помещению архива. Тут их догнал помощник генерала:

- Товарищи офицеры, Иван Иванович просит вас ненадолго вернуться.

В кабинете, генерал, который по мнению Соболева такой же “Иван Иванович”, как он “Сидор Сидорович”, протянул Серебрякову свежую распечатку с faxa. Полковник ознакомился и передал документ подчинённому. Донесение пришло с Вологодской области из местного УВД. В дежурную часть Вологодского линейного отдела МВД СССР на транспорте, доставлен гражданин Панкратов Вадим Викторович, 1950 года рождения. С его слов он очнулся в зале ожидания вокзала из будущего, а именно, 2018 года. Как это произошло он вспомнить затрудняется. Гражданин написал объяснение. Временно помещён в стационар местной психоневрологической больницы. Начальник отдела, в рамках закрытой должностной инструкции, запрашивает свои дальнейшие действия.

Офицеры переглянулись. Серебряков вернул документ и вопросительно посмотрел на генерала.

- Ну вот, товарищи, новый сигнал. Скучать не приходится - ещё один попаданец, турист или возвращенец? Как иллюстрация для вас, особенно для нашего нового специалиста, - он повернулся к Соболеву, - гражданина допросит сотрудник местного подразделения КГБ, затем этого Панкратова командируют к нам. Когда будет готово досье, вас ознакомим. Вопросы? Больше не задерживаю.

3. Перечень мероприятий

Серебряков и Соболев до возвращения в Ленинград, какое-то

время работали с документами московских смежников. Материал словно из фантастического романа о будущем страны, что ни страница, то сенсация. Война в Афганистане, перестройка, объединение Германии, реформатор и могильщик Советского Союза Горбачёв, расслоение общества, ГКЧП, нищета большой части населения и правовой беспредел девяностых. Информация обжигала и пугала Соболева, слава богу, глобальной войны не предвидится, но гонка вооружений похоронила страну, вот что главное! Серебряков сказал, что на основании этих подробных данных, изложенных “туристами”, составляются аналитические и исторические справки, которые отправляются на самый верх в Политбюро. Всё смешалось в кучу: развитой социализм, который так “развился”, что изжил себя, рыночная экономика, бандитские войны, вседозволенность, открытые границы, новые технологии, новое искусство, новое мировосприятие.

Уже перед отъездом, возвращая документы сотруднику архива особого отдела, Соболев начал осознавать, что стоит на пороге исторических событий, о которых знают несколько десятков человек в мире, но одновременной стал носителем информации, за которую правозащитников или прозорливых граждан, просто уничтожат в психушке или сгноят на зоне. Будущее само ворвалось в размеренную жизнь совка в образе нескольких попаданцев, которые не могли объяснить причин, но охотно делились своими знаниями. И получается, что Соболев стал на одну доску с всезнайками из будущего. Мурашки по телу, но разве ему, учёному не интересно это направление в работе выхолощенное от политики и направленное на претворение в жизнь мечты человечества: заглянуть в будущее и скорректировать свои дела нынешние? Как это поможет в разработке рабочей модели, он пока не знал, но теперь твёрдо уверен, что в этой отрасли науки, где вопросов больше чем ответов, всё взаимосвязано.

В Ленинград возвращались поездом. В вагоне-ресторане, за плотным обедом под выпивку, Серебряков признался, что в командировки старается ездить по железной дороге, а полёты стал избегать после истории с лайнером ТУ-124. Под рюмку водки, Николай Трофимович поведал, как летел в августе шестьдесят третьего из Таллина в Москву для доклада. Над Ленинградом сначала заклинило переднюю стойку, а затем фатальная неисправность: заглох один из двух двигателей, чуть позже остановился и второй. Экипаж принял решение сажать сорокатонный самолёт на Неву, что само по себе неслыханная смелость и риск. Приводнение прошло

благополучно, жертв избежали благодаря мастерству пилотов. Шок, испытанный пассажирами и свои впечатления в салоне самолёта, полковник оставил за кадром. История не получила широкой огласки по решению властей и о ней постарались забыть.

- А что же с лётчиками? Это же выдающийся поступок, пример мужества и тянет на звезду героя. - спросил потрясённый Соболев.

- Знаю лишь, что двоим подарили двухкомнатные квартиры. Про награды не слышал. В каждой избушке свои погремушки. У нас свои секреты, у них свои. Там на верху, происшествие не афишировали, тему засекретили, так что сам понимаешь...

- Но как такое утаишь. Уверен, что весь город знал.

- А ты, Виктор, знал? Вот видишь, так и остальные: кто-то постарался забыть, у кого-то изъяли фотоматериалы и приказали держать рот на замке, публикаций практически не было, страна когда-нибудь узнает, но пока время не пришло.

Серебряков вздохнул и разлил водку. Колёсные пары стучали на стыках рельсов, унося сотрудников в родной Ленинград. Оба размышляли об одном: учёный думал о сенсационных новостях из досье попаданцев, а Серебряков взвешивал, целесообразность посвящения молодого сотрудника в шокирующие подробности будущего. То была воля генерала, аргументировавшего столь смелый шаг, подготовкой новых кадров. На вокзале, протиснулись сквозь сутолоку приезжих к служебной машине. Пока ехали на Литейный, Соболев смотрел на город и будничную суету. Здесь, на площади, через шестнадцать лет будет установлен обелиск "Городу-Герою Ленинграду", преображеный Невский в будущем украсится отреставрированными домами и уродливыми новоделами, что-то поменяется на Литейном и только Большой дом, неизменной серой громадой, будет напоминать горожанам о годах репрессий и незаметной работе КГБ, а в будущем ФСБ.

Работа над перечнем мероприятий продвигалась с определёнными трудностями. У лаборатории имелся свой план исследований в области пространства-времени. Соболев, ещё до повышения квалификации, представил свою математическую модель, где пространство может быть достаточно скрученено для создания локального гравитационного поля. Подобная субстанция напоминает геометрический тор определённых размеров. Гравитационное поле

образует круги вокруг этого “пончика”, поэтому пространство и время крепко закручены. Смысл теории Соболева сводился к тому, что биологический объект никуда не исчезает, не проваливается, а просто вокруг него изменяется время, являющееся ничем иным, как четвёртым измерением. Именно такие условия должны создать в недалёком будущем сотрудники во главе с руководителем лаборатории Генрихом Ивановичем Доосом.

С этого и начался разговор в кабинете полковника на четвёртом этаже. Соболев объяснял куратору ОЛИБ, что научная работа не очень вяжется с заданием руководства “совмещать навыки передового учёного и опытного оперативника для работы “на земле”.

- Николай Трофимович, на двух стульях не усидишь. Ничего не надо объединять, а разбить ОЛИБ на две ветки: чисто научную, по уже утверждённому плану со своими выделенными средствами и оперативно-розыскную, с медперсоналом для обследования “пациентов” и аналитиками, как в московском филиале. Информация от “туристов”, может пригодиться при создании будущего опытного образца. Добавлю, что наших возможностей явно маловато, для таких объёмных задач и потребуется помочь научно-исследовательских центров. Вы знаете, что отдельные задания Доос передаёт в конструкторские бюро НИФИ и учёным из Объединённого института ядерных исследований. Где-то так, если вкратце.

- Ну, и что смущает, Виктор? Работы прибавится, позже привлечём новые кадры, медицину обязательно включим, упор на врачей общей практики со специализацией психологов. Тебя яшибко беспокоить не стану, если только по особым случаям, возможно сам изъявишь желание пообщаться с фигурантами. Помнишь генерал говорил про физика. Он живёт под контролем и по своему жизненному сценарию, если можно так выразиться. Тут столько нюансов и заковырок. Это нам думать и думать. Да, и обязательно проработать типовые вопросы по профилю для попаданцев, как приедет в Питер, я тебя подключу по научной составляющей. Я, знаешь ли, тоже с трудом привыкаю к особенностями общения с документами и носителями “правды будущего”.

Серебряков достал из стола пачку бумаги. Через два часа черновик плана, перечень мероприятий и вопросы были готовы. Полковник положил несколько исписанных листков в папку и убрал в сейф. Договорились продолжить работу завтра, а в конце недели

начальник отправит готовый план в Москву на утверждение. Хозяин кабинета остался разбираться с текучкой, а Соболев засобирался в лабораторию. В раздумьях, он спустился по лестнице, предъявил дежурному удостоверение и вышел на Литейный проспект. С Невы дул холодный терпкий ветерок, однако осень. Учёный повернул налево и двинулся к трамвайной остановке.

Пока тащился в переполненном вагоне до Тихорецкого проспекта, возвращался к сегодняшнему разбору и в который раз прикидывал различные концепции создания машины времени. А не повлечёт ли испытание прототипа парадоксы, на первый взгляд неразрешимые? Но в противоречие здравой логике, ставил свои расчёты, а главное - существование путешественников во времени в реалиях 1968 года. Соболев выписывал все научно-технические журналы по данной тематике. Любые доклады или монографии о гипотезах связанных с перемещениями во времени, не проходили мимо его внимания. На данный момент Соболев выделил шесть теорий, которые могли бы сработать:

1.Червоточины - проход сквозь ткань пространства-времени, предсказанный в рамках теории относительности.

2.Цилиндр Типлера - гипотетический вращающийся объект в космосе.

3.Пончиковый вакуум - собственно теория, которую сам рассматривал, как перспективную и которую кратко пытался довести сегодня до начальника.

4.Экзотическая материя - так называемые тахионы, гипотетические частицы, для которых скорость света - это состояние покоя.

5.Космические струны - одномерные топологические дефекты в ткани пространства-времени.

6.Чёрные дыры - особая материя, оказывающая невероятное влияние на время и замедляющая его.

В лаборатории, взорванный Доос, потащил его в бронированную закрытую комнату с выделенным энергопитанием, где сотрудники смонтировали и испытывали мини-установку для создания “временного” поля.

- Виктор Сергеевич, техник, шутки ради, поместил таракана на

стартовую подложку и запустил стенд. Насекомое исчезло! Слава богу, Николай успел зафиксировать параметры, разбираемся и не можем ничего понять.

4. Куда исчез таракан?

- И как такое могло произойти? Ни чего себе шутки ради! - расстроенный Соболев выпрашивал у Дооса подробности. Ну как же так, Генрих Иванович, планы расписаны, а тут такая вольность: то ли увольнять сотрудника с волчьим билетом, то ли на Нобелевскую премию представлять?

- Факт остаётся фактом, насекомое исчезло с подложки через двадцать секунд после запуска установки. Контейнер оказался пуст!

Вызвали потерявшего и встревоженного сотрудника. Николай Чистяков хоть и числился лаборантом, но в этом году закончил физический факультет Универса с красным дипломом, просто в штатном расписании не было лишней должности младшего научного сотрудника. Очень толковый и перспективный работник, Коля любил пошутить к месту и не очень. Весёлого и отзывчивого парня любили все, склонность к проделкам, во вред не шла, но тут особый случай. Если допустить, что объект под воздействием особого поля перешёл в четвёртое измерение и там продолжил существовать вне нынешней реальности, то стоит ли докладывать начальству и праздновать победу? Ведь требуется многократно подтвердить опыт, зафиксировать и описать эксперимент.

- Повторяли несколько раз, задавали одни и те же параметры, насекомые дохли, но не исчезали. Нащупать нюанс пока не можем. Материя зыбкая, не изученная...

Соболев читал журнал. Записи, случившийся феномен, ни как не объясняли. Весь день сотрудники, уже в присутствии Соболева испытывали установку в разных режимах - ничего!

- Можно допустить, что органика проглощенная насекомым особая? Или хитиновая оболочка иная. Может другие особенности, не моя епархия. Лида сегодня в отгуле, выйдет только послезавтра. И тогда будем думать.

Лида - биолог, заведовавшая всей подопытной живностью. Доос покосился на Соболева. Он знал, что Виктор после учёбы является штатным сотрудником КГБ, что помимо основной работы в ОЛИБ, частенько задерживается в Большом доме по чекистским делам

заявленным на отслеживании “миграций” попаданцев. Доос целиком отдавался науке и знал о “туристах” очень поверхностно; своих секретов хватало, другая информация его интересовала мало. С некоторых пор Доос относился к коллеге несколько подобострастно, поскольку будучи человеком штатским воспринимал людей в погонах с опаской, выработанной на генном уровне после сталинских репрессий, а, главное, мог знать о связи с лаборанткой. Эту тайну сорокалетний Генрих Иванович и тридцатилетняя кандидат биологических наук Лидия Сергеевна Колыванова тщательно скрывали от коллектива - у обоих семьи. Наука наукой, а личная жизнь занимает не последнее место.

- Хорошо, Генрих Иванович, и всё же сегодня доложу шефу. Как бы там не было, но это прорыв. Дело за малым: подтвердить и двигаться дальше.

Но Серебряков позвонил сам:

- Привет, Виктор Сергеевич, давно не виделись! Сегодня уж ладно, я тебе утром надоел, а завтра к десяти у меня в кабинете, есть новости. У тебя как дела?

- У нас тоже новости, доложу при встрече.

На следующий день Серебряков внимательно слушал доклад подчинённого, изредка задавая вопросы:

- Однако! Есть о чём сообщать в Москву. Извини, это никак не ошибка?

- Николай Трофимович, в нашем деле могут быть только чудеса. Стартовая подложка или попросту основание перед прибором накрывается пластиковым коробом или объект находится в прозрачном контейнере. Делается так, чтобы во время эксперимента, под воздействием гравитационного поля, биологический объект в случае взрыва не разлетелся по лаборатории. В данном случае Чистяков клянётся, что зафиксировал лишь небольшое свечение и прусак исчез.

- Прусак, в смысле?

- Это обычный рыжий таракан, в просторечии “прусак”, якобы усатые попали в Россию из Германии. Собственно и всё. Многократно повторяли опыт по тем же настройкам и ничего. Но теперь есть стимул: рано или поздно опыт получится снова, затем на

крысах, а со временем подойдём к испытаниям на человеке. Готов сам испробовать.

- Не торопись, дойдёт до серьёзных испытаний найдём добровольца, а ты, Витя, здесь нужен. Теперь слушай, помнишь разговор о физике-ядерщике? Москва дала добро на поездку "туриста" к нам в Ленинград. Зовут попаданца Зуев Валерий Игнатьевич, сорок восемь лет, с его слов "прибыл" из 1998 года. Работал в НИИ ядерной физики имени Скобельцына, при МГУ. Знаешь такой?

- Конечно знаю. Когда учился изучал монографию Скобельцына "Парадокс близнецов в теории относительности". Он, кажется, был первым директором.

- Так вот, нам опять на вокзал, только на этот раз встречать гостя. Подробно побеседуем здесь, на месте. Если сочтёшь возможным привлечь к своей лаборатории, попробую договориться с Москвой. Мне интересна его история, ты задавай наводящие вопросы, а главное пробей по своему профилю, тут я ничего не смыслю. Узнай как наука продвинулась в нашем вопросе к тому времени. В Москве он проживает " заново" у родителей, учится на первом курсе МГУ. Подробности узнаем от него самого. Я читал его досье в Москве, с ним беседовали не раз, взяли подпись и приставили "опекунов". Он подробно рассказал свою историю но услышать от первоисточника гораздо познавательней, согласен? Такие люди - уникальное достояние страны, их берегут как зеницу ока.

У Соболева перехватило дыхание, ещё бы: беседовать с человеком из будущего, да ещё по смежной профессии. Коллеги какое-то время обсуждали план беседы с попаданцем, затем собрались на Московский вокзал. Поезд прибывал в одиннадцать сорок с четвёртой платформы. Чекисты успели вовремя, состав как раз медленно втягивался в пространство между перронами. Из вагона чуть ли не первым выскочил мужчина крепкого телосложения и характерным изучающим взглядом. Выхватив из немногочисленной кучки встречающих Соболева и Серебрякова, мужчина решительно направился к ним и взволнованно обратился к полковнику:

- Здравствуйте, Николай Трофимович. У нас ЧП - Зуев исчез! Вместе садились в Москве, после станции Бологое вышел в туалет и пропал. Вещи на месте, в туалете и в тамбурах никаких следов. Вызвал

бригадира, прошли по всему составу - нет и всё тут!

Серебряков нахмурился:

- Тише Андрей, чего голос повышаешь? Знакомьтесь - сопровождающий, наш московский коллега Андрей Николаевич, а это наш куратор ОЛИБ, Соболев Виктор Сергеевич. Давай-ка поехали к нам и всё расскажешь в подробностях. Москва ещё не в курсе?

- Нет, с поезда давать телефонограмму не решился, лучше отчитаться с Литейного.

В кабинете связались с Москвой, сопровождающий сотрудник доложил своему непосредственному начальнику. Затем начался доскональный разбор. Андрей Николаевич не оправдывался, а чрезвычайное происшествие с охраняемым лицом пытался подогнать под особые обстоятельства:

- У меня пока две версии: несчастный случай, например, нападение хулиганов или вагонных бомбил, попытка ограбления, а затем выкинули из поезда. Надо дать поручение в линейные отделы милиции по маршруту на поиски пассажира. Это так же относится к такой версии, как побег, что маловероятно из-за возраста.

- Стоп, стоп, Андрей Николаевич, ты не забывай, что по сознанию это взрослый мужик, почти полтинник и о его прошлой жизни мы знаем только с его слов и досье, собранному из архивов. Так, что сбежать запросто мог. Запаниковал и наутёк со всех ног. У него в подкорке могут быть предубеждения к нашей службе. Решил, например, что собрались выпотрошить и ликвидировать, как опасного свидетеля. Ему же не объясняли, что для таких уникумов, подобные методы не применяются. Причины понятны: вышибешь это звено и потянутся непредсказуемые изменения будущего. Правда, типовая подпись о неразглашении предупреждает об изоляции в психиатрическом стационаре, на случай публичных выступлений и рассказов о будущем.

- Простите, Николай Трофимович, - Соболев встал, - можно рассмотреть ещё одну версию, самую неожиданную и на мой взгляд, самую правдоподобную: естественное поглощение временем. Другими словами, в силу каких-то причин, возник парадокс четвёртого измерения и наш путешественник вернулся назад в девяносто восьмой год. У нас, физиков, есть такая гипотеза защиты временной последовательности. Суть этой гипотезы в том, что сам

путешественник во времени просто не сможет создать парадокс, потому что природное течение времени не позволит ему этого в настоящем. Но допустим, он в своём будущем внезапно скончался или работая на прототипе машины времени поместил себя в такие условия, что сбил прошлые настройки и выбыл из нашей реальности. Я понимаю, звучит фантастически, но учёные вполне допускают такой гипотетический императив, вроде как “если хочешь откорректировать настоящее, измени будущее”.

- Ладно, допустим, но отработать бытовую версию обязаны. Андрей Николаевич, пиши рапорт о происшествии, а я займусь немедленно линейной службой милиции Октябрьской железной дороги. А ты, Виктор Сергеевич, просмотри багаж “туриста”, особенно записи, книги, документы.

5. “Туристы”

Изучение вещей Зуева, ровно ничего не добавили к загадке исчезновения. Студенческие конспекты, журнал “Наука и жизнь”, личные вещи и предметы туалета - стандартный набор командировочного. Договорились отрабатывать версию Соболева, как наиболее перспективную и... фантастическую. Соболев взял в руки копию из личного дела пропавшего физика, которую предоставил Серебряков. Молодой учёный с интересом перечитал рассказ Зуева о научных разработках и темах лаборатории, в которой тот работал летом 1998 года. Помимо научной тематики, в рамках собеседования с попаданцем, фиксировались особенности быта, политическая картина мира и страны, культура, промышленность, сельское хозяйство и масса составляющих из тридцатилетнего будущего.

В конце июля Соболева срочно вызвали в Большой дом. Взволнованный Серебряков с порога ошарашил старшего лейтенанта:

- Витя, в нашем полку прибыло! На читай!

На стандартном бланке рапорта сотрудника 20-го отделения милиции Выборгского района города Ленинграда, написано:

” Я, оперуполномоченный капитан Егоров Б. К., принял от дежурного заявление гр. Сноба Ю. М. По существу содержания передал данное заявление по ведомству в районный отдел КГБ, как попадающее под их юрисдикцию. Заявление прилагается”.

Далее стоял штамп входящего документа подразделения КГБ, с

резолюцией присвоить документам статус секретности и передать их в особый отдел при главном управлении КГБ по Ленинграду и Ленинградской области.

Текст заявления гласил:

” Я, Сноб Юрий Маркович, проживающий.... Довожу до вашего сведения: мой одноклассник Петрушевский Дмитрий, с которым учился два года в 10”А” классе школы N190, начиная с апреля месяца повёл себя очень странно. А именно: он стал общаться со сверстниками непривычным образом, манера разговора существенно отличалась от наших интересов и увлечений. Петрушевский приходил на занятия в состоянии алкогольного опьянения. Именно тогда появились особенности речи, пестрящие антисоветскими лозунгами и малопонятными западными терминами. А именно: “будущее за цветным цифровым телевидением”, “вы бестолочи не знаете своего будущего, где роль коммунистов никакая”, “телефонная связь - анахронизм, впереди технологии мобильных коммуникаций”, “КПСС вчерашний день”, “религия сопутствует процессу взросления”, “даже не знаете бабской анатомии, а всё туда же со своими гормонами”, “Сталин - эффективный менеджер”, “зоны не нюхали, бакланы”, “демократические ценности возобладают над тоталитарным строем” и многое другое. Мне удалось записать почти все его высказывания и реплики. В конце мая, незадолго до выпускных экзаменов, Петрушевский бросил школу. Где он сейчас не знаю. Как патриот своей страны, член ВЛКСМ, считаю такое поведение антисоветским. Прошу принять меры и готов дать полные показания по этому гражданину”.

- Что скажешь, Виктор Сергеевич? В свете документов с рассказами о ближайшем будущем - наш клиент. Навели справки, “туристу” только в декабре стукнет восемнадцать, работает на заводе “Русский дизель” учеником токаря. Заявителя вызвал повесткой, а этого Петрушевского надо срочно брать в оборот и повесить замок на длинный язык, не ровён час, натворит бед со своими знаниями. Вот установочные данные.

У Соболева разгорелись глаза, он ещё раз пробежался по строчкам доноса и передал его начальнику.

- Надо же, молодой совсем! Когда поедем в адрес?
- Завтра поедешь один, не маленький справишься. Задержишь

прямо на заводе, меньше вопросов и шума. Он малолетка, на работу приходит к восьми. Договорись с начальником цеха. Я дам команду, прокатишься на служебной машине, нечего в общественном транспорте светиться. К десяти вези его в допросную, заявитель придёт на час позже. Начинай допрос, я загляну позже и попробую понять, как строить разговор с этим Снобом, ну и фамилия у стукача.

На следующий день, Соболев в девять утра вызвал на проходную начальника токарного участка. А ещё через пятнадцать минут в конторку мастера явился удивлённый Петрушевский.

- Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич. Меня зовут Виктор Сергеевич, вот моё удостоверение.

На лице Петрушевского на миг отобразилось смятение, затем взял себя в руки и вежливо ответил:

- Здравствуйте. Чем могу вам помочь?

- Надо побеседовать по одному вопросу. Прошу вас переодеться и прокатимся к нам на пару часов. Паспорт у вас с собой? Очень хорошо. Я пройду в раздевалку с вами. Не переживайте: с мастером договорился, он закроет смену.

Ровно в десять старший лейтенант пропустил в кабинет Петрушевского. Предложил присесть, достал стопку бумаги и бланк допроса.

- Не догадываетесь по какому поводу вас пригласили?

- Хорошо хоть не задержали. Спрашивайте я открыт для вопросов.

Соболев внимательно рассматривал "туриста". Обычный юноша, спортивного сложения, серые глаза, чуть скошенный набок нос, русые волосы, подошедшие к границе приличной длины по меркам времени, на лице пара порезов от безопасной бритвы (парень уже бреется), скромный костюм и поношенные туфли. Ничего особенного, лишь взгляд не подростковый. На сотрудника КГБ смотрели усталые, проницательные глаза, человека с большим жизненным опытом. Человека, который в два с лишним раза был старше и отягощён особыми знаниями.

- Дмитрий Сергеевич, вы не помните номер своего мобильного телефона? - Соболев долго продумывал первый вопрос, который задаст этому необычному человеку. От ответа зависела дальнейшая

схема допроса.

- Отлично помню, назвать?

- Спасибо, не надо. Я так понимаю, что разговор у нас налаживается? Теперь расскажите, что изменилось в вашей жизни с апреля этого года. И то, что было до того?

Рассказ Петрушевского для Соболева напоминал увлекательное фантастическое сочинение. Он лишь изредка задавал наводящие вопросы для собранного и логичного изложения в протоколе. Заглянул полковник, сел в уголке и внимательно слушал исповедь “туриста”. В конце часа, он кивнул Соболеву и вышел. В finale своего повествования, Петрушевский глядя в глаза, спросил:

- И что теперь. Мне не надо объяснять, насколько тяжело быть вырванным из будущей жизни и начинать всё с начала. Оно, конечно, интересно, но куда деть груз сформировавшихся привычек и обязанностей 2016 года, а жена, сын, внучка, наши собаки? Я снимаю стресс по старинке: расслабляюсь алкоголем и сдерживаю себя от опасных откровений. Возможно по пьяни и пугал одноклассников, работая на заводе, может и близких. Не знаю, мне очень одиноко и тяжело.

- А что же не пришли к нам сразу? Зачем понадобилось, чтобы разыскивали вас и везли сюда? Оыта и здравого смысла вам не занимать, ведь догадывались, что рано или поздно на вас обратят внимание органы.

- Виктор Сергеевич, я знаю историю гораздо лучше вас и прошлую, и будущую. Ваша служба всегда стояла на страже государства от внешних и внутренних врагов. Я чужой, а значит потенциальный враг! Вам проще стереть меня и спрятать глубоко в архив историю с этим прецедентом. Главное - всё должно идти и развиваться в русле генеральной линии ЦК КПСС во главе с товарищем Брежневым и так далее. Поверьте, я не антисоветчик, наоборот, истинный патриот, но кому нужна моя правда там, наверху. Вам может интересно, а вашим начальникам - нет! Ещё удивляйтесь отчего не сдался сразу. У вас курить можно?

Соболев вместо ответа подвинул пепельницу. Закурил сам и передал протокол допроса.

- Распишитесь. Теперь послушайте меня. Никто вас не собирается “стирать”, как вы изволили выразиться. Не надо так плохо

думать о людях нашей профессии. Но определённые ограничения в дальнейшей жизни, сколько бы она не продолжалась в наших условиях, мы обязаны наложить. Ограничения очень простые: держать язык за зубами, своими поступками не вызывать вопросы окружающих и тесно сотрудничать с нашим особым отделом. Вы забыли, что существует советская наука, для которой вы представляете неоценимый интерес. А если допустить, что вы не единственный, что существует особая лаборатория, работающая с попаданцами. Если предположить что учёные уже занимаются проблемами связанными с изучением будущего, парадоксами времени, четвёртым измерением и разработкой машины времени?

Петрушевский удивлённо уставился на комитетчика. Закурил новую сигарету и откинулся на стуле.

- Значит не так всё мрачно? Недооценил своё прошлое, вон оно как непросто.

- Я сказал, “если допустить”. Торопится не будем, насколько я понимаю, всю свою жизнь, вплоть до аварии на подстанции, вы помните? Вот бумага, ручка присаживайтесь к столу и сжато опишите свою историю до момента, как потеряли сознание. Подробно не надо, можно коротко и по порядку, не сбивайтесь на мелочи. Я вас оставлю в кабинете, через часок загляну. В туалет не надо? Вот и хорошо, работайте.

Соболев вышел из допросной и запер дверь. Прошёл пару кабинетов по коридору и постучался к Серебрякову. Тут дело подходило к концу, Сноб расписался в бумагах и пожал протянутую руку полковника.

- Юрий Маркович, значит договорились. Помните, что у нас остаётся ваша расписка о неразглашении государственной тайны. Огромное вам спасибо за выполненный гражданский долг, дальше мы сами, а вы эту историю забудьте как можно скорее. Всего хорошего, вот ваш пропуск.

Проводив заявителя до двери, Серебряков зашагал по кабинету, удовлетворённо потирая руки.

- Садись, Виктор, рассказывай.

6. Сексот

Соболев прокрутил свои впечатления от попаданца. “Объект”,

если не знать всей подноготной, обычный подросток, ничем не отличающийся от сверстников. Куцая кепка, невыразительный пиджачок, но явно импортные модные джинсы и замшевые ботинки, подпорченные неаккуратной ноской. Запоминалась въевшаяся грязь под ногтями от работы на станке - типичный работяга, ученик токаря. Среднеистатистический гражданин, будущее страны, её рабочий класс. Но глаза, с затаённой печалью и опытом прожитых лет, глаза взрослого, попавшего в непростую фантастическую историю человека. Начальник вопросительно смотрел на подчинённого. Старший лейтенант оторвался от своих мыслей и доложил:

- Парень толковый, но как специалист для нас не представляет интереса. Жизненный путь не совсем простой. Петрушевский рассказал, что в день провала или скачка в нашу действительность, закончил излагать свою биографию. Записи вёл в ноутбуке, то есть портативной электронно-вычислительной машине будущего. Все вехи перечислил, я попросил описать более подробно. Сейчас как раз излагает на бумаге. А пока, вот протокол допроса. Трудно объективно отметить его психологические, волевые и другие качества, ведь перед нами иной человек. Что посоветуете, Николай Трофимович?

- Я вот что думаю, Витя, оформляй его под негласную работу. Прижми за длинный язык по пьянке. Теперь ты его куратор. Когда закончит писать, протокол и остальные бумаги ко мне стол. Перед Москвой так и отчитаемся: оформили подписку на "негласника". Это удобно: парень под надзором и пригодиться может в особых ситуациях.

Серебряков не уточнил, а Соболев попытался понять, что за особые ситуации. В силу небольшого опыта работы по профилю офицера КГБ, Соболев местами "плавал" в хитрых комбинациях и оперативных разработках авторитетного и опытного руководителя. Иногда жалел, что поддался на уговоры полковника и разменял карьеру физика, а точнее разделил между сотрудником спецслужбы и учёным.

- А если не согласится? Что у него в голове с такими-то знаниями?

- Никаких если, у него выбора нет! Мягко поднажми, этот паренёк тебе нужен в первую очередь. Бесценный экземпляр, будешь знать историю своей страны лучше любого историка. Ладно, чаю хочешь?

Что касается истории, Серебряков угадал и время подтвердило его правоту. Через час, Соболев отпирал дверь в комнату допросов, попросту “допросную”. Петрушевский сидел задумавшись и потягивал сигарету. Лицо парня расправилось, чувствовалось, что определённость подняла настроение и сняла часть вопросов. Соболев присел напротив и вежливо поинтересовался:

- Как ваши дела, Дмитрий? Времени хватило, успели изложить?

- Более-менее полно я изложил в мемуарах и ушло на это два года, На бумаге выжимки, основные вехи жизни, так сразу не опишешь. Лучше на словах, вы ставьте вопросы, я отвечу. И что сказало начальство?

Соболев удивлённо уставился на собеседника, выражение “ставьте вопросы” из сленга разведки. Соболев помнил из курса дисциплин по методам допроса в школе КГБ. Но как сообразил о диалоге с полковником?

- Догадались? Ну что здесь удивительного, субординацию никто не отменял. Вашу судьбу решают не я один. Давайте побеседуем, расскажите о своих родителях.

Часа полтора они разговаривали, пили чай, курили и приглядывались друг к другу. Со стороны выглядело как обычно: сотрудник ведёт допрос, но в этот раз ситуация была интересней и гораздо глубже. Соболев был старше на шесть лет, носил погоны и работал закрытом ведомстве, вызывавшем у простых людей спрятанный в генах трепет и страх. Зато Петрушевский в перестроечные годы читал массу публикаций о роли органов государственной безопасности, под аббревиатурами НКВД - НГБ - КГБ, в судьбах миллионов сограждан. Закрытая нынче информация, о которой сам Соболев почти не знал, а лишь имел допуск к ведомственным документам, давно прописалась в период гласности. Тут Петрушевский был значительно впереди старшего лейтенанта. И когда подросток как бы в шутку спросил: “вербовать будете?”, Соболев вновь растерялся.

- Будем! С вашими знаниями, Дмитрий, мы просто обязаны предложить вам сотрудничество. Но эта совместная работа будет на взаимовыгодных условиях, поскольку я могу принять участие в вашей судьбе с научной точки зрения.

- Я не против. Но как понимать ваши слова?

- Давайте договоримся: вопросы позже. Раз согласны, то вот бумага и пишите расписку о сотрудничестве. Доставайте паспорт, он нам понадобится. Пишите: "Я, Петрушевский Дмитрий Сергеевич, паспорт: номер, серия, проживающий: город Ленинград, Нейшлотский переулок, дом 1, квартира 117, добровольно обязуюсь сотрудничать с отделом "ОЛИБ" при главном управлении КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Информировать своего куратора о тех или иных событиях, связанных с работой отдела и о любых, ставших ему известных действиях, представляющих общественную опасность. Выполнять задания куратора, а в особых случаях вышестоящего начальства. В отчётах документах буду расписываться под псевдонимом "Попаданец". Я обязуюсь держать в тайне свою деятельность и предупрежден об ответственности за нарушение данных обязательств". Подпись.

Соболевский перевёл дыхание, забрал листок, ставший с этого момента одновременно дамокловым мечом и пропуском в тайные мероприятия спецслужб для его подшефного.

- Теперь, ознакомьтесь с выпиской из законодательной статьи о нарушении государственной тайны и распишитесь ещё раз своей подписью. Псевдонимом будете пользоваться только при получении заданий.

Петрушевский смотрел куратору в глаза и лукаво щурился.

- Дмитрий, я сказал что-то смешное?

- Да нет, Виктор Сергеевич. Просто я столько читал о подобных вербовочных комбинациях, вы не поверите, почти всё стало явным и прозрачным на телевидении, в книгах, кино и сериалах. Наши будущие граждане юридически подкованы, другой вопрос: нужно ли им это.

- И тем не менее персонально для вас сообщаю, что в случае нарушения взятых обязательств, вы загремите не в тюрьму, а в психушку и надолго, тамошние специалисты позаботятся о вашей памяти.

Петрушевский стал серьёзным и нервно ответил:

- Мне в той жизни довелось получить срок и отсидеть в колонии. Менять свою жизнь коренным образом мне нельзя, так что придётся вернуться к "хозяину" заново. А вы ещё психушкой грозите. Что вы об этом думаете?

Старший лейтенант на миг задумался:

- И это обсудим. Когда были осуждены и по какой статье?

Петрушевский рассказал и потупился. Не хотелось распространяться о своём не самом лучшем периоде жизни. Соболев встал:

- Подождите немного, я быстро.

В кабинете Серебрякова передал исписанные Петрушевским листы и расписку. Рассказал о щекотливой ситуации с будущим сроком.

- И что тебя смущает, по зонам столько распихано проштрафившихся “источников” и ничего, работают на оперчасть, сокращают себе срок, в нашем случае будем разбираться. Когда это случится?

- В семьдесят восьмом.

- Ну, когда ещё будет! Через десять лет я уже на пенсию уйду, если доживу. Ты в своей лаборатории построишь машину времени и отправишь парня в его будущее. Шучу, посмотрим, как оно всё сложится. К ОЛИБУ будешь подтягивать?

- А надо? Дело у нас серьёзное, он не физик, зачем?

- Обследовать своего “попаданца”, мозг или чего там у вас медицина проверяет? Я в дела лаборатории не лезу, общий надзор и доклады в Москву. Тебе на месте видней, Витя.

- Нашим, в лаборатории, до поры не нужно его знать. Лучше “в поле”, пусть вертится, да и нагрузки особой-то нет. Что ему делать, искать попаданцев, да быть на виду у нас, пополнять информацию по будущему страны. Не шпионов же выявлять?

Серебряков понимающе улыбнулся.

- Ну, давай, дерзай. Больше не задерживаю.

Соболев вышел и прошёл по коридору в допросную к откровенно скучавшему Петрушевскому.

- Дмитрий, я вас отпускаю. Всё по идёт прежнему, ничего в вашей повседневной жизни не изменилось. Но! Болтать о будущем и вести антисоветскую пропаганду запрещено! Вот мой рабочий и

домашний телефон. Звоните в особых случаях. Если залетите в милицию, требуйте дежурного опера и пусть свяжется со мной. Надеюсь, у вас казусов не будет. По работе: если наткнётесь на странных граждан, на ваш взгляд, звоните. Я подчёркиваю - на ваш взгляд. По отдельным нелепостям и не состыковкам в людских поступках, вы можете оказаться полезней чем наши сотрудники. Всякое может быть. И ещё, о вашем отбывании наказания - чему быть, тому не миновать, но десять лет у нас ещё в запасе имеется. Держите пропуск.

Соболев дружески улынулся и крепко пожал руку новому информатору с особым статусом.

6. Происшествие

В лабораторию заглянула хорошенъкая секретарша Дооса:

- Виктор Сергеевич, вас по городскому спрашивают.
- Спасибо, Марина, сейчас подойду.

Не хотелось отрываться от очередного важного опыта. На подложке копошился подопытный таракан. Соболев нажал кнопку активации, бросил на ходу: "Коля, проследи за процессом" и вышел из лаборатории. С тех пор, как Доос добился в штатном расписании ОЛИБ должности секретаря, предбанник в кабинет заведующего преобразился: стол с телефонами, печатная машинка, уютная настольная лампа, буфет с чайной посудой, конфетами и печеньем, да неуловимый запах хороших духов милой и привлекательной Мариночки.

- Алло! Здравствуйте, Дмитрий. Хорошо, давайте встретимся, на выходе главного входа Финляндского вокзала. А там пешочком до Литейного. Через час подъеду, договорились.

В лаборатории Соболева ждал сюрприз. Коля Чистяков с порога огорошил:

- Виктор Сергеевич, наш таракан исчез, видать соскучился по братишке, что летом отправился путешествовать.
- Ага, я же говорил, что получится! Готовьте повтор, Николай, вот последние параметры. - Соболев подвинул журнал. - Я на Литейный, звоните ежели что. Доложите Генриху Ивановичу, я вернусь к вечеру, а может завтра с утра.

На встречу с агентом едва поспел: транспорт ходил с задержками, сказывалась оттепель после ноябрьских праздников, превратившая проспекты и улицы в грязное месиво. Пока тащился в трамвае, вспоминал и прокручивал несколько встреч после памятного знакомства летом шестьдесят восьмого. Чем больше Соболев общался с Петрушевским, тем больше ему нравился этот человек с обманчивой внешностью подростка и усталым взглядом. Собеседник подкупал эрудицией, объёмными знаниями, как о прошлом, так и будущем, что, собственно, и являлось предметом собеседований. В июле Петрушевский вместе с сопровождающим ездил в Москву. Старшему лейтенанту госбезопасности не надо было гадать, чем там занимался его подопечный.

По возвращению, Петрушевский в нарушении инструкции, подробно рассказал старшему лейтенанту о темах поднятых на беседах и представленной московским спецам собственной аналитике. Отношения куратора и информатора незаметно перетекали из служебных в дружеские. Соболеву постоянно приходилось бороться с иллюзией, что перед ним не мальчишка с причудами и вольностями семнадцатилетнему подростку, а человек старше его почти в три раза, при этом, возникло чувство неловкости от собственных пробелов знаний и уязвимости из-за скучности жизненного опыта.

Наконец, трамвай вывернулся на Боткинскую и остановился напротив старой части Финляндского вокзала. Петрушевский маячил у главного фасада под огромными зеркальными окнами, над которыми парила башня с часами и шпилем. Одноимённый памятник на площади Ленина указывал на конечный пункт Соболева и его спутника - здание Большого дома через Неву. Поздоровались и неспешно тронулись к переходу на улице Комсомола.

- О чём задумались, Дмитрий?

- Ни за что не догадаетесь, Виктор Сергеевич. Во времена поздней перестройки, в прессе муссировались слухи, что между Крестами и внутренней тюрьмой Большого дома - "Шпалеркой", проложен туннель под Невой. Кстати, административное здание, предназначенное для ОГПУ-НКВД, построено по инициативе Кирова, а одним из авторов проекта являлся товарищ с говорящей фамилией Троцкий.

- Надо же, а я и не знал. И зачем такие сложности с туннелем?

- Так ведь слухи, не более. Скорей всего, чтобы конвоировать осуждённых на допросы, мало ли у Конторы особых задач. По делу: в Москве обнаружился очень интересный человечек, на мой взгляд его в самый раз проверить на тест “попаданца”.

Они подошли к переходу через улицу и продолжили разговор.

- А по каким таким особым признакам определил? Что насторожило?

- Есть у меня вопросы к его музыкальному творчеству и ...

Договорить Петрушевский не успел: на них с рёвом летел, неизвестно откуда взявшийся, грузовик. В последний момент выручила хорошая реакция боксёра, Петрушевский схватил куратора и вместе с ним отскочил назад от механической громадины. Машина не сбавляя скорости вильнула в сторону и влетела в стену, прихватив по разрушительной траектории пару пешеходов. Заголосили бабы, народ не сразу пришёл в себя после столь непонятного чудовищного происшествия. Соболев вскочил на ноги, подхватил с асфальта портфель и потянул за собой информатора.

- Дима, уходим, уходим срочно! Нечего тут смотреть, потом всё узнаем.

Они рванули с места ДТП пересекли улицу и бегом к набережной. Остановились лишь у Литейного моста, отдохнули и уже шагом двинулись через мост.

- Б...дь, Вы что-нибудь поняли, Виктор Сергеевич?

- Не очень, шальной водитель, может потерял управление или тормоза отказали, так бывает. Придём на место, свяжусь дежурным по городу, узнаю, что за псих за рулём. Уж не по наши души, я надеюсь? Дим, а ведь ты мне жизнь спас!

Петрушевский замер и удивлённо взглянул на куратора:

- Получается так, но ведь и свою жизнь тоже. Ты сам-то как, Сергеич? - не сговариваясь они перешли на ты. - Я не сильно помял, извини, так вышло. Ты кстати весь перепачкан в грязи, я всё-таки нанёс ущерб внешнему облику.

- Он ёщё извиняется, доложу сегодня шефу, был бы ты в штате, выписали премию. Но с меня и так проставка, не забуду! Спасибо!

Он крепко пожал руку благодетелю. В кабинете Соболев стал

расспрашивать по существу встречи, чуть не закончившейся трагично. Петрушевский собрался и начал:

- Дело вот какое. Услышал я по трансляции песню “Журавли”, диктор объявил: “музыка и слова Егора Мальцева, исполняет Марк Бернес”. Я ушам своим не поверил, дело в том, что автором музыки всегда был композитор Ян Френкель, а текст Расула Гамзатова. Поёт эту прекрасную песню действительно Марк Бернес. Не поленился сходил в магазин грамзаписи и заказал все диски авторства этого Егора Мальцева. Дальше больше: “Крыша дома твоего” - тоже Мальцев, а её между прочим сочинил Юрий Антонов где-то в восьмидесятых, композиция “Нежность” - опять Мальцев, а на самом деле Пахмутова и Добронравов. Там ещё куча плагиата, причём якобы сочинённые в начале шестидесятых, но ряд песен появились на свет в будущем. Пусть музыковеды сделают экспертизу, а главное проверят регистрацию в ВУОАПе. Чувствуешь куда я клоню. И это не всё, самозванец отметился не только как талантливый и плодовитый композитор, но и член сборной по футболу, нападающий. Уникум, блин! Я всё понимаю, но нафига так беззастенчиво тырить вещи, это я заявляю как музыкант.

- Мальцева знаю, очень хороший футболист. Но ещё и композитор? Я не в курсе, а ВУОАП, это что?

- Всесоюзное управление по охране авторских прав. Находится в Москве. Я вот думаю, раз звучит в эфире и записывается, то там у него всё схвачено. И мне ничего не доказать? Я об этом не подумал. Его надо прижать, точно попаданец, расколоть не сложно, пусть побеседуют. А как быть с песнями, скандал чудовищный! Пусть ищут компромисс, но нельзя же так

- Дима, ты чего тут раскомандовался? Я тебе не мешаю? Позволь самому решать, что делать! Бери бумагу и излагай всё подробно, начальство решит как поступить. Сам-то не грешишь plagiatом, коли позиционируешь себя музыкантом, в твоём положении возможностей хоть отбавляй? - Соболев улыбнулся. - Тебя и ругать неловко, спаситель как никак!

- Я грешу в меру, на любительском уровне, авторские права не регистрирую, на радио не лезу. Своё это держу в узде, тщеславными помыслами не страдаю. Кроме того в активе группы имеются собственные песни, их мало, но планирую представить тексты и мелодию. А то, что делает Мальцев - свинство! Не удивлюсь, если он

зарубежные хиты приватизировал, - глядя на удивлённую мину собеседника, добавил, - другими словами, прикарманил пользующиеся большой популярностью песни.

- Ладно, с этим разберёмся. И вот ещё что: наши встречи будем проводить вне здания “конторы”, нечего тебе здесь маячить. Это требует начальство, да ведомственные инструкции. Я тебя свожу на конспиративную квартиру или пересечёмся где-то на нейтральной территории по телефонной договорённости. Ты меня понимаешь? Вот и ладно. Держи пропуск.

Соболев проводил агента до двери, задумался и стал писать свои предложения по новой информации о московском бесконечно талантливом спортсмене и музыканте Егоре Мальцеве. Из головы не выходил сегодняшнее происшествие, а если бы Димка промедлил. Распластало бы как лягушку на дороге, мама бы не перенесла.

8. Посиделки

За неделю до своего дня рождения, Соболев пригласил Петрушевского в гости. До этого “Попаданец” у куратора дома не был. После памятной, чуть не закончившейся трагедией истории, старший лейтенант сблизился с Дмитрием, называть их отношения дружбой пока не давал маленький срок знакомства и особые отношения по негласной работе. Но то, что оба испытывали взаимную привязь оспаривать никто не собирался. За месяц до своего дня рождения, Соболев поздравлял Диму с возрастной вехой - совершеннолетием. Они славно посидели на Нейшлотском, Соболев познакомился с родственниками Петрушевского, было весело, легко и задушевно. Пришло время ответного визита, в субботу планировался сбор в двухкомнатной квартире на Кондратьевском проспекте.

Петрушевский вышел из трамвая, сразу нашёл нужный дом. Это был образец сталинского неоклассицизма, заложенный ещё до войны и сохранившийся во время блокады. Возникла аналогия со своей сталинской пятиэтажкой на Нейшлотском, но уже послевоенной постройки. Дверь открыла миловидная женщина по возрасту напоминающая скорей старшую сестру, чем маму именинника.

- Здравствуйте, Димочка! Ничего, что так к вам обращаюсь? После той страшной истории, я иначе вас не называю, всё просила сына познакомить со своим спасителем. Меня зовут Нина

Георгиевна, проходите, пожалуйста, вот тапочки.

Петрушевский, поставил свёрток с подарком, конфеты и шампанское, скинул пальто и зимнюю шапку, переодел обувь. В этот момент из ванной вышел Соболев в белой рубашке с галстуком, гладко причёсанный, благоухающий одеколоном “Шипр”. Поздоровались. За стол сели втроём, оказалось, что больше никого не приглашали. Словно прочитав немой вопрос Петрушевского, Виктор отчитался:

- В узком кругу спокойней и приятней. На работе поздравили, а дальних родственников, которых сам толком не знаю, не приглашал. Мама давай тост.

Чокнулись: мужчины пили водку, Нина Георгиевна потягивала кагор, а невостребованное шампанское сиротливо маячило на середине стола. Разговор завязался не сразу, медленно раскручиваясь на заходах алкоголя под хорошую закуску. Нина Георгиевна мягко интересовалась работой Петрушевского, его увлечениями, родителями, а про себя удивлялась, что может связывать её состоявшегося сына и подростка, которому недавно исполнилось восемнадцать. С другой стороны, это повод как-то отблагодарить юношу за геройский поступок.

- У вас, Дмитрий, всё впереди. А я вот преподаю историю и политэкономию. Пенсия не за горами, но пока всё хорошо. Правда, Витенька?

- Конечно, мама. Мы пойдём с Димой покурим, ладно?

На лестничной площадке примостились на подоконнике, пустая банка из-под консервов служила пепельницей для сознательных курильщиков из соседних квартир. После выпитого обоим стало хорошо и тянуло на разговоры.

- А ты знаешь, что с 2013 года в Российской Федерации, начал действовать закон, запрещающий курение в общественных местах. Производителей сигарет обязали печатать на пачках предупредительные надписи. Кроме того вступил в силу запрет на любую рекламу табака. Минздрав озабочился здоровьем россиян, но бизнес цепко держится за свои прибыли: табачное лобби в органах власти, взятки и всяческие ухищрения, сводят на нет благие намерения. Ещё раньше, в августе 1990 года, закрыли почти все табачные фабрики на профилактику и грянули табачные бунты.

Разъярённые толпы перекрыли Невский проспект, а в Москве начали переворачивать и жечь киоски.

- Ну ты наговорил! И что штрафовали за нарушения?

- Точно не помню, кажется пятьсот рублей, по теперешним деньгам около полутора рублей. Но что-то не помню громких случаев со штрафами. Как дымили, так осталось. Кто захотел, тот бросил. Мы с женой, например, завязали в десятом году и ни разу не пожалели.

- Постой, постой! С твоих слов получается, что цены выросли в триста раз?! Это что же, хлеб в будущем стоит больше сорока рублей за буханку?

- Примерно так, я не экономист, обычно отслеживается изменение цен и покупательная способность граждан. Вот цифры по памяти: сейчас на условную среднюю зарплату в СССР можно купить одиннадцать тысяч коробков спичек, - Петрушевский задумчиво пожевал губами, в уме прикидывая цифры, - а в нашем с тобой будущем - три тысячи, то есть среднюю зарплату по России, на моё возвращение из шестнадцатого года. А это снижение покупательского уровня почти в четыре раза.

- Однако, выходит, сейчас совсем неплохо жить? На государственной службе я спичек могу приобрести куда как больше. - рассмеялся Соболев и шутливо толкнул в плечо Дмитрия. - Но предпочту потратить их по другому. Вот, коплю на машину, мамин "Москвич" без ремонта не ездит...

- Чего-чего, а в будущем легковушек хоть залейся: отечественные и иномарки, пикапы, грузовики, внедорожники, но цены кусачие, доживёшь узнаешь.

Покурили. Вернулись в квартиру именинника. За чаем разговор о будущем и настоящем продолжился. Нина Георгиевна слушала болтовню в полууха, больше любясь сыном, добившимся к 25-летнему юбилею учёной степени, интересной работы и особых привилегий от службы в Конторе. Но в какой-то момент напряглась, когда в запальчивости гость заговорил о вещах малопонятных и в чём-то крамольных:

- Я тебе отвечаю, система к началу девяностых себя изживёт, безумная гонка вооружений убьёт экономику страны, Горбачёв подведёт страну к развалу, а пьяница Борька поставит крест на СССР!

Увидев негодуший взгляд куратора, замолчал, но было поздно, Нина Георгиевна уставилась на говоруна Петрушевского:

- Простите, что вмешиваюсь, Дима, но вы рассуждаете как диссидент. Что значит система изжила себя? Имя Горбачёва знаю, нынче второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС, встречалась на курсах повышения квалификации в Высшей партийной школе и причём тут он? Поделитесь, пожалуйста, а “пьяница Борька”, что за персонаж?

- Видите ли, Нина Георгиевна, это плод моих фантазий, не обращайте внимания, я много читаю политической и исторической литературы. Свои прогнозы не афиширую, если вот только в узком кругу среди друзей... В смысле, здесь на кухне. Я могу лишь предполагать, как будет развиваться политическая история нашей страны. Кто может стать Генеральным секретарём, как будет формироваться внешняя политика СССР, экономическая картина будущего, культурные и технические перспективы. Где-то так, не обращайте внимания. Ой, уже поздно, я пожалуй пойду. Спасибо вам за вечер, только руки сполосну, куда мне пройти?

Нина Георгиевна собралась ещё что-то спросить, но остановилась и растерянно произнесла:

- Конечно, Дима. Ванная по коридору направо.

Когда Петрушевский вышел, она вперилась в сына:

- Это что за разговоры?! Кого ты привёл?

- Мам, только между нами: Дима у нас в штате, консультант с неповторимыми способностями, таких единицы. Что сболтнул лишнее, забудь, а я ему выволочку ещё устрою.

- Да, что ты, Витя! Не надо ругать, такой молодой, я же не знала. И что бы там не говорил, он спас тебе жизнь, за это на многое можно закрыть глаза. Извини, сынок.

На улице, Соболев накинулся на приятеля:

- Ты, что охренел, Дима? Мать преподает историю и политэкономию в Таврическом, ну ты слышал, в Высшей Партийной школе, а до этого работала в секретариате Смольного. Она коммунист, член комитета партийного контроля вуза. А ты ей такое вывалил.

- Каюсь, Витя, прости дурака. Не даёт покоя будущее, ты просто сам не знаешь, какие катаклизмы испытает страна. Я многое изложил в Москве, очень надеюсь, что вся моя информация уйдёт наверх в ЦК и там примут меры. Но хочется чем-то помочь и увидеть реальные результаты.

- А как ты себе это представляешь, Дим? Как по твоему в Политбюро должны реагировать? Организовать партийные чистки, сажать пачками взяточников и вредителей, издавать революционные указы, менять Конституцию СССР и с разбегу установить демократический режим? Сам понимаешь, что это бред. Если что-то и происходит, мы об этом никогда не узнаем. Там не дураки сидят, разберутся. Подразделение лишь сигнализирует и занимается прямыми обязанностями, а политика не наша епархия. Ты оказываешь неоценимую помощь, за что огромное спасибо, но не надо трепать языком где попало, ведь это часть нашего договора.

Петрушевский шагал понурившийся, прикрываясь воротником от хлопьев снега летящих в лицо. Было заметно, как не по душе ему подобные нравоучительные беседы. Но, несмотря на алкогольную эйфорию, пререкаться не стал, лишь угрюмо заметил:

- Я трепался не где попало, а в гостях у своего друга и его мамы.

10. Стоять, милиция!

Погода во второй половине апреля выдалась тёплой и пригожей, словно конец мая и на пороге лето. Но радостного настроения в ОЛИБе не ощущалось. Сотрудники прислушивались к громким голосам из кабинета заведующего лаборатории. Соболев яростно объяснял Доосу:

- Генрих Иванович, нам нужна капсула, а не предметный столик из детской лаборатории. Параметры отстроены, но даже мышь не можем запустить из-за отсутствия хотя камеры большего размера. А заявку на дополнительные мощности энергетикам подавал до нового года.

- Виктор Сергеевич, ну чего ты расшумелся. Я что, не понимаю. Ты бы знал какая тут чехарда с этими документами, я директору несу план работы, заявки, он согласовывает с десятками инстанций, потом письма в Москву, министерства выставляют свои резоны, мол закрытые расходы, пусть Академия наук решает, но согласовав с Лубянской площадью и так далее.

- Ай, каждый раз одно и тоже. Скорей бы реконструкция.

Раздосадованный, учёный полез в карман за сигаретами. Тут заглянула секретарша.

- Виктора Сергеевича по городскому.

Соболев вопросительно посмотрел на заведующего потом на телефон:

- Сюда можно?

Доос кивнул.

- Мариночка, переведите звонок.

Соболев снял трубку, выражение лица, до того бывшее раздражённым, окончательно сменилось на гневную маску, он возмущённо воскликнул:

- Так, да подтверждаю. Когда это произошло? Адрес дежурки назовите, я приеду минут через сорок. - положил трубку и после небольшой паузы бросил Доосу, - Надо отъехать. Я всё сказал, Генрих Иванович, вам решать.

В трамвае ехал хмурый, обдумывая слова дежурного 20-го отделения милиции о задержании Петрушевского Дмитрия Сергеевича за драку и оскорбление дружинника. А произошло вот что. Дима сегодня сдал зачёты. Уже из дома, просьбе бабушки, двинулся в магазин за хлебом. Он ходил в булочную на Лесном проспекте специально, поскольку только там выпекали прекрасные питерские пышки за пять копеек, к которым, по устоявшейся традиции, всегда прикупал стакан кофе с молоком.

Путь лежал через садик имени Карла Маркса, хорошим шагом около десяти минут. Тут, как назло, припёрло по малой нужде. Петрушевский заскочил за летнюю эстраду, где несознательные жители, особенно под бутылочку портвейна отправляли естественные надобности. После процедуры, развернулся идти по маршруту и наткнулся на трёх неприятных гопницкой закваски мужчин лет тридцати. Выступил с фиксами и небритой щетиной.

- Здорово, пацанчик! За поссать шраф - трёшечка, нас трое, округляем и выходит чирик с тебя фраерок. Подь сюды, мы ребята мирные.

Дмитрий напрягся, чем это кончится он уже представлял. Гопота

его просто так не отпустит, а уединённое место располагало к решению финансовых проблем, методом гоп-стопа, без свидетелей.

- У меня другое предложение, братки лихие, разворачиваетесь и уходите, а чирик Бог подаст.

Братки обрадовались: парень сам нарывается, теперь можно кулаки почесать, да разжиться часами и бумажником, вместо запланированной десятки. Двое шагнули на Петрушевского, а говорун стал обходить сзади. Разговоры говорить бесполезно, остаётся решить проблему самым распространённым у людей способом - силой. Став в стойку он ждал первого нападавшего. Успел прямым в лицо вывести одного из строя. Сломанный нос это не только больно, но и не удобно оттого, что кровь льётся и отвлекает внимание. Сзади всё-таки успел достать фиксатый зачинщик. Удар по почкам его не потряс, а разозлил. Петрушевский двинулся в припляс меняя стойку и уворачиваясь от кулаков. Это не ринг, правил тут нет, потому хлёсткие "ножницы" из арсенала карата, завалили ещё одного халявщика на чужое. Не подымаясь с земли жахнул под коленку фиксатора, вскочил и начал хладнокровно месить всех по очереди.

Петрушевский знал карата по памяти из прошлой жизни. Уже в армии он ставил удар подпольному каратисту, а тот в свою очередь учил бывшего боксёра технике кумите. В жизни японское боевое искусство в купе с мастерством бокса выручит ещё не раз. Тут раздались заливистые трели свистка. К месту побоища прибежали три запыхавшихся крепких мужичка с красными повязками дружинников и стали крутить руки, лежавшим на земле хулиганам.

- Вы тут разбираетесь, ребятки, а я пошёл.

- Стой! - рявкнул блюститель порядка и для весомости команды снова задул в милицейский свисток, - Стоять, все пойдут в отделение, там разберёмся.

- А ты попробуй останови меня! - пересвист резал уши и нервировал Дмитрия.

Он направился в сторону аллеи, но свистун кинулся к нему и повис на руке, при этом ни на миг не переставая оглашать парк своими трелями. Петрушевский взбесился и рявкнул:

- Ты перестанешь портить мне слух, легавый? Свисни в х.., там тоже дырка!

Фиксатый, на котором висел дружинник, заржал и зыркнул на Петрушевского. Минуту назад готовый избить и отнять наличность у парня, бывший зек проникся к умению постоять за себя и колючему на язык потерпевшему.

- А пацанчик с понятиями, чалился, братишка?

Ответить Петрушевский не успел подоспели два постовых и ещё один общественник. Разношёрстная компания, подгоняемая милиционерами, тронулась в сторону улицы Смолячкова, где находилось 20-е отделение милиции Выборгского района. Дежурный гостеприимно отомкнул клетку “лягушатника”. За грязными и окровавленными грабителями лязгнул замок. Петрушевский подозвал постового.

- Кликни дежурного, надо что-то сказать.

Подошёл недовольный дежурный и устало спросил:

- Ну, чего там у тебя?

- Капитан, отведи к оперу.

- Все на выезде, потерпи. Когда вернутся, тебя допросят.

- Зови следока или ответственного, так надо.

Дежурный понимающе кивнул и вернулся к себе. Тем временем главный в гоп-компании, видевший эту сцену, разочарованно бросил:

- Так ты сам мусор, знал бы не связывался, уж больно резвый баклан.

- А ты в чужом базаре уши не грей, да метлу подвяжи. Чего кисляк смандячил, твоё слово пустое, наобум брошенное.

Три пары глаз уставились на Петрушевского: однако, “пассажир” не простой, за словом в карман не лезет, феней пользуется, не по возрасту подкован. И только сам Петрушевский мог бы рассказать как его, “принял хозяин”, как топтал две зоны. Но это будет через девять лет. Нахвататься верхушек в неволе просто: дурное прилипает быстро, а вот встроиться в механизм тамошнего бытия, куда как сложнее. И Петрушевский ясно дал понять окружающим зековскую истину: не спеши с выводами, правильный человек - загадка для окружающих и не всегда таков, каким с виду кажется. Скоро задержанного вызвали в кабинет, а ещё через час за Петрушевским приехал Соболев. На улице закурили.

- А без приключений никак нельзя, Дима? Ведь пострадавший может заявление написать, а тебя за телесные повреждения привлечь.

- Не напишут, иначе сами примут статью за грабёж, а я охотно поделюсь свидетельскими показаниями.

- Ты сейчас куда?

- Да вот, шёл в булочную, там славные пышки пекут, не хочешь перекусить?

- Ещё как хочу!

Куратор и источник зашли в булочную, где в углу разместилось несколько высоких круглых столиков. За прилавком, на всеобщее обозрение, из автомата с кипящим маслом, лопатка опрокидывала на лоток один за другим золотистые кругляши, а буфетчица ловко подхватывала их вилкой, укладывала в ряд и посыпала сахарной пудрой. Ели молча, наслаждаясь нежной мякотью с похрустывающей корочкой. Соболев тихо начал разговор, который давно собирался завести, но всё откладывал.

- Я тебе вскользь говорил, что причастен к программе лаборатории исследований будущего, а если проще, то коллектив, в котором я работаю, занимается созданием экспериментальной установки по перемещению в пространстве.

- Машиной времени, что-ли?

- Да не ори ты! Да, это государственная программа, естественно закрытая. Я там ведущий сотрудник, а КГБ курирует и направляет эксперименты. Москва занимается проблемами попаданцев и загадочными исчезновениями. Смежное подразделение аккумулирует материал, анализирует и отправляет наверх, информация берётся в расчёт при определении политических и экономических программ на ближайшее будущее. Но над самим проектом трудимся только мы, здесь в Ленинграде. Я рассказываю об этом потому, что собираюсь подтянуть тебя к нашим разработкам и будущим испытаниям. Сейчас уже есть результаты по перемещению живых объектов, но конечная цель, как ты догадываешься - испытания с участием человека.

- И этот человек я? Правильно понял тебя, Витя? Что-то вроде сталкера по временным вояжам.

- Именно! Нам нужен испытатель, причём такой особенный как ты, уже прошедший скачок во времени, обладающий знаниями из

будущего, большим жизненным опытом, способностью адаптироваться к новым условиям. Я знаю что, года через два-три нам придётся набирать добровольцев. Но к первым испытаниям, я собираюсь предложить твою кандидатуру. Надеюсь никто не станет возражать, если не возникнет ограничений по медицинской части. Сталкер, это что ли определение путешественника?

- Пожалуй, скорей исследователь заброшенных мест. В будущем даже фильм такой снимут, а ещё позже создадут компьютерную программу для астрологических вычислений. Значит, такие опыты не за горами? Я-то думал, что ты просто сотрудник, шпионов ловишь и диссидентов, ну и к попаданцам имеешь отношение постольку поскольку, но вот учёный-чекист, на мой взгляд, нонсенс. А так я согласен рискнуть во благо отечества.

Соболев задумался, допил кофе, вытер губы бумажным квадратиком и неожиданно спросил:

- Слушай, а вашем будущем пышки такие же вкусные или про них забыли?

- Остались, как символ эпохи. Самая приличная пышечная сохранилась на Желябова, в девяностых улице вернули историческое название Большая Конюшенная, я там был последний раз летом пятнадцатого. Цена за пышку двенадцать рублей, а кофе со сгущёнкой - четвертной. Тут ведь главное - качество, это сейчас тесто для пышки из муки высшего сорта, яйца, масло, а в будущем сплошные подмены: яичный порошок, маргарин, консерванты, мука первосортная. Давай не будем о грустном. Так когда представишь коллективу?

Соболев посмотрел на разбитые костяшки пальцев Петрушевского, улыбнулся и заметил:

- Пока рановато, ведёшь себя плохо. Кстати, дежурный сослался на показания дружинников о необычном способе рукопашного боя. Что это было?

- Карата, смотрел фильм “Гений дзюдо”? Что-то подобное там японцы демонстрируют, а меня в армии поднатаскал один самоучка.

10. Реконструкция

Осенью 1969 года Соболева вызвали в Большой дом. Каждый раз, проходя по коридорам и здороваясь с редкими знакомыми,

старший лейтенант гадал чем озадачит на этот раз начальник подразделения. Николай Трофимович Серебряков, как всегда гладко выбритый и благоухающий импортным парфюмом, пригласил к столу, подвинул подчинённому папку.

- Читай, Виктор, это протоколы бесед с тем самым спортсменом и композитором, которого обозначил твой источник. Презабавный вундеркинд, ведёт себя вызывающе, грозится связями в Политбюро. Сперва всё отрицал, но московские коллеги вывели из “забытья” и понудили к правде. Читай, читай.

Пока Соболев знакомился с показаниями знаменитого нападающего и не менее талантливого композитора-песенника, Полковник заварил чай, достал вазочку с конфетами и печеньем. Прихлёбывая настоящий индийский чай, молодой сотрудник поражался плодовитости Егора Мальцева - молодой человек не в меру тщеславен, честолюбив, необычайно энергичен и плодотворен. Комсомолец, лидер московского “Динамо”, композитор, поэт, прекрасный семьянин, идеальный образец для подражания. Моральный кодекс строителя коммунизма словно с него списан. Ещё в декабре прошлого года Соболев передал рапорт и донесение Петрушевскому полковнику. Серебряков тогда только хмыкнул, затем отправил документы в Москву - пусть сами разбираются со своими попаданцами. Огромный механизм всевластного КГБ провернулся и спустя почти десять месяцев спецкурьер привёз из канцелярии Лубянки эту папку. Со слов Мальцева, он посыпал подмётные письма членам ЦК, имел выход на Шелепина, общался с Сусловым, ранее с Хрущёвым, а нынче с рядом партийных функционеров, тесно контактирует с деятелями культуры вплоть до Фурцевой. Водит знакомства в среде известных артистов и композиторов, таких как Кобзон, Магомаев, Блантер, недавно скончавшийся певец Марк Бернес и другими. Соболев отложил папку.

- Однако, парень не промах, не в пример моему тихоне. Получается, что Мальцев вроде иностранного агента со своей идеологией будущей России, огромными знаниями и непомерными амбициями. Если верить показаниям, то крутится в нашей среде уже шесть лет!

Соболев задумался, ведь не ровен час московский гость разнесёт на высоком уровне опасную информацию, а это пострашнее plagiarisma. Словно прочитав его мысли, Серебряков вслух продолжил цепочку

рассуждений:

- Подмётные письма и знакомства в высоких эшелонах власти чреваты последствиями. Нельзя допустить, чтобы “туристы” пробовали влиять на историю страны. Это хорошо, что о нашей программе знают на самом верху и правильно среагируют на взрывоопасную информацию. Звонил общий знакомый, - полковник выразительно посмотрел наверх и приложил палец к условному погону на плече, - хотел вызвать в Москву, но у нас аврал: реконструкция лаборатории. Начальство согласилось со мной, генерал обещал прислать куратора у которого много вопросов к нам. Но я эти вопросы легко просчитал, зря что ли считаюсь одним из лучших аналитиков.

Серебряков плеснул себе чай и самодовольно покосился на старшего лейтенанта. Тот смотрел в окно. Сквозь массивные старые рамы тридцатых годов, проникали звуки большого города: лязг трамваев, шуршание шин и гудки автомобилей. Ленинград жил своей жизнью.

- Так вот, Москва будет интересоваться результатами работы ОЛИБ. Скорей всего, Мальцева попробуют прижать за язык, но он уже натворил слишком много, стал публичной фигурой, его знают болельщики и любители эстрады... И стоит задача отправить его в своё время, там пусть треплется сколько угодно. Но, как я понимаю, - Серебряков выразительно посмотрел на подчинённого, - наша наука пока не готова к экспериментам над человеком. Оттого к Мальцеву предпримут стандартные методы нейтрализации. У этого “героя” слишком высокий потенциал, а следовательно уровень опасности для государства.

Соболев оторвался от чая и настороженно бросил взгляд на начальника. Услышанное прозвучало как-то уж очень жёстко, полковник ему доверяет, вот и делится вещами, естественными в среде спецслужб, но режущими слух в повседневных отношениях. Морально-этические принципы зиждятся не на милосердии, а целесообразности. В принципе, он согласен с начальством. Досье поведало о многом, неужели талантливый высокочка Егор Мальцев, не допускал последствия своей откровенности. Соболев вздохнул:

- Я с вами согласен, Николай Трофимович, мы действительно не можем запустить установку сейчас. К декабрю планируется полностью закончить монтаж приборов. Сейчас всё зависит от

строителей, монтажников и наладчиков. Пока все сотрудники в отпуске, кроме Дооса и меня. В следующем году по программе исследований, можем подойти к опытам с человеком. По нашим прикидкам потенциал "машины времени" подведём для испытаний с добровольцами. Но в первую очередь хочу "забросить" своего Петрушевского. Я вам уже докладывал.

- Да, помню. Ну что ж, на том и порешим. Если понадобится вызову для доклада куратору. Свободен. Ты сейчас куда?

- В ОЛИБ на улицу Курчатова. С начальником лаборатории колдаем над расчётами, да контролируем ход работ. Спасибо за новых сотрудников, видел в штатном расписании, но ещё не знакомился. До свидания.

Офицеры пожали друг другу руки. Спускаясь по лестнице, Соболев вдруг осознал, что дамоклов меч государственной безопасности может быть занесён над любым попаданцем, в том числе и над его агентом. Хороший парень, обязан ему жизнью, но кусач и сам себе на уме. Факт его существования и подобных уникумов, по определению, опасен для власть имущих. Исключительные личности в первую очередь предмет анализа спецслужб, где доминирует целесообразность и риски для Системы, а лишь затем - исследования учёных. Если я знаю будущее, рассуждал Соболев, то могу в любой момент что-то поменять в своём существовании, повлиять на других, что-то переделать, публично высказать свою точку зрения или как, Мальцев, использовать свои знания для успешной и безбедной карьеры. Но ведь я стою на пороге мирового открытия, и что мне тогда эти попаданцы? Я, Соболев Виктор Сергеевич, значительно сильнее и выше всех этих начальников и партийных функционеров, а путешественники во времени его марионетки! Эти рассуждения его испугали, но отогнать подобные мысли он уже не в силах. Спрятал неожиданные умозаключения подальше, главное сейчас, это создать прототип, а там видно будет.

В кабинете, заведующий ОЛИБ пил кефир и закусывал его ломтём городского батона с маслом - стандартный пищевой рацион учёного и администратора мелкого уровня.

- Добрый день, Генрих Иванович!

- Здравствуйте, Виктор Сергеевич. Ну, что там начальство, как

Николай Трофимович?

- Всё как обычно: у них дела, у нас делишки. А а у вас?

- К coldую над третьим контуром, есть интересные идеи. Посмотрите?

Учёные склонились над чертежами и принялись живо обсуждать технические составляющие огромного проекта. Им не мешал шум в главном помещении, где рабочие готовили цементную стяжку под основание будущей экспериментальной установки, удары отбойного молотка, прорубавшего штробы в дореволюционной кирпичной кладке под кабели, не замечали грязь и пыль в подсобных помещениях, составленные в кабинете столы и стулья, мешки с мелом и банки с краской для будущей отделки помещений. Иногда заглядывал прораб и быстро решал вопросы с начальником лаборатории. Всё приборы и оборудование снесено в другие помещения, в конце месяца должны подвезти контейнеры с новой аппаратурой. Часа через два, оба выдохлись и собрались уходить. Доос убрал документы в сейф и аккуратно, чтобы не испачкаться, стал пробираться к выходу. Соболев последовал за ним, на ходу доставая носовой платок.

- А что, Генрих Иванович, ваша идея замечательна. Я бы до такого не додумался: сместить пластины для получения отрицательной энергии в сферы и поместив одну сферу в другую, что даёт нам дополнительный фактор для рассинхронизации времени. Слушайте, ведь внутри сферы можно поместить целый экипаж. Я рассмотрел ещё одну схему: если взять два высокоэнергетических лазерных пучка и разогнать их по тоннелю в противоположные стороны с околосветовой скоростью, то внутри время начинает скручиваться как воронка и, проникнув в эту воронку, можно попасть в прошлое. Вот, правда, придётся замедлить скорость света. Как вам идея?

Доос рассмеялся и стряхнув с рукава меловой след, заметил:

- Я вам ещё более интересную идею подкину: вместо портала использовать чёрную дыру. Если абстрагироваться от незнания физики чёрных дыр, то вот вам ещё одна готовая машина времени.

Теперь весело хохотнули оба учёных мужа. Абсурда здесь никакого не было, просто фантазия занесла обоих далеко в будущее в то время, когда они трансформировали грядущее уже сегодня.

Парадокс, но ведь подопытные тараканы и другие насекомые бесчезно пропадали в четвёртом измерении. Налицо первые робкие шаги к решению главной проблемы - управлению временем.

11. Панкратов

Новая командировка в Москву для питерского филиала в лице полковника Серебрякова и старшего лейтенанта Соболева, подготовила сюрприз. Путь лежал в московский следственный изолятор N1 именуемый “Матрёсская тишина”.

По пути в столицу, в уже знакомом интерьере вагона-ресторана, Серебряков вновь вернулся к разговору начатому в Питере. Звонил генерал по поводу последнего попаданца, информация на которого в последнюю минуту пришла к “Иван Иванычу” по факсу. В тот раз он успел ознакомить офицеров с текстом сообщения. Дальше обычная рутина и время вымыли из памяти Соболева какого-то мужика из Вологодской области. Прошло несколько месяцев и вот новый сигнал, а незадолго до того получили непростой материал на разоблачённого авантюриста-плагиатора Мальцева.

- Витя, для меня самого это стало неожиданностью. Помнишь факс: побеседовали с Панкратовым в местном подразделении КГБ, мазурик гнёт своё: я из будущего. Тогда-то и сбросили информацию на Лубянку. Дальше, самое интересное - “турист” пропал. Решили: если человек скрыться, то рыльце в пушку и для побега есть основания. Наши местные коллеги подсуетились и подняли нераскрытие дела за предыдущие годы. Прошерстили картотеку МВД и оказалось, что Панкратов ранее имел два срока за разбой и изнасилование, плюс незакрытое уголовное дело по подозрению в двойном убийстве в Москве в 1966 году. Материалы собрали убедительные, с доказухой всё в порядке, дело за судом. Объявили во всесоюзный розыск, любитель бегать как сквозь землю провалился. Прошло три года, отметили как “глухарь” да отправили в архив. Наконец, задержали недавно и поместили в СИЗО, работа для следствия. Если бы не легенда о прыжке из будущего, придумать такое вряд ли придёт на ум рецидивисту и получается вроде как петля времени. По любому Панкратова ждёт суд, а там или к стенке или большой срок. Нам предстоит проверить его легенду и разоблачить если врёт.

- Постойте, Николай Трофимович! А если Панкратов из будущего и его сейчас расстреляют, что у нас получится? Не

возникнет “турист” и убийца не появится в нашем поле зрения? Он не проживёт свои десятилетия спокойной жизни украденной свободы, то есть эффект “бабочки” и возможные изменения в истории, связанные с его существованием. Жена, дети, внуки... Напомните, какого он года рождения.

- Ты же читал факс у генерала, Витя. Панкратов 1950 года рождения. Значит, по его версии, вернулся к нам прожив до 68 лет. Но время по любому вернёт ему облик образца наших дней и рецидивист предстанет молодым мужчиной. Пока на него завели новое дело за побег. А там видно будет.

По прибытию, сразу отправились на улицу Матросской тишины, 18. Им выделили кабинет заместителя начальника СИЗО по оперативной работе со спецконtingентом. Привели подследственного, майор передал папку с делом для ознакомления, затем привели попаданца. Опер посмотрел на часы и оставил кагэбэшников один на один с Панкратовым.

Напротив сидел человек с бегающими испуганными глазами. Внешность никак не попадала под теорию основоположника криминальной антропологии Ломброзо: мужчина внешне был приятен, выглядел мужественно и должен нравиться osobам противоположного пола. Соболев посмотрел на начальника, тот кивнул.

- Добрый день, Вадим Викторович, мы хотим побеседовать о истории, которая с вами произошла.

- Начальник, подскажи какая история интересует?

- Вашими криминальными “подвигами” занимается уголовный розыск, нам интересно знать про путешествие из будущего. Расскажите со всеми подробностями.

- Чего тут рассказывать, очнулся на вокзале, вижу всё не так, одет по старинке, народ шастает как раньше. Пока озирался, да прикидывал, что к чему, подошли два мента и потребовали документы. Пошарил по карманам, ксыви нет, вот из заграбастали для проверки. Тамошнему начальнику всё как на духу поведал: жил в 18-м году, поехал на дачу к внукам, вдруг вспышка и уже в прошлом. Это сейчас знаю который год, а тогда растерялся, что делать не знаю.

Панкратов почесал за ухом, попросил покурить. Серебряков взял со стола опера пачку “Беломора” и передал вместе со спичками.

Соболев, тем временем, достал специальную анкету разработанную в своё время с Петрушевским. Для современников вопросы могли показаться абсурдными и малопонятными, но не для сотрудников ОЛИБ, знаяших будущее на десятилетия вперёд.

- Продолжайте, где жили, чем занимались в будущем?

- Ну, как чем? Работал на МЗМА, на сборочном конвейере автомобили “Москвич” собирали. В 2010 году вышел на пенсию. Жена, дочь, двое внуков.

- Опишите быт того времени, нам ведь интересно, как будут жить потомки.

- Ну, это, в 91-м СССР развалился. Капитализм начался. Всё частное, цены увеличились. Ну, дефицита не стало, всё продавалось.

Панкратов замешкался, что-то вспоминая.

- Телефоны переносные появились на радиоволнах. Телевизоры тонкие, всякие электронные штуки, забыл как называются. Я человек старый,шибко новинками не интересовался, дочка в основном. Вспомнил, за границу свободно выезжала, по путёвке.

Серебряков переглянулся с Соболевым и кивнул. Виктор раскрыл папку, заглянул и ошарашил подследственного:

- Скажите, Панкратов, у вас был такой телефон без проводов? Как он назывался?

- Я и говорю, у дочки был, мне зачем? Как назывался не помню.

- Может вспомните название сотового оператора?

- Не, начисто забыл. Говорю, без этого жить можно. Главное продуктов изобилие, дефициты: бери не хочу. Как коммунисты кончились, так из-за кордона автомобили, одежда, бытовая техника хлынула. Только плати. Доллары свободно, джинсы, бери не хочу, не то что нынче, ОБХСС не дремлет, лишь бы срок накрутить.

- Вадим Викторович, я задам совсем простой вопрос, который вы не можете не знать: какого цвета паспорт в будущем?

- Как это, какого? Такой же.

- А кто страной руководит в том времени, Политбюро?

- Ну, да совет какой-то.

- Последний вопрос, ведь вы москвич. Скажите, как назывался в будущем проспект Максима Горького, а точнее её часть?

- Да хрен его знает, я что должен всё помнить. Жили тихо, никого не трогали. Власть сменилась и ладно. Пенсия хорошая, 250 рублей.

- Кстати о деньгах, не помните, сколько буханка хлеба стоила?

- Начальники, чего пытаете? Говорю, память плохая. Вертайте в хату, устал я.

В разговор вновь вступил Серебряков. Лицо его изменилось: выражение из доброжелательного и располагающего к откровенному разговору, сделалось холодным и каменным. Глаза сверлили никчёмного человечка. Панкратов сжался, чуйка у рецидивиста хорошая, понял - предварительная беседа кончила, сейчас его будут потрошить. И не ошибся.

- Слушай сюда, мокрушник, хватит “толкать фуфло” (обманывать). Будешь в “хате на шконке шмуракам лепить” (в камере на нарах соплякам врать). Мне не надо. Теперь понятно?

Панкратов и Соболев уставились на полковника. Соболев с удивлением к такому глубокому знанию тюремного арго, зек, наоборот, уважительно с пониманием. Серебряков выдержал паузу и продолжил:

- Мы из Конторы и возможности у нас большие. Для начала договоримся, чтобы перевели тебя в пресс-хату. Люди с тобой побеседуют, всё вспомнишь. Договоримся с судьёй, “за жмуриков лоб зелёнкой намажут” (за убитых приговорят к расстрелу). Выбирай: рассказываешь откуда “верхушек нахватался” (узнал) про будущее, на “луну не отправишься” (не расстреляют), получишь свою пятнашку. Другого базара не будет, решай сейчас!

Из Панкратова словно выпустили воздух, он как-то сжался, плечи опустились, на лбу испарина. Серебряков, с его прошлым опытом работы, где доводилось не только вести интеллигентные и умные беседы с агентами разведок, но иногда жёстко ломать спецконтингент, был весьма убедителен.

- Понял, понял, начальник. Сказали бы, что конторские, я думал, за мои дела домогаться станете. Всё расскажу.

- Слушаю, - Серебряков поправил галстук, - как на духу, понял.

- Значит так. После мокрухи я в бега подался, это летом 66-го. Свои грехи описывать не стану, сами знаете.

Серебряков кивнул и выразительно постучал по папке с уголовным делом, продолжай дальше.

- Двинул в Вашкинский район, в село Липин Бор к корешу по первой ходке. Соседи сказали, что приземлили Федьку заново. Куда податься? Сунулся в артель на заготовку ягод. По ходу встретился с мужиком, типа лесника. У того свой дом и хозяйство в глухомани. Напросился в помощники, мол гол как сокол, все родные умерли, ни кола ни двора. Готов на любую работу. Тот согласился, вдвоём веселей. Так и “гасился” (прятался). Однажды он и поведал мне, что раньше жил в будущем, под самогонку описывал житие-бытие. Как там оказался молчал, сколько не высматривал. Баб не было, он обходился, а я бегал изредка в село, тамошние девки меня знали. Через три года, решил, пора. Выполз из под коряги и в Москву намылился, да не свезло, чухнулся (попался), ну и наболтал, что из будущего. Авось проканает и закроют в дурку, там и до воли недолго.

Серебряков подвинул стопку бумаги:

- Теперь пиши подробно, главное названия местности, как найти твоего анахорета в смысле лесника.

Пока подследственный, сопя выводил ломанные строчки признания, офицеры молча курили, перебрасываясь незначительными репликами. Наконец, Панкратов передал листок старшему, в котором однозначно признал седого кагэбэшника. Серебряков перечитал, кивнул и позвал выводного.

На улице оба вздохнули свободно, стены изолятора давили, а специфический запах дополнял мрачную атмосферу казённого заведения. По виду Серебрякова было трудно понять, насколько удовлетворила его встреча и как воспринята новая информация. Непривычный к подобным местам, слегка подавленный Соболе вдыхал свежий холодный воздух и радовался осеннему солнцу.

- Николай Трофимович, а хлопотать за Панкратова будете?

- Нет, тебе убийцу жалко? Я слова офицера не давал, так что судьба этого отбrosa пусть решается без моего участия. Мы свою задачу выполнили. Ты свободен, а я в Контору, бумаги оформлю. До вечера, не опоздай на поезд.

Соболев неторопливо двинулся в сторону метро “Сокольники”, вспоминая сегодняшнюю встречу.

12. Шпионы среди нас

Долгий ремонт ОЛИБ грозил перерасти в бесконечный. Отделочные работы произведены на 95%, но монтаж оборудования ломал все сроки. Часть заказов не прибыла, часть лежала бесполезным грузом на складе по отсутствию сборщиков завода-изготовителя. Злой и нервозный Соболев теребил Дооса, его в свою очередь подстёгивал Серебряков, того по цепочке вышестоящее начальство. Обычный совдеповский бардак, когда не было единонаучалия, а главное - направляющей по партийной линии. Старший лейтенант целиком переключился на трудовые будни Конторы. Теперь он целыми днями пропадал на Литейном: изучал досье попаданцев, выполнял мелкие поручения полковника, даже собирался в командировку по делу Панкратова на контакт с неведомым лесным отшельником. Но командировка на встречу с якобы гостем из будущего, внезапно отложена: Серебряков вызвал в себе и представил мужчине с невзрачной внешностью, седыми висками и неопределённого возраста.

- Виктор Сергеевич, знакомьтесь подполковник Агеев Игорь Николаевич. Товарищ из отдела внешней разведки хочет с тобой побеседовать. Разговор непростой и ответственный, прошу на вопросы отвечать со всей откровенностью.

Агеев протянул руку и кивнул на стул, словно был здесь старшим по званию. Затем раскрыл папку и начал неспешный разговор:

- Виктор Сергеевич, по нашему ведомству проходит гражданин Финляндии некто Матти Силлонен. Мы зафиксировали несколько его контактов с неким Петрушевским Дмитрием Сергеевичем, жителем Ленинграда. В ходе отработки личности контактёра, выяснилось, что 25 мая Петрушевский был задержан за драку и препровождён в 20 отделение милиции. В то же день, вы приехали в отдел и переговорили с оперуполномоченным, которой занимался делом по факту массовой драки в общественном месте. По вашей просьбе, гражданин Петрушевский был освобождён. Вы предъявили служебное удостоверение и сослались на оперативную необходимость. Поясните пожалуйста ваши мотивы?

Соболев пристально вглядывался в конторского смежника и пытался понять насколько этот факт может навредить ему, с какого перепуга, целый подполковник из контрразведки снизошёл до разговора с молодым сотрудником загадочной лаборатории. Впрочем, эта служба могла знать про разработки и проверять сотрудников, как потенциальных объектов интереса зарубежных разведок.

- Тут всё просто, товарищ подполковник, Петрушевский мой источник, а я его связь. Уголовное дело не заводилось, заявления от потерпевших не поступало, обычное хулиганство без серьёзных последствий.

Агеев вопросительно посмотрел на начальника кабинета, тот утвердительно кивнул.

- Хорошо, с этим ясно. Но возникает ситуация, когда подобная связь вызывает вопросы у нашего ведомства. Удалось выяснить, что Петрушевский познакомился с финном в Зеленогорске для скупки и перепродажи заграничных вещей и нас интересует, каким образом фарцовщик связан с вашей службой? Мы задаёмся вопросом, может ли он быть объектом вербовки? Отчего мы не в курсе? Разъясните, пожалуйста, уважаемый Виктор Сергеевич.

Соболев кивнул на Серебрякова:

- Ответ могу дать только с разрешения моего непосредственного начальника. Извините, Игорь Николаевич, у нас тоже не всё просто.

- Тогда ответьте вы, Николай Трофимович.

Оба офицера теперь смотрели на полковника, Агеев испытывающе, Соболев с затаённой тревогой. Он уже понял, что через своего агента замешан в чужой игре. И ничего хорошего это не сулит, если не заступится начальник подразделения. Серебряков, глазом не моргнув, медленно и весомо ответил:

- Ответы только с разрешения Москвы, делайте запрос генералу Филиппенко, получу приказ, раскрою карты.

- Даже так, - несколько обескураженный разведчик удивлённо хмыкнул, - хорошо, я понял. Но ваш Петрушевский невольно замешан в наших разработках. Раз уж ваш агент вошёл в контакт с объектом, то может стоит обсудить вопрос взаимодействия? Неожиданная связь смежника - весьма перспективная наработка. А если в планах финна вербовочные мероприятия, то это большая удача

для нас. Что скажите, коллеги?

Серебряков незаметно усмехнулся: вон как чешет этот Агеев служебными штампами, ему не до всяких попаданцев, шпионов бы ловить, да сажать - чекист! Помочь - поможем, но и в наши дела не лезь, сами разберёмся. Ответил:

- Другими словами, вы предлагаете предупредить агента, а в случае вербовки подыграть на их стороне. Но наш человек, при многих особых качествах, всё-таки не профессионал.

- Я знаю, что вы называете особыми качествами, но если срастётся, подведём с его помощью к задержанию при передаче компромата. Попробуйте договориться с информатором, объясните ситуацию. Главное, правдиво сыграть, если начнут склонять к сотрудничеству. Давайте договариваться, со своим начальством этот вопрос согласую.

Офицер достал из папки документы, стали обсуждать легенду, маршруты слежки, страховочные мероприятия и прочие меры контригры.

Вечером Соболев встречался на конспиративной квартире с источником. Петрушевский внимательно слушал куратора, примеряя, возникшую ситуацию, на знания, почерпнутые из отечественных и импортных шпионских кинолент будущего. “Вот и впрягли тебя, Петрушевский, в роль разведчика, оно тебе надо? Может намекнуть Матти, если он и в правду из спецслужб, ещё лучше намеренно проколоться, чтобы отвалил по быстрому. Найду других поставщиков, все хотят заработать. Но тут же представил как Матти, на первом же допросе, разливается соловьём, что предупреждён Дэймоном”. Соболев тем временем сердито выговаривал:

- Какого ляда ты вообще лез в фарцовку, денег не хватает? Сперва драка, теперь спекуляция, я тебе не нянька! Ладно, раз уж вляпался, читай задание и распишись. - протянул стандартный лист бумаги и ручку, - Гордись, теперь фарцовку курируют два структурных подразделения, наше и ПГУ.

- Виктор Сергеевич, зато работа по профилю Конторы и я готов подыграть. Столько инфы из будущего помню. Все ходы наперёд знаю.

- Инфа, в смысле информация? Ну-ка расскажи, что помнишь. Самому интересно.

Петрушевский начал коротко пересказывать культовый сериал “Семнадцать мгновений весны”, затем эпизоды из поздней “ бондианы”. Красочные и захватывающие истории воспринимались Соболевым с детской непосредственностью дилетанта и одновременно с определённой долей недоверия профессионала.

- И что действительно был такой полковник Исаев?

- Прообраз точно был, об этом сам Юlian Семёнов говорил, у Джеймса Бонда, тоже имелся - Сидней Рейли, но в отличие от умного и серьёзного Штирлица, агент 007 - везунчик и ловелас. Будет возможность почитай Яна Флеминга, не уверен, что есть переводы на русском, но со словарём одолеешь.

Силлонен, словно ждал новых контактов под бдительным оком спецслужб. Позвонил на следующий день. Встретились на старом месте, перед гостиницей “Выборгская”. Ни Петрушевский, ни тем более гражданин Финляндии, не знали, что в доме из серого кирпича напротив, районное КГБ давно снимало квартиру для конспиративных встреч и наблюдения за гостиницей.

Сели на знакомую уже скамейку, переговорили о новой партии товара и цене. Петрушевский о валюте предусмотрительно не заикался, а когда Матти сам намекнул на эту тему, быстро осадил: “пока не нужно”. Никаких попыток завести разговор на отвлечённые темы, Матти, не начинал. Дмитрий об этом ещё раньше говорил куратору: “Дураки они что ли, три раза встречались и вперёд, типа, не желаете на нас работать? Но я его слегка подтолкну, посетую на непростую жизнь, железный занавес, отсутствие демократии и всё такое. Пусть сам думает”. На сегодня темы были исчерпаны, о передаче товара договорились на следующий день, вот там и можно закинуть крючок о политической несознательности и прозападных настроениях.

На конспиративной квартире, сотрудница опустила бинокль:

- У них всё, разошлись. Успел записать, лейтенант?

Молодой стажёр, весело ответил:

- Так точно, товарищ капитан. Распишитесь в протоколе. Может поучите меня читать по губам, угощу ужином в ресторане. На службе подобный навык очень пригодится?

Капитанша с высоты прожитых лет и былого опыта

кратковременных служебных романов, оценивающе осмотрела напарника и бросила:

- Это как попросишь. Иди сюда...

Петрушевский же отправился в вечернюю школу. Из неотложных дел требовалось затариться к ноябрьским праздникам. С тех пор, как он совершил скачок, его внезапно объявившаяся инициативность и взрослая хватка в решении продуктово-хозяйственных вопросов, стала постоянной обязанностью. И надо сказать особые навыки его не подводили. Всё решали денежные вбросы нужным людям, в нужном месте. Проблемы дефицита стали решаться как по волшебству: вместо старого, выигранного в лотерею холодильника “Саратов”, на кухне красовался новенький “ЗИЛ-62”. В нём завелась колбаса твёрдого копчения, отборные куски мяса, яичная ливерная колбаса, банки “Сайры” и прочие малодоступные для широкого населения продукты. Все родные без исключения ахали и гордились деловитым наследником. Люди познавшие голод, тяготы и невзгоды военного прошлого, к еде относились трепетно, особенно бабушка, провёдшая в Ленинграде всю блокаду.

...Соболев в который раз чертыхался в кабинете Дооса, где на застеленном газетой рабочем столе стояла почтая бутылка вина в купе с небрежно разложенной закуской, на полу сиротливо жались две пустые ёмкости замечательного алкогольного бестселлера “Массандра”, это не рыгаловка под названием “Агдам”, а благородный крепкий напиток. Соболев, через распределитель на маминой работе в Таврическом, привязался к любимому вину Григория Распутина.

- Генрих Иванович, мы так сопьёмся с тобой от безделья, - выговаривал Соболев, разливая остатки портвейна и доставая новую бутылку, - классика жанра: два русских интеллигента квасят на рабочем месте, за неимением оной. Два учёных должны, без устали плакаться начальству и подгонять работяг. Когда эта х...ня кончится?

- Виктор Сергеевич! Ну вы, право, разошлись не на шутку.

- Могу в кои веки нажраться в своём кругу, а не прокуренных кабинетах, где люди в погонах решают человеческие судьбы. Могу вслух выругаться по рабоче-крестьянски на весь этот бардак, - и видя протестующий жест заведующего лаборатории, увеличил громкость, - не возражайте, Генрих Иванович, мне можно! Мои тезисы не

подлежат обсуждению. А давайте-ка вернёмся к вашей идее сместить пластины для получения отрицательной энергии в сферы при этом, поместив одну сферу в другую.

13. Движение в никуда

В канун нового 1971 года, лаборатория продолжила исследования в области природы времени и создания прототипа устройства для генерирования четвёртого измерения. Новаторские идеи Дооса, подхваченные Соболевым, давали свои плоды. После реконструкции, в испытательном блоке, смонтировали установку под размеры будущего “пилота-испытателя”. А пока в неведомые пространства отправлялись мыши и морские свинки, вечные жертвы дотошных учёных. Зверьки исправно исчезали, но возвращать их пока не получалось. Кандидат биологических наук Лидия Сергеевна Колыванова, ворчала и жаловалась на нехватку подопытных животных. Доос нервничал и заставлял Чистякова, переведённого, наконец, из лаборанта в научные сотрудники, прогонять на ЭВМ новые параметры заданий.

Спокойным, по крайней мере внешне, оставался Соболев. Тут сказалась занятость в Конторе и отдельные соображения, которые старший лейтенант держал при себе. На каком-то этапе деятельности во славу советской науки, Соболев вдруг осознал, что прятавшийся глубоко внутри эгоцентризм и толика тщеславия, проснулись. Мысли о собственной недооценённости, всё чаще посещали его. При этом не только как учёного, но и офицера государственной безопасности. В душе боролись прежние идеалы с новыми ощущениями мнимой ущербности. Подобная самооценка мешала в работе, Соболев гнал сомнения прочь, но это мало помогало, постепенно формируя в двадцатишестилетнем мужчине такие качества, как зависть и карьеризм. Для окружающих он оставался добросовестным исследователем и верным присяге офицером, исправно выполняющим свой долг перед наукой и Отечеством.

С некоторых пор, непосредственный начальник по научной части, Генрих Иванович Доос, стал вызывать раздражение своим независимым поведением, обликом актёра, одеждой с иголочки, благоухающего импортным одеколоном, своей тайной связью с Колывановой. “Чего я так взъелся на Геру?”, - спрашивал себя Соболев. И не находил ответа, пока не осенило - Доос на голову превосходил Виктора Сергеевича, как учёный, был на своём месте и

невольно манипулировал подчинённым, хотя в общении был мягким и интеллигентным собеседником. Тут сказывался двадцатилетний возрастной разрыв и жизненный опыт, который Соболев явно не учитывал. От Серебрякова, узнал, что студент Доос во время войны не попал на фронт и был выслан в Казахстан из-за немецкий корней. Возможно, этот факт спас жизнь молодому учёному на фронте и невольно помог эвакуироваться семье из блокадного Ленинграда, но прописал страх перед системой и глубокую обиду.

Утром, Доос собрал в кабинете сотрудников и объявил:

- Товарищи! Начинаем испытания по новой схеме. Возможно, нас ждёт прорыв и качественный скачок в исследовательской работе. Прошу быть предельно внимательными и готовыми к неожиданностям. Сегодня запускаем установку на полную нагрузку выделенную подстанцией. Лидия Сергеевна, я подписал заявку, вы забрали из питомника новую партию для испытаний?

- Да, Генрих Иванович. Сейчас у нас десять крыс и пять морских свинок. Корма купила, товарный чек в бухгалтерии.

Она бросила влюблённый взгляд на начальника. О их связи знали многие. После ремонта, ОЛИБу расширили штат, но скоро и новые сотрудники были посвящены в дела житейские. Сплетни в маленьком коллективе варьировались по степени значимости: Чистяков с водителем Сеней крепко выпили на дне рождения секретаря Марины и чуть не попали в вытрезвитель, Дооса видели с любовницей в Марийском театре, Соболев улетел в командировку, уборщица Клава поскользнулась и грохнулась на пол, засветив изумлённым зрителям цвет нижнего белья, в кассе взаимопомощи сейчас нет денег и прочие новости.

Первый запуск увенчался успехом: свинка по имени Маруся вернулась живая и невредимая. Тут же поставили новый эксперимент, привязав к лапке животного бирку с её именем. Маруся канув на несколько минут неизвестность, возникла в пластмассовом кубе уже без записи, что позволило учёным сделать вывод об особенностях временного пространства и зафиксировать этот факт в отчёте. Рассчитать скачок по времени и скоординировать точку прибытия, пока представлялось лишь теоретически. Лаборатории недоставало приборов, которые могли изготовить по спецзаказу, а это опять проблемы и задержки. Доос вздохнул и обращаясь к Соболеву подытожил:

- Ну что, Виктор Сергеевич, весомого результата добились. Скажем так, полёты “в космос” прошли успешно, но отправлять путешественников во времени на заданную орбиту пока не можем. Попрошу вас ко мне, хочу вас удивить.

В кабинете, Генрих Иванович самодовольно ухмыльнулся, открыл сейф и извлёк папку с чертежами. Протянул Соболеву.

- Знакомьтесь, мои разработки по координации и расчёту энергии импульса и выброса в пространство. Простите, раньше не решался представить вам, уж очень всё было неопределённо и сыровато. Теперь, мне кажется, можно взяться за решение главной задачи. Что скажете?

Соболев просматривал схемы, страницы с расчётами и формулами, сводные таблицы. Из глубины подымалась волна восторга, как просто и красиво. Виду не подал, после паузы стал задавать вопросы, всё больше убеждаясь в правоте начальника лаборатории. Наконец, протянул руку и радостно произнёс:

- Здорово, Генрих Иванович! Этот промежуточный генератор может решить проблему. А накопитель больше не нужен?

Дальше дискуссия приняла узко направленный характер. Когда Соболев вышел из кабинета, в голове пульсировала мысль: “Почему не я? Ведь додумался, ходок налево. А давно ли называл мои предложения неосуществимыми, взял сам и решил”. Ладно, пора ехать на “вторую работу”. Позвонил Серебрякову, коротко доложил сегодняшних результатах. Полковник обрадовался.

- Давай, Витя, подтягивайся у меня тоже новости. Выезжай прямо сейчас, жду.

Большой дом встречал мрачной громадой. В проходную входил вместе с знакомыми сотрудниками смежного отдела. Быстро поднялся по знакомым ступеням, ощущая привычный дух казённого учреждения. Это специфический запах, который не перепутаешь ни с чем, напоминал атмосферу в тюрьме Кресты, где Соболев несколько раз бывал по служебной необходимости. В кабинете Серебрякова накурено. Хозяин поднялся навстречу и крепко пожал руку. В глубине души Николай Трофимович гордился выбором сотрудника. За три года работы убедился, что старший лейтенант движется в нужном направлении, правильно оценивает деятельность подразделения и его задачи. Быстро учится премудростям профессии,

всегда готов к выполнению заданий, а если надо подключится к общим функциям КГБ, таким как борьба с национализмом, инакомыслием, преступностью и антисоветской деятельностью. Парень на своём месте, хоть и нелегко совмещать такие разные вещи, как науку и госбезопасность.

- Значит говоришь, есть скачок в пространство и возвращение? А координирование по дате и времени?

- Как раз об этом говорили сегодня после испытаний с Доосом. - Соболев мысленно прикинул, стоит ли говорить о революционных наработках полковнику, решил повременить. - Есть идеи, Генрих Иванович, готовит заявки для следующего этапа работ. Смежники частенько тормозят, вы же знаете. Но в Москву можно смело докладывать, что прибор действует как на исчезновение объекта в пространстве, так и возвращении. Сказать по правде, не терпится проверить на человеке, чтобы понять условия в которых оказывается испытуемый.

- С этим торопиться не будем. Когда будете готовы, своё слово скажут врачи, а там можно рискнуть. Витя, в очередной раз предупреждаю - сам не вздумай! Ты нужен здесь и рисковать тобой я не имею права, - лукаво улыбнувшись, Серебряков добавил, - может нашего немца испытаем?

- Этот согласится, не сомневаюсь.

Соболев почувствовал сарказм и имеющие какие-то особые, неведомые ему основания Серебрякова, так говорить о начальнике лаборатории. Мелькнуло: а ведь я не одинок в своих "симпатиях" к нашему бабнику. Шеф знает наверняка, но тут не ханжество, какие-то другие мотивы? Отвлёкшись на миг, тут же переключился на полковника. Тот продолжил:

- Дело вот какое. Во-первых нашли лесного затворника, помнишь по делу Панкратова? Пригласили для беседы, тот ни в какую, попробовал спрятаться в своём лесу. Но наши коллеги ловкие, прихватили жёстко, мол коли решил бегать от нас, значит за душой недоброе держишь и оформили задержание. Решается вопрос отправлять к нам или ехать в командировку для беседы. На месте правильно опросить не смогут, да и не поймут. Во-вторых нашёлся ещё один попаданец, физик Зуев Валерий Игнатьевич, этого допросить не получится по причине смерти. Черепно-мозговая

травма. Похоже выпал тогда из поезда или помогли. Труп опознан, пролежал в яме под откосом, первый раз искали халатно и пропустили разгильдяи линейщики, что с них взять с ментов областных. Теперь это дело местной уголовки, нам же зафиксировать факт и вычеркнуть из списка разыскиваемых попаданцев. Ну, что хочешь развеяться да прокатится в Вологодскую область?

- А почему бы и нет? Вологодчина, русская зима. К новому году вернусь.

- Вот и договорились. Он там сидит по формальному поводу за бродяжничество в УВД административного центра Липин Бор. Сейчас отзовюсь и отменю этапирование. Подожди, выпишу командировочное направление и дуй в бухгалтерию.

14. Трещина

В поезде Соболев расслабился. Успокаивающий перестук колёс, отложенные заботы вдали от лаборатории и Конторы, навевают приятные мысли о двухдневном ничегонеделанье. Отдохнуть от работы можно, от мыслей никак. Размышляя о своём месте в ОЛИБЕ, Виктор Сергеевич стал подумывать о месте в кабинете Дооса, пора поменять казённый стул, а с ним и начальника на удобное персональное кресло. Почему бы и нет? Он работает в системе четвёртый год, своих прикладных знаний, помноженных на опыт сотрудников и помощь коллег по службе, вполне хватит, чтобы добиться ощутимых результатов в ближайшие год-два. Генрих разменял пятый десяток. Аморального начальника пора перекинуть на другой фронт работ или оформить на пенсию как действующего военнообязанного. Тут, правда, надо уточнить по какому ведомству проходит руководитель ОЛИБ, но это не моё дело, захотят, найдут выход - незаменимых нет.

Липин Бор, громко именуемый административным центром, на самом деле село с населением чуть больше двух тысяч. В одноэтажном здании УВД, Соболеву выделили кабинет начальника. Привели лесника, больше напоминающего лешего, нежели работника государственной охраны. История Новикова, как выяснилось, полного тёзки Соболева, его ошарашила. “Лесник” прибыл в прошлое из 2000 года. Программист, электронщик и золотых дел мастер, работал в закрытом НИИ академгородка Новосибирска, куда попал по распределению после окончания ленинградского политеха. Он много лет работал инженером, обзавёлся семьёй и числился опытным

сотрудником. Последние годы, Новиков, разрабатывал устройство под условным названием “концентратор”. Во время испытаний, что-то пошло не так и Новиков перенёсся в 1965 год. Очнулся на малой родине в Липином Бору двадцатипятилетним молодым человеком. На этот момент из прямых родственников никого не осталось: когда-то, вся семья погибла при пожаре, а его, единственного выжившего, отправили в детский дом. Места знал прекрасно, до трагедии много времени проводил в лесу с отцом, который действительно числился штатным сотрудником лесничества.

- Я здесь никто - бомж без документов и прописки. Убежал в лес, Подальше от глаз людских. Там и осел. Обо мне конечно знали, участковый приходил, я пытался рассказать свою историю. А тот махнул рукой, приняв за блаженного, не поверил.

Соболев разглядывал попаданца, сейчас его меньше всего интересовало настояще “лесника”, а вот его будущее сулило немало сюрпризов. Непринуждённо задал вопрос:

- Я вам верю, а скажите Виктор Сергеевич, вы помните схему прибора, технические подробности, цель задания?

- Допустим, гражданин начальник. Мне какой прок с этого?

Соболев хотел рявкнуть на задержанного и поставить на место, но сдержался. Если подтвердит свои слова о “концентраторе”, такой человек нужен в лаборатории.

- Прок большой, прежде всего организую паспорт, заберу с собой в Ленинград и предложу работу по профилю. Но сперва, хотелось бы услышать подробности о “концентраторе”. Вот бумага и карандаш, излагайте с подробностями, я пойму.

Следующие полчаса Новиков сосредоточенно чертил схемы и графики. Затем отвечал на вопросы тёзки, доказывал, спорил на хорошем техническом языке, а местами ставил в тупик Соболева неведомыми знаниями из будущего. Когда стало ясно, что попаданец в теме и не пытается развести учёного-гэбиста, судьба его была решена. Соболев по межгороду связался с Большим домом и выложил Серебрякову свои резоны за перевод талантливого инженера в Ленинград поближе к ОЛИБУ. Старший лейтенант КГБ, пользуясь своими полномочиями, оформил закрытие административного дела о бродяжничестве, пообещал прислать факс приказа о передаче задержанного своему ведомству. Тут же, в

паспортном столе, Соболев изъял “нешибайку” с анкетными данными нового подопечного. В гостинице “лесник” побрился и переоделся в одежду, купленную в промтоварах. На следующий день Соболев и Новиков садились в автобус до Вологды, оттуда поездом до Ленинграда.

После беседы с Серебряковым, оформления новых документов и допуска, Новиков был зачислен приказом в штат лаборатории. При поступлении, Соболев проинструктировал “лесника”, именно так он числился в в секретном досье КГБ, чтобы тот держал язык за зубами.

- Витя, не дай бог вякнешь где-нибудь свои воспоминания из будущего, гарантирую место в психушке, причём пожизненно. Тебя знаю я и кому надо, в ОЛИБе можешь делиться впечатлениями детства и учёбы в политехе, тут фантазировать не придётся. Считай, твоя жизнь началась с момента распределения. И подчиняешься ты только мне, то есть согласовываешь все вопросы по профилю ОЛИБ со мной. Не забывай из какого болота я тебя вытащил. Кстати, тебе сделали новый диплом на основании справки из деканата, цени.

- Ценю всё, что вы для меня сделали, Виктор Сергеевич. Я добро помню, спасибо вам.

Соболев не заметил испуганный и недовольный взгляд подчинённого. Уверовав во всемогущество системы, которую он представлял, Соболев не допускал мысли о неподчинении и иной точки зрения на свои поступки. Новикову ничего не оставалось, как подчиниться, живя надеждой, что когда-нибудь обстоятельства изменятся и он вернётся к семье в Новосибирске, втянулся в исследования не оставившие его равнодушным, уж очень необычны были поставленные задачи. На первых порах отношения с коллегами в лаборатории ровными. Вникнув тему, начал ненавязчиво доминировать, пользуясь достижениями науки 21 века. Сотрудники удивлённо косились на доку, им в голову не приходило, что Новиков на голову выше остальных, поскольку базовые знания в области прикладных наук, значительно опережали время. Новиков не был высокочкой, у него просто был иной подход и компетенция. Первым на это обратил внимание Доос и мягко попенял на нового сотрудника Соболеву.

- Я не понимаю, Генрих Иванович, что не так в моём сотруднике? - раздражённо ответил Соболев.

- А я не понимаю, с каких пор, он стал вашим сотрудником, уважаемый Виктор Сергеевич? У нас не частная лавочка, а государственное предприятие. Я раз, что вы подобрали перспективного сотрудника, но его подход к решению проблем, выпадает из алгоритма исследований. Почему Новиков занимается разработками, отсутствующими в плане лаборатории. Что за прибор под условным названием “концентратор”? И я узнаю это от него, а вы-то в курсе?

Соболев болезненно поморщился и закусил губу. Надо же, просил Новикова не афишировать свою разработку. Без году неделя и уже прокол.

- Генрих Иванович, у нас общая цель, а какими путями мы идём к ней разве имеет значение? Да, я просил проверить схему, которую он вынашивал ещё институте. И поддержал, поскольку его работа смыкается с темой лаборатории. Здесь увязан пространственно-временной эффект, на основе возмущённого поля и может дать в наше распоряжение мобильную версию прототипа.

- Виктор Сергеевич, я настаиваю, чтобы в дальнейшем, подобные эксперименты согласовывались со мной. В противном случае, я вынужден буду доложить полковнику Серебрякову!

Доос недовольно дёрнул плечами и скрылся в своём кабинете.”Вот козёл, а ещё пили вместе! Прав я, прав! Пора убирать с пробега чопорного модника. Какая муха его укусила?”, подумал Соболев и развернулся в другую сторону. Такая стычка произошла впервые, Доос даже не удосужился пригласить своего заместителя и высказался во всеуслышание при сотрудниках.

Но маленькая трещинка приводит к расколу. Следующая стычка произошла через пару месяцев и вылилась в публичный скандал. В тот раз секретарша Марина, недовольно выразилась в адрес Колывановой за то, что не убирает вольеры с опытными животными. Поляхнула типично женская перепалка, где Лидия Сергеевна отметила, что это забота уборщицы, а поскольку та в отпуске, то замещать её должна очаровашка Маришка. Слово за слово и до слуха окружающих долетело то, что раньше обсуждалось в узком кругу и в нерабочее время:

- Ты в постели с Доосом тоже грязь разводишь? - громко взвизгнула помощница

Из кабинета выскоцил пунцовый Генрих Иванович и начался второй акт марлезонского балета. Срывааясь на фальцет, заведующий лаборатории, указал неосторожной секретарше на выход. Тут вмешался подошедший на шум Соболев, стальным голосом поставив Доосу на вид, что кадровые вопросы решает не он, а свои отношения лучше выяснить за порогом лаборатории. Вот тут Генриха и прорвало. Что случилось с умным, добрым и незлобивым начлабом, никто не понял. Доос истерил долго, выкрикивая нелестные эпитеты вроде “любимчик Серебрякова”, “особые отношения с Новиковым”, “бесконечное отсутствие на рабочем месте” и самое обидное - “научная посредственность”, чем вывел из себя Соболева.

- Молчать! Хотите побеседовать в другом месте?!

Из Дооса выпустили воздух, он сдулся и потух. Несмотря на то, что заведующий лабораторией публично извинился после этого случая, отношения были безнадёжно испорчены. Тайная неприязнь к Доосу получила новый импульс. Но Соболев виду не подавал, в школе КГБ этому учили буквально с первых занятий. Соболев даже запомнил дисциплину: “поведенческая психология в заданных условиях”. Сейчас работало правило “ни в коем случае не проявлять отрицательных чувств, эмоциональный фон выдержаный, спокойный, благожелательный”. Теперь Соболев был готов к самому подлому в своей жизни поступку.

15. Катастрофа

После жаркого летнего зноя, прохлада коридоров Большого дома, приятно освежала. Серебряков, как это было уже не раз, озадачил новостью:

- На завлаба пришла анонимка. Что-то про блядство на работе и обвинение о связях с немецкой разведкой. Что скажешь, Витя?

- Про служебный роман с сотрудницей лаборатории знают все, тоже мне секрет полишинеля. А вот разведка? Надо глубоко копать, обвинение серьёзное.

- Ладно, адюльтер не красит моральный облик советского учёного, но и не является преступлением. Фактов, изменения кроме жены, нет - скаламбурил полковник, - приглядись внимательней к Генриху Ивановичу, а я дам задание своим “в поле” чтобы понаблюдали, поисками контакты. Пока доложу наверх, плотно взять в разработку успеем. Что по вашим “четвероногим

путешественникам”?

Соболев рассеянно доложил, при этом прокручивая новость о Доосе со всех сторон. Вот он шанс. Кто же тайный доброжелатель? Кажется пришла пора подтолкнуть ситуацию. Ещё вчера, кроме саднящей обиды и затаённой злобы ничего не было, но сегодня с утра, он уже знал как ему поступить. Откуда пришли особые знания он не осознавал, но в голове сложилась цепочка выверенных поступков, словно неведомый собеседник направлял и подсказал дальнейшие действия. Мелькнула мысль, а вдруг это я сам из будущего? В Конторе на сегодня дел больше нет, пора ехать в ОЛИБ. Лаборатория встретила знакомыми лицами сотрудников, гулом ЭВМ, обвораживающим запахом распустившегося жасмина на окне. Память о секретарше, которая всё-таки уволилась после памятной ссоры. Просмотрел журнал испытаний, затем решительно направился к Феде Чистякову, ковырявшемуся в электронном блоке установки.

- Федя, не в службу, а в дружбу смотайся на Финляндский вокзал. Забери из камеры хранения коробку с автономным блоком питания. Мы заказывали в Архангельске в опытной мастерской при заводе “Красная кузница”. Встретить курьера было некому, а он вёз ещё один заказ в Москву и опаздывал на поезд. Договорились, что оставит коробку в камере хранения, вот номер и код ячейки. Полный бардак с доставкой, но сам знаешь, как нужен образец. Сделаешь?

Поймав на лице сотрудника недоумение, добавил:

- Сам не могу, жду междугородный звонок, а в боксе держать изделие не стоит. Сам понимаешь, кругом секреты.

Чистяков быстро собрался и исчез. А Соболев прокручивал свои действия и примерял ситуацию, в первую очередь на собственную безопасность. Бомбу привезёт лаборант, а не он. После акции Контора пошагово будет отслеживать все предшествующие события и действия сотрудников. Вычислят и Чистякова с коробкой, его просьбу. Всё по плану. Должно срастись, зря что ли сам конторский, комбинация беспроигрышная. Через два часа в лаборатории появился Чистяков.

- Всё как вы просили, ну и жарища на улице.

- Спасибо, Федя. Положи на стол.

- Может откроем и посмотрим, что там северные умельцы наваляли?

- Мне сейчас снова звонить будут, подожди, мне надо зарегистрировать прибор, потом можешь колдовать. Я тебя позову.

Чистяков положил на стол обыкновенную коробку из под обуви перетянутую несколько раз бечёвкой, стянутую несколькими узлами. Судя по усилию, посылка тянула на несколько килограммов. Когда закрылась дверь в комнату зама, Соболев преобразился. Молниеносно вскрыл коробку, аккуратно достал адскую машинку, завёл будильник на три часа и соединил провода импровизированного таймера. В коробку вложил блок питания, полученный утром из рук в руки от курьера, сунул сопроводительные документы и заново перевязал. Под бечеву подсунул накладную. Вспомнил как неудобно нести притянутый поясным ремнём блок через охрану корпуса. Натёртый живот того стоит, осталось занести бомбу в изолированный испытательный блок, находящийся напротив его крошечного кабинета. Выглянул в коридор и быстро прошмыгнул аппаратную, оттуда в к прототипу. Открыл дверцу железного шкафа подстанции и сунул вниз взрывное устройство. Никем незамеченный вернулся в кабинет и позвал Чистякова.

- Давай распаковывай и продиктуй номер изделия. Занесу в журнал и монтируй. Доос ёщё не приходил?

- Не знаю, я же уезжал. Сейчас посмотрю.

- Тогда не надо, сам загляну к нему.

Когда Федя забрал блок питания, Соболев перевёл дыхание, вышел в коридор и постучался к Генриху Ивановичу. Из-за двери ответили. Из кабинета слегка растрёпанная вылетела Колыванова. 2 вот ведь ненасытны" успел подумать Соболев.

- Здравствуйте, Генрих Иванович. Получили блок питания, Чистяков сейчас монтируют. Сегодня запустим?

- Спасибо, Виктор Сергеевич, сегодня уже поздно, перенесём испытания на завтра.

- Как скажите, я тогда пойду.

После скандала отношения оставались вежливо-деловыми. Не считая нескольких посиделок с возлияниями, во время прошлогоднего ремонта, их взаимоотношения и раньше не отличались дружеской направленностью. Оба оживали лишь когда дело касалось чисто теоретической части исследований. В голове

мелькнуло “говоришь на завтра, а завтра для тебя уже не будет”.

Ночью 22 июня 1972 года в лаборатории произошёл взрыв. В помещениях начался пожар. К началу рабочего дня пожарные свернули гидранты и уехали в депо. На месте остались пожарные инспекторы, дознаватели из калининского РУВД и толпа зевак со стороны улицы Курчатова. Днём были допрошены сотрудники лаборатории, дело о взрыве взял Большой дом. После обыска в квартире подозреваемого Дооса Генриха Ивановича, было обнаружено самодельное взрывное устройство. Заведующий лаборатории ОЛИБ взят под стражу и водворён в следственную тюрьму Ленинградского управления КГБ на Шпалерной улице.

Управление ОЛИБ стояло на ушах. Взрыв закрытой лаборатории, да ещё такой дерзкий отмечал случайности. Первоначальная версия о технической неисправности, отметалась результатами экспертизы. Были обнаружены остатки самодельной бомбы и следы динамита. Серебрякова вызывали в Москву. Перетряхнули всех причастных к деятельности лаборатории, в первую очередь Соболева, Чистякова и ряда других сотрудников. Броде бы выигрышная позиция Соболева, как действующего сотрудника, обернулась против него. Он был выведен за штат на время расследования. Группа чекистов из Москвы, допрашивала с пристрастием старшего лейтенанта. Всплыла история с коробкой из под обуви, но обгоревший корпус блока питания снимал подозрения с Чистякова и Соболева. Практика использования камеры хранения, являлась довольно распространённым способом, курьерская служба доставки бандеролей и посылок задействована лишь в особых случаях закрытых для государственных закрытых учреждений. ОЛИБ с её статусом секретности попадала в разряд закрытых учреждений, но как водится, в каждом правиле есть исключения. Нити заговора вели к Доосу и мнимой разведке БНД Германии и коллег из США. Анонимка и главный компромат - взрывное устройство, несчастному Генриху Ивановичу надежд не оставляло. После допросов с пристрастием, Доос уже готов был признаться во всём, но сердечная недостаточность и вовремя не оказанная помощь тюремных врачей, привела к летальному исходу. Начальство передохнуло: нет человека и нет проблемы. Главное, враг был вовремя схвачен и обезврежен. В истории страны таких “врагов” сотнями тысяч расстреливали и замучивали в концлагерях. Одним больше, одним меньше.

Ленинградское ЧП дошло до самого верха. Председатель КГБ,

Юрий Андропов, на расширенном закрытом совещании, признал исследования лаборатории преждевременными и неперспективными. Приказом по ведомству ОЛИБ был расформирован, сотрудникам напомнили про подпись о неразглашении государственной тайны и распустили. Старший лейтенант остался служить, ему было присвоено очередное звание за раскрытие шпионской сети в на закрытом объекте министерства обороны. Вдова Дооса вместе с детьми переехала к родственникам в город Энгельс. Чистяков перешёл работать в НИИ Фока старшим научным сотрудником.

Судьба попаданцев в СССР пошла самотёком. Тех кто усердствовал и без конца рассказывал о будущем, убирали подальше или убирали в психбольницы. Петрушевский некоторое время числился за куратором Соболевым. Однажды всё изменилось...

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. НАШИ ДНИ

1. Кома

Сидя перед ноутбуком, можно отвлечься и привычно бросить взгляд на свой участок с высоты второго этажа. Кругом крыши дачных домиков, выглядывающие из зелёных шапок листвы. Даётся, размытый маревом, берег Финского залива. Сквозь двойные стеклопакеты пробиваются звуки деревенской жизни: беспорядочные собачьи гавки да петушиные переклички. Им вторит голос диспетчера, усиленный динамиками и сигналы тепловозов железнодорожной ветки Выборг - Приморск.

Дмитрий Сергеевич Петрушевский вернулся к экрану монитора. Пробежался по тексту и впечатал финальные строчки: "Ланьшишевка, 9 июня, 2016". Слава Богу, воспоминания шестидесятипятилетнего мужчины, наконец увековечены в памяти жёсткого диска. Мемуары Петрушевский задумал писать ровно в тот момент, когда понял, что здоровье начало давать сбои и чувствительно сигнализировать хозяину о возрастных изменениях. Хозяин разозлился и дал бой главным хворям: гипертонию приструнил, бросив курить и прикладываться к рюмке, катаракту ликвидировал в клинике Федорова. Остальным болячкам не давал поднять голову, задействовав эффективный аптечный набор пенсионера, что помогло освободившуюся энергию направить в литературное русло.

Писательского дара может не дано, но складно излагать свои мысли у Петрушевского получалось: пенсионер был эрудирован,

весьма начитан, да литературные опыты уже имелись. Дмитрий Сергеевич быстро осознал, что автобиографический роман интересен только ему самому. Сын подтрунивал, невестка вежливо улыбалась, шестнадцатилетней внучке не до того, а супруга и вовсе считала “графоманский опус” напрасной тратой времени. Он не обижался, не спорил, в глубине души считая, что когда-нибудь близкие или знакомые оценят и поймут. Но это потом. А пока хватало сил и желания, ежедневно проводил час другой за ноутбуком, вычленяя из памяти этапы непростого жизненного пути.

Интересней всего было восстанавливать школьные годы - тот период, когда формируется характер и происходит становление личности. Чем глубже Петрушевский погружался в прошлое, тем неожиданней для него самого вспыхивали забытые сцены далёкой жизни в родном Ленинграде, где собственно и появился малыш Димочка Петрушевский. Каждый раз, бойко отбивая на клавиатуре абзацы, он как бы заново складывал из поблёкших отрывков воспоминаний пёстрый пазл былых событий и поражался своей ретроградной памяти. Почти два года ушло на писанину, а затем вычитку, редактуру и шлифовку текста. Перечитал, самому понравилось:

- Ай, да Петрушевский, ай, да сукин сын!

Пора запускать сочинение на общественную орбиту. Осталось найти литературный портал, зарегистрироваться и опубликовать роман, а там видно будет.

Тут раздался щелчок: погасла настольная лампа подсвечивающая клавиатуру, затих выносной жёсткий диск и исчез зелёный глазок зарядного устройства. Дмитрий Сергеевич каждый раз злился на бесцеремонность бригады Выборгэнерго, обслуживающих данный участок Ленинградской области. Отчего не предупредить председателя садоводства или старосту? Тут же одёрнул себя, глупость сморозил, кто там тебя предупреждать должен: забыл где живёшь? Петрушевский спустился вниз, бросил жене на ходу:

- Света, электрики опять отключили линию, проверю выключатели, мало ли у нас замкнуло?

Супруга согласно кивнула - не в первый раз. Безмятежное загородное существование не освобождало от подобных досадных сбоев. Когда Петрушевские приобретали участок с домом, то

полезным дополнением оказался сарайчик, который был переоборудован и переименован в хозблок. Здесь, помимо огородного инвентаря, инструментов и прочих нужных вещей, сосредоточено электрохозяйство. Питание от столба приходило на щит, с установленными пакетными автоматами, электросчётом, реле блокировки бензинового генератора и кучей проводов. Заскрипели половицы хозблока, Петрушевский в сумраке нашупал дверцу щитка: предохранители не сработали, тогда подёргал провода. Один свободно отошёл от шины.

Дмитрий Сергеевич отыскал отвёртку и стал закручивать фиксирующий винт. Работать в полутёмном помещении было неудобно, а за фонариком идти лень. Отвёртка соскакивала со щлица и для удобства, хозяин взялся свободной рукой за край щитка. Где-то далеко аварийщики закончили ремонт на объекте, позвонили диспетчеру и тот привычно повернул рубильник подстанции. В следующий миг вокруг крупной фигуры горе-электрика образовался мерцающий кокон, Дмитрий Сергеевич Петрушевский получил сильнейший удар током. Разряд уронил пенсионера на пол и мир померк...

За воротами раздался зычный сигнал медицинского узника. Перепуганная насмерть супруга Петрушевского открыла ворота, впустила микроавтобус на участок.

- Здравствуйте, заезжайте пожалуйста.

Из машины с привычно отстранённым выражением лица вышла бригада, состоящая из реаниматолога и фельдшера:

- Где пострадавший?

- Вот, пожалуйста, проходите сюда.

В хозблоке на полу рассталось грузное тело пенсионера без малейших признаков жизни.

- У нас отключили электричество, муж пошёл проверить распределительный щиток. Жду его десять минут, пятнадцать, пошла посмотреть, а он лежит никакой. Что случилось не знаю! Дозвонилась до вашего диспетчера и вот... Господи!

Женщина зарыдала в полный голос. Врачи, привыкшие ко всему, деловито осматривали тело, проверяли пульс и реакции.

- Пожалуйста успокойтесь, отойдите в сторону, вы нам мешаете.

Сейчас проведём процедуры. Вася, - это водителю, - готовь носилки.

Какое-то время врачи возились вокруг тела и проводили мероприятия по оживлению, затем достали дефибриллятор. Эти процедуры Светлана Петровна видела не только в кино, но и помнила по больнице, где лежала с обострением язвы желудка. Сейчас она мало что понимала - осознание, что муж вот так буднично может умереть, не укладывалось в голове и терзало пугающей неизвестностью. Подошёл старший бригады:

- Биологической смерти нет, похоже в коме, но живой. Сильное поражение током, других травм не нашли. Везём вашего мужа в центральную больницу на Октябрьскую. Вот визитка, тут телефон справочной. Пожалуйста приготовьте паспорт мужа, мне надо записать данные. Чем болел ваш супруг, на что жаловался?

Минут через десять, Светлана Петровна вновь открывала ворота, выпуская "скорую" с бесценным грузом в обратный путь. Вернувшись в дом, Петрушевская дозвонилась сыну. Всхлипывая рассказывала о беде с отцом. Сын находился в командировке, но обещал приехать по возможности скорее. К плачущей женщине подошли собаки, и стали тыкаться носами, как бы вопрошая, что с "папой"?

На следующий день Петрушевская собралась в Выборг. Дорога много времени не заняла. Через полчаса Светлана Петровна парковалась у больницы. Чтобы собаки не задохнулись в духоте салона, приоткрыла задние окна и нерешительно, в ожидании плохих новостей, перешагнула порог. В справочном её направили к заведующему неврологическим отделением. Табличка на двери кабинета гласила "Кандидат медицинских наук, врач высшей категории, Крайзер Илья Давидович". Титулованный доктор сочувственно и подробно начал объяснять испуганной женщине: муж в коме, что вообще-то странно при поражении бытовым электричеством в 220 вольт, но состояние стабильное, ожоги незначительные. Дальше пошли вещи более прозаические оплата места в палате, услуги по уходу за коматозным больным и другие моменты.

Супруга кивала головой, хоть и плохо воспринимала слова доктора, но уяснила главное - "Петруша", как она ласково называла мужа, живой. Страшное слово кома, она даже мысленно, боялась произнести, хоть отдавала отчёт, что это объективная реальность,

которой теперь жить. Оформив договор, Светлана Петровна, вернулась в машину и медленно двинулась в родную Ланьшевку. Почти у самого дома набрала номер сына, с трудом сдерживаясь, подробно рассказала о состоянии отца. Настроение хуже некуда. За спиной, воспринимая подавленное состояние хозяйки, сопели притихшие собаки. Зачем-то прошла в злополучный сарай. Электричество давно вернули, женщина зажгла свет и стала рассматривать злополучный щиток. Трансформатор исправно гудел, реле ждало своего часа, четыре автомата находились в верхнем включённом состоянии. Светлана Васильевна тут ровно ничего не понимала.

Несколько лет назад муж пригласил из Выборга электрика, который собрал “кучу штучек” в сложную электрическую схему. Отдельно висел массивный трёхфазный электронный счётчик Ленинградского электромеханического завода. Она всматривалась в табло, где периодически менялись показания, сперва итоговая мощность, затем расход по дневному и ночному тарифу, затем дата и отдельно время. Показания её не интересовали - все мысли о муже и приключившемся с ним несчастье. Она собралась уходить, когда обратила внимание на одну особенность: если показания расходов электроэнергии менялись, то время стояло на месте. Она вернулась в дом и занялась хозяйством, но странное поведение цифр на табло, не давало покоя. Часа через полтора, Светлана Петровна не выдержала и вновь заглянула в хозблок. Время замерло в момент разряда: 12:47, лишь мигали две точки между часами и минутами, а дата пока отмечалась сегодняшним днём: 09 - 06 - 16. Взглянула на свои часы, с момента отъезда бригады скорой помощи прошло почти два часа!

2. Амнезия

Пожухлая листва, да иней на траве сигнализировали о близящихся холодах. Светлана Петровна загружала себя работой, чтобы отвлечься от печальных мыслей о Дмитрии Сергеевиче. Теперь, в довершение к обычным домашним хлопотам, она исполняла мужчины обязанности: уборка территории, поездки за продуктами в город, какой-то мелкий ремонт. Постоянно носила с собой телефон, ждала новостей. Каждый визит в больницу отзывался болью в сердце. Картина одна и та же: неподвижное тело, бледное лицо, звуковые сигналы сердечных сокращений на экране монитора, вечная капельница, неискоренимый запах больницы и постоянное чувство тревоги. Больше всего изматывала неопределенность, и не

дай бог чего хуже. Рушился мир, который строился годами и состоял из условных кирпичиков крепко сцепленных интересами, обязанностями и устоявшейся десятилетиями духовной связи.

Почти три месяца заведующий хирургическим отделением, как бы в оправдание рассказывал, что подобные аномалии - уникальная защитная реакция, но при этом сложнейшее расстройство важных функций организма. Рано или поздно больные выходят из коматозного состояния, восстанавливаются и живут как нормальные люди, но сроки, никто определить не может. Пока остаётся терпеть и ждать! Петрушевская согласно кивала и каждый раз уезжая, надеялась что ещё немного и любимый очнётся.

Звонок застал её, когда Светлана Петровна подрезала длиннющие ветки рябины, оттянутые почти до земли гроздьями кроваво-красных ягод. Она сразу узнала голос Крайзера:

- Светлана Петровна, ваш муж вышел из комы, поздравляю. Когда сможете приехать?

- Господи! Как он, что говорит, двигается?

- Нет, нет. Только в сознание пришёл и пока лежит в реанимации. Встанет не сразу. После атонической комы требуется время и специальный комплекс восстановительной терапии: массаж, лечебная физкультура и другие процедуры. Приезжайте, я вам всё расскажу, а главное не падайте духом, самое страшное позади!

То ли лукавил Крайзер, то ли не предполагал: Петрушевский потерял память. Это выяснилось поле того, как улеглась первая радость от самого факта выхода из вегетативного состояния. Светлана Петровна сидела у кровати мужа и ловила его взгляд, вялые движения, отдельные звуки. Спустя неделю Дмитрий Сергеевич заговорил. Его речь была осмысленной и адекватной, но больной ничего не помнил - классический пример ретроградной амнезии.

В конце октября Петрушевского выписали. В машине ликовали и радостно лаяли собаки, счастье какое - хозяин вернулся! Не так радостно было Светлане Петровне. Перед отъездом она долго разговаривала с Крайзером. Илья Давидович подробно разъяснил, как должна вести себя супруга больного. Упор делался на спокойные беседы с мужем и подробные, обстоятельные рассказы о прежней жизни. Доктор посетовал на ограниченные возможности больницы и рекомендовал пройти обследование в специальном стационаре при

Институте мозга человека им. Бехтеревой Российской академии наук. Звучало убедительно, Светлана Петровна воспрянула духом, и про себя решила: мы справимся во что бы то ни стало!

- Поймите меня правильно, Светлана Петровна, там высококлассные специалисты, оборудование. Мы со своими возможностями даже МРТ не можем провести. Там же новейшее оборудование, методики, гипноз. Надо воздействовать на поражённые участки мозга. Есть мнение, что кома - это защитная реакция организма, когда мозг не хочет помнить негативную информацию, когда ему хочется отдохнуть. Именно поэтому большинство больных, переживших кому и восстановившихся в сознании, не помнят этот период. В институте мозга исследуют эти проблемы и, насколько я знаю, в отдельных случаях блестяще решают.

Она рассчиталась за услуги больницы, получила на руки историю болезни и в противоречивых чувствах, но с надеждой везла благоверного домой. Глядя на дорогу, боковым зрением примечала интерес Петрушевского к живописным видам за окном, его наморщенный лоб и попытки вспомнить что-то. Муж выглядел неважно: бледный, вялый и испуганно-удивлённо взирающий на мир, который интересен, но опасен, потому, что ты его не помнишь. Словно домашняя кошка жившая взаперти, вдруг оказалась на свободе и со страха стремглав взлетает и прячется на дереве, ведомая инстинктом самосохранения, ведь другие отсутствуют.

- Ничего не помню, Света. Ты извини, но тебя тоже не знаю, собак не знаю. Может на даче как-то разберусь? Хочется спрятаться, забиться в угол. Прости.

Дмитрий Сергеевич, постепенно, не без деятельного участия супруги, встроился в неспешный дачный распорядок. Работу на участке и по дому выполнял исправно, руки всё помнили, тут особых навыков не понадобилось. Вот только за руль Светлана Петровна его больше не пускала, ноги, после реабилитации, пока слушались плохо. Ещё появилась фобия: в хозблок ни за какие коврижки! Петрушевский просил жену вынести что-то из инструмента, если такая необходимость возникала. Посиделки за обеденным столом обычно сводились к воспоминаниям Светланы Петровны:

- Дима, а как покупали участок не помнишь? - Она взглянула на мужа, отрицательно покачавшего головой. - Извини, тогда слушай.

Мы копили деньги с конца девяностых, ты всё машину новую порывался купить, но я настояла на даче. Ты связался с риэлтором по объявлению. Потом мы ездили по области и смотрели варианты. Первый в Светогорске у самой границы с Финляндией, до Иматры двенадцать километров. От Петера почти двести километров. Шикарный дом, на втором этаже тренажерный зал, до Вуоксы рукой подать. Но стоял обособлено, поблизости хибары местных жителей, какая-то тяжёлая атмосфера от целлюлозно-бумажного комбината, в общем, не понравилось. Двинулись назад к Выборгу. Второй просмотр: чудесный бревенчатый домина, растянутый метров на тридцать вдоль речушки. Очень понравилось и нам и собакам, но не вписались в бюджет, цена слишком высокая. Следующий дом - просто чудо: на взгорке, у самой дороги, спуск к реке со своим причалом, гараж, горячая вода и куча всего. Не дотянули по стоимости пяти тысяч баксов, правда деньги можно было занять. Но это не главное - хозяйка умерла в спальне, как нам там жить? Поехали искать дальше...

Петрушевская внезапно остановилась и взволнованно воскликнула:

- Дима! Вспомнила, ты ведь мемуары писал, А я всё подтрунивала. Ты года два стучал по клавишам, чуть ли не каждый день колдовал в своём ноутбуке! Посмотри, вот тебе и руководство по прежней жизни, - она впервые улыбнулась. - Ищи давай, чего я буду распинаться, сам изложил биографию для потомков, вот и пользуйся для восстановления памяти.

Петрушевский оживился, надо же - автобиография! Поднялся на второй этаж в свою спальню, которую по-брратски делил с кобелём породы кане-корсо по кличке Бублик. Первый этаж оккупировали особы женского пола: две кошки и собака во главе с хозяйкой. Поднял крышку ноута и стал рыться в папках на рабочем столе. Ага, кажется оно: роман "Хроники пожилого человека". Ну и название, зато понятно. Автор углубился в чтение объёмного текста длиною в жизнь. Да, тут почти десять авторских листов - с наскока не одолеть. Оторвал крик жены с первого этажа:

- Ну, что нашёл?
- Нашёл. Начал читать, подымайся.

На лестнице раздались тяжёлые шаги супруги, за ней в комнату

прошмыгнула беспородная любимица Дуська. Дамы заполнили собой помещение, Бублик недовольно заворчал, кому понравится вторжение посторонних на его территорию.

- Ого, да у тебя тут целый роман, писатель ты мой доморощенный. Даешь почитать?

Дмитрий Сергеевич не знал, а точнее стёрлось в памяти, как ещё до печального события, жена подкалывала и подтрунивала над неожиданно открывшейся у мужа тягой к мемуаристике. Когда Светлана Петровна через чур усердствовала в насоках на никому не нужное, с её точки зрения, занятие, Петрушевский раздражённо отвечал:

- А что, лучше с окрестными мужиками пьянствовать?

Речь шла о соседе по даче, Сергее Горбунове и общем приятеле с другого участка Толике. Троица лихо квасила, к величайшему неудовольствия жён, пока у Горбунова не обнаружили запущенный диабет, через несколько месяцев во время операции Горбунов скончался. Пьянки прекратились, Толик слился, а Петрушевский, тихо завязал. В семье воцарилась гармония и покой до последнего загадочного случая.

Одолеть с насока весь текст, естественно, не успел и отложил знакомство с прошлой жизнью на следующий день. События, описанные в романе его захватили, читалось легко и интересно. Мысленно он благодарил себя за такую неожиданную возможность восстановить если не всю, то большую часть довольно насыщенной событиями непростой биографии. В голове постоянно крутилось: надо же, и это всё со мной?! Но никаких ассоциаций и даже слабых намёков на воспоминания не возникало. Не возникало до определённого времени. Пока не наступила череда снов.

3. Институт мозга

С того дня у него включились какие-то особые механизмы то ли долговременной, то ли генетической памяти и Петрушевский стал видеть какие-то фрагменты из автобиографии. Первый сон перенёс хозяина в шумный цех к огромному токарному станку, на котором Петрушевский ловко устанавливал заготовку в патрон, отложенном движением фиксировал её ключом, поджимал задней бабкой, запускал двигатель, поворачивал рукоятки управления, крутит ручку подачи суппорта и подводил резец к будущей фасонной детали. И

ведь названия знакомы. Тут же возник долговязый парень в очках.

- Юрка, ты что ли?

- Привет Петруха, давно не виделись. Пиво пойдёшь пить?

Петрушевский проснулся и первое, что пронеслось в голове: realistic dream! Батюшки, а это откуда взялось? Резануло радостным осознанием, что в памяти стали возникать пока ещё незначительные воспоминания прошлого - магический реализм. К английскому языку подвела знаменитая фраза Гамлета, прочитанная вчера в эпиграфе к собственным воспоминаниям:

There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy...

(Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам).

Петрушевский кинулся в спальню, растолкал жену к великому неудовольствию вальяжно развалившейся рядышком собаки Дуськи:

- Света! Я начал вспоминать, во сне! Что-то про работу на токарном станке, какой-то парень знакомый, Юрка. На английском заговорил, вернее подумал.

Светлана Петровна, протёрла глаза, как это бывает у людей, вырванных внезапно из объятий Морфея, зевнула и прокомментировала:

- Ну, да, Петруша. Когда-то ты учился на токаря и до армии работал по специальности. Мы познакомились позже, в семьдесят втором году. А по-английски часто болтал из-за своей рок-музыки, мне объяснял что практикуешься. У нас такая игра была: ты по-английски чего-нибудь спрашивал, а я отвечала на немецком. А Юра, наверно тот самый, который погиб, кажется Портнягин? Ты почему-то о нём не упоминал в мемуарах, но я его помню. Слушай, твой лечащий врач предлагал обследоваться в Питере в институте мозга. Может съездим? Не смотри на меня так, я без всяких шуток!

Петрушевский потёр глаза и выключил ноутбук - биография изучена вдоль и поперёк. В своё время потрудился на славу: одолеть весь текст удалось в пять приёмов, ведь объёмная литературная форма готовилась для публикации отдельной книгой. Теперь он знал если не всё, то много из прошлой жизни. Мемуары спровоцировали пёструю ленту сновидений, косвенно связанных с прочитанным.

Отсюда шли вопросы к самому себе и главный: какого ляда он провалялся в больнице три месяца в коматозном состоянии? Куда делась память? Как жить дальше? Повлиять на прошлое он не мог, но формировать будущее пока по силам. Те сны, что оставались в памяти, по пробуждению, записывал в папке на рабочем столе ноутбука. Света настояла на обследовании и Дмитрий Сергеевич согласился. Нашёл в Интернете адрес и связался с Институтом мозга человека им. Бехтеревой РАН, записался на приём нейрохирургу и отоспал по электронной почте эпикриз. Увесистый прейскурант на платные услуги Петрушевскому не понравился:

- Света, на кой тратить деньги, первичный осмотр три тысячи, оно нам надо? Голова сейчас в порядке, почти не болит, подумаешь амнезия, зато почти полная автобиография имеется. Глядишь, и память со временем восстановится. Ну обследуют, а дальше что?

- Дима, ты врач? Помнишь, что Илья Давидович говорил: обследоваться надо обязательно. Ничего с тобой не сделается, съездим, поговоришь с врачами, а там видно будет. Откуда мы знаем, что с твоей головой завтра будет? Запомни: мозги принадлежат тебе, а ты - мне! Убедила, упрямец ты мой?

Жена улыбнулась. Последний аргумент стал решающим. Дорога от Ланьшиевки до улицы академика Павлова в Санкт-Петербурге заняла два часа. После осмотра, Петрушевского послали на обследование в лабораторию нейрореабилитации. Заведующая лабораторией, врач-невролог высшей квалификационной категории, доктор медицинских наук, долго читала карту больного, расспрашивала Петрушевского о сновидениях, снимала электроэнцефалограмму, выписала направление на МРТ, одним словом, нудная и тревожная медицинская рутинна. Дмитрий Сергеевич злился, поскольку не видел никаких перспектив в умных и непонятных разговорах о выявлении общих закономерностей и особенностей нарушения структурно-функциональных связей ЦНС, энергетического обмена и нейродегенерации. Особенно донимала неизбежная процедура утекания денег из скучного домашнего бюджета.

Всё изменилось, когда он приехал в институт на следующий этап обследований. Помимо заведующей лабораторией Лидии Николаевны, в кабинете его ждал пожилой мужчина по возрасту сходному или даже старше Петрушевского. В его взгляде Дмитрий

Сергеевич прочитал такое неподдельное внимание, что слегка оторопел, возникало впечатление, что их давно и надёжно связывали общие интересы. Загадочный аноним одет с иголочки, седые непрореженные возрастом волосы, золотая оправа на благородном лице. Незнакомец уверенно заговорил:

- Здравствуйте, здравствуйте, уважаемый Дмитрий Сергеевич! Меня зовут Виктор Сергеевич Соболев. Я представляю исследовательский центр, который занимается подобными больными и феноменами потери памяти. Рассказывайте, что за беда с вами приключилась? Мне Лидия Николаевна поведала в общих чертах, но хотелось бы услышать от вас.

- Здравствуйте, а мы с вами знакомы?

- Ну как вам сказать, мир тесен! Может когда-нибудь и пересекались. В истории болезни записано амнезия и вы, стало быть, ничего не помните?

Петрушевский в очередной раз, начал подробно излагать цепочку событий, привёдших его на больничную койку. Поведал о странных сновидениях после выписки, фрагментарному возвращению памяти, спровоцированной изучением автобиографии, зафиксированной на жёстком диске ноутбука. Соболев наклонил голову и внимательно слушал, во взгляде сквозила доброжелательность, порой вспыхивали искорки каких-то своих внутренних переживаний. Петрушевский это чувствовал, мелькнуло состояние дежавю, словно они давно знакомы с этим красивым человеком, ассоциировавшимся больше с учёным нежели с психотерапевтом.

- Меня очень заинтересовала ваша история, уважаемый Дмитрий Сергеевич. Я хочу предложить вам продолжить обследование у наших специалистов, такой неординарный случай требует особого подхода. Наш центр находится в другом месте, но главное - весь комплекс услуг для вас бесплатный. Если хотите посоветоваться с женой, то пожалуйста, с моей стороны никакого принуждения. Я думаю, Лидия Николаевна не возражает, - Соболев бросил взгляд на заведующую отделения. - Вот визитка, свяжитесь со мной до конца недели. Поверьте, эти исследования важны, в первую очередь, для вас. Рад был познакомиться, до связи.

Соболев легко поднялся, пожал руку и стремительно вышел.

Петрушевский мысленно уже согласился, причём ключевое слово “бесплатно” сыграло ведущую роль. Перед тем, как уйти, Дмитрий Сергеевич поинтересовался у доктора о необычном визитёре. Лидия Николаевна, почему-то приглушённый голосом, загадочно произнесла:

- Вам очень повезло, у Соболева новейшее оборудование и огромные возможности современной медицины. Это закрытый научно-исследовательский центр, можно сказать будущее науки. Узнал про вас, а мы делимся с ними интересными случаями аномалий мозга и явился лично. Надеюсь, полностью восстановят после комы и вернут вам память, до свидания.

В машине озадаченный Петрушевский разглядывал визитку Соболева: “Центр изучения природы времени и пространства при ФТИ им. Иоффе РАН. Генеральный директор Соболев Виктор Сергеевич”, телефоны, факс, электронный ящик. Ни адреса, ни веб-сайта.

- И чего там, - поинтересовалась жена. - Что за человек это Соболев?

Светлана Петровна резко свернула с Приморского проспекта на Западный скоростной диаметр. Машина прибавила газа и стремительно понеслась по автомагистрали в сторону трассы Скандинавия. Почти пустая дорога располагала к быстрой езде, в будний ноябрьский день машин мало. Петрушевский в который раз пожалел, что до сих пор не может вести семейный Хендай “Санта Фе”: атрофированные мышцы ног слушались плохо. Ездить на восстановительные процедуры, Петрушевский считал делом затратным и не нужным, а лучшая практика для полноценной работы конечностей - нагрузки на участке.

- Красивый такой мужик, тебе бы понравился. Седой, импозантный, энергичный, золотая оправа, одежда из дома моды, а ведь не молод: где-то за семьдесят, на мой взгляд. Буду соглашаться, самому интересно: во-первых халява, во-вторых какие-то инновации, чуть ли не технологии будущего и восстановление памяти. Ты знаешь, мне он показался знакомым, может и пересекались. Эта чёртова заснувшая память, будь она неладна!

Машина мчалась по шоссе. Петрушевский чувствовал, что грядут перемены, которые привнесут в его потревоженную старость

новую живительную струю и радикальные перемены.

4. Центр изучения проблем природы времени

Заснувшая память не торопилась просыпаться. Пёстрые отрывки сновидений не хотели складываться в целостную картину, видения были без начала и конца. Снились отрывочные картинки то школы, то армейских будней, лагерных поверок, завода, сына, собак, дворца бракосочетания - бессистемная вереница образов и событий. Петрушевского донимало отсутствие стройной концепции и связной последовательности, хоть и отдавал отчёт: к счёту каких претензий, то тема для сомнолога. Эти обстоятельства множили утренние головные боли и общее недомогание, появившееся после выхода комы. С этими жалобами Дмитрий Сергеевич собирался на встречу с Соболевым. Он позвонил ему и дал согласие на обследование в НИИ изучения проблем природы времени и пространства. Директор был так же вежлив и приветлив:

- Дмитрий Сергеевич, мне бы хотелось, чтобы вы легли в наш стационар на несколько дней, так удобней и нашей лаборатории, да и вам каждый раз тащиться в за полторы сотни километров не придётся. Услуги, как обещал, бесплатные, возьмите только паспорт, страховое свидетельство и полис обязательного медицинского страхования. Так же что-нибудь из сменной одежды: тапочки и всякие мелочи, книги, планшет, зубную щётку. По времени - максимум неделя. За этот период попробуем вернуть вам память и восстановить нарушение мышечного тонуса. И ещё, вы упоминали о вашем автобиографическом романе, не могли бы текст скопировать на носитель и захватить с собой. Теперь запишите адрес центра.

Петрушевский передал разговор жене:

- Свет, одного не могу понять, чего директор со мной так возится, словно важной персоной какой. К заторканому терапевту надо очередь отстоять в поликлинике или три тысячи отвалить платному специалисту и то по записи, ведь так ты рассказывала? А тут в закрытый центр без протекции и бесплатно!

- Сама голову ломаю. Должно быть ты, Петруша, особенный такой. Соглашайся, хуже не будет. Ждали тебя из больницы три месяца, подождём ещё неделю. Ой, Петя, только сейчас вспомнила! - она испуганно взорвилась на мужа, мысленно кляня себя за дырявую память. - Когда тебя увезла скорая, тогда летом, ходила потеряянная

по участку потом зашла в хозблок и посмотрела на этот ящик с всякими электрическими штучками, там ещё счётчик висит.

- И что, - удивился Петрушевский, - это мне смонтировал... не помню, как зовут, но его телефон должен быть забит в трубку. Электрик приезжал несколько раз. Привозил схему, закупал детали, монтировал, теперь не надо выключать генератор, когда подают напругу на линию. Очень удобно, всё срабатывает автоматически. Видишь, это запомнил. Так в чём дело-то?

- А в том, что время на счётчике остановилось на моменте, когда тебя долбануло током!

- Как это? Там электронное табло на строенной батарее. Не может быть такого! Пойдём посмотрим.

В сарае привычно гудел трансформатор, время на табло остановилось на 12:47, дождались, смены показаний даты, аналогичные замершие цифры: 09 - 06 - 16.

- Чепуха какая-то, так не бывает. Когда память восстановится, вызову мастера, пусть проверит избирательную электронику, расход показывает, а время и дату - нет. Ладно, потом разберёмся, а сейчас пора ехать в город.

В Санкт-Петербург долетел на скоростной "Ласточке", от железнодорожной платформы на маршрутке до метро Политехническая. Людской поток вынес его на Тихорецкий проспект. Петрушевский поправил ремень сумки на плече и неуверенно топтался на месте. На улице было зябко и неуютно, Петрушевский озирался, но ничего не узнавал. Достал шпаргалку от Светланы Петровны с расписанным маршрутом от Ланьшевки до улицы Курчатова. А ведь, со слов жены, бывал в этих местах неоднократно. Пока добрался до проходной, где на него был выписан пропуск, замёрз основательно. Это был старый корпус бывшего "Убежища для престарелых неимущих потомственных дворян", после революции переданного институту Иоффе. Петрушевский шёл по коридорам, высматривая нужную дверь. В кабинете директора было тепло и уютно, Соболев пригласил к столу, затем вытащил из сейфа файлик с бумагами.

- Знакомьтесь с договором и расписывайтесь. Отдельно, не удивляйтесь, я порошу вас прочитать расписку о неразглашении и поставить свой автограф. Зачем, объясню позже. Отныне я ваш

главный опекун. Сейчас придёт старшая медсестра, определит вас в палату и ответит на все бытовые вопросы. Позже я вас навещу и поговорим.

Пока Петрушевский с интересом читал бумаги, Соболев снял копии с паспорта, пенсионного свидетельства и страхового полиса. В дверь постучала миловидная дама, на белоснежном халате прищеплен бейджик с надписью “Старшая медсестра восстановительного отделения Прохорова С. П.”. Петрушевский почему-то подумал, что легко запомнит инициалы сотрудницы, поскольку они совпадали с именем жены. Та забрала копии документов и пригласила следовать в палату.

Дмитрий Сергеевич лежал на кровати и смотрел телевизор, когда заглянул Соболев.

- Как освоились? Пообедали? Давайте ваши вопросы.

- Да, спасибо, для меня вообще роскошь отдельная палата или номер, даже не знаю как назвать. Покормили здесь же на месте, мне нравятся ваши удобства и комфорт. Вот и хочу спросить: отчего такое внимание?

- Вы пьёте кофе, Дмитрий Сергеевич? Отлично, значит угадал, сейчас принесут. Внимание к вам такое из-за несчастного случая. Изучая историю вашей болезни, я назову этот случай именно так, не вяжется последствия от поражения током в 220 вольт. В обычной практике, подобные случаи с глубоким коматозным состоянием, крайне редки. Травмы от поражения током бывают при падении с высоты или разряда тока большой силы. Я навёл справки: у вас на участке норма 15 киловатт и трёхфазное подключение к подстанции. Но вы коснулись кратковременно одной фазы и вдруг такие непредсказуемые последствия. Не настороживает? Теперь поясню, наш центр изучает вопросы связанные с перемещением во времени. Специалисты склонны предполагать, что вы случайно или по особому стечению обстоятельств попали в другое измерение, которое физики называют четвёртым. Время является особой субстанцией, плохо поддающейся осмыслению.

Миловидная сотрудница вкатила сервировочный столик с двумя чашками кофе, сахаром и корзиночкой с крекерами. Петрушевский этого даже не заметил и во все глаза смотрел на директора, пытаясь уяснить разыгрывает его учёный или обращается на полном серьёзе.

Базовые знания из подкорки никуда не исчезли, как и инстинкты. Дмитрий Сергеевич страдал от амнезии, которая отняла долговременную память и разорвала цепочку событий. А тут какая-то фантастика: четвёртое измерение, перемещение во времени.

- Сказать по правде, Виктор Сергеевич, я пока ничего не понял. Просто объясните зачем я понадобился?

- Объясняю, в содружестве с нейрохирургами, мы вплотную подошли к решению вопросов, поставивших науку на новую грань. Это открытие для всего человечества! И вы часть этого эксперимента, вот в чём особенность вас, как путешественника во времени. Мы вернём вам память и узнаем, что произошло с господином Петрушевским, как биологическим объектом. Создавать подобные условия для добровольцев пока очень опасно, но раз с вами переход совершился, то позвольте предложить вам роль такого испытуемого? Поверьте, сейчас вашему здоровью, тем более жизни ничто не угрожает.

- Господи, да откуда вам известно, что я куда-то путешествовал во времени, а не просто валялся без сознания на больничной койке?

- Знаю, Дмитрий Сергеевич! - как-то излишне убеждённо, глядя в глаза перепуганному на смерть Петрушевскому, чуть не выкрикнул Соболев. - Но говорить не стану, вы сами разберётесь в процессе исследований и перестанете мучить меня расспросами. Уж поверьте на слово директору крупнейшего в мире центра подобной тематики. А сейчас пейте кофе и не зацикливайтесь на технических моментах. Завтра начнём с энцефалограммы, навестим психиатра и других специалистов. Вы же подписали контракт на обследование.

Видя, как напрягся больной, Соболев попытался разрядить обстановку:

- Не переживайте, трепанацию черепа делать не станем, клянусь своим научным званием. Да, шучу я, дорогой Дмитрий Сергеевич, мы с вами служим российской науке, отечеству, тут гордиться надо, а не мандражировать. Хотите коньячку? Отлично, тогда пройдёмте ко мне в кабинет и позволим себе по рюмочке, но так чтобы подчинённые не узнали.

Петрушевский улыбнулся, чёрный юмор Соболева сбил нервный настрой, а хороший коньяк очень даже в тему. Страх неизвестности сменился интересом: чем чёрт не шутит!

5. Способ повлиять на ситуацию

После двух рюмок отличного армянского коньяка “Наири” и подробных разъяснений Соболева, Дмитрий Сергеевич расслабился и вконец успокоился. Возвращаясь по коридору в свою палату, он подумал, что это скорей дорогой гостиничный номер. Небольшой по площади, но с джакузи, отдельной душевой, правда совмещённой с туалетом, шикарным двухкамерным холодильником, микроволновкой, музыкальным центром, плазменным телевизором и прочими радостями бытового достатка. Позвонил жене и поведал без подробностей о четвёртом измерении и новой роли путешественника во времени.

- Света, тут так комфортно, не то что в Выборской больничке. Не палата, а люкс в дорогой гостинице. Завтра начнутся обследования и процедуры. Поболтали с Соболевым, классный мужик, даже коньяком угостили. Ой, извини, ужин привезли, завтра позвоню с утра.

Он отключил мобильный и с интересом стал разглядывать вечернюю трапезу. Девушка, развозившая ужин, мило улыбнулась:

- Приятного аппетита!

- Спасибо, а вы не расскажете что на ужин, я имею в виду названия блюд, - виновато улыбнулся, - всё стёрлось в голове после комы, будь она неладна.

- Конечно, Дмитрий Сергеевич! Это овощное ассорти с ароматной зеленью: сладкая паприка, свежие огурчики, томаты. Холодная телятина с печёными кусочками картофеля, каперсами и ялтинским луком. Чесночные крутоны, то есть поджаренный хлеб и чай с лимоном и нашей выпечкой.

- Однако! Наверно так кормят в ресторане?

Миловидная особа вопрос не услышала или не захотела отвечать:

- Меню согласовано с диетологом, правильное питание полезно как для здоровых людей, так и для клиентов вроде вас. Кушайте на здоровье.

Сотрудница, одетая по больничному в двухцветный блузон и свободного покроя брюки, отметилась ещё одной улыбкой и закрыла за собой дверь.

Обследования мало чем отличались от процедур в институте Бехтеревой. Обычная рутина с анализами, энцефалограмма с датчиками на голове, МРТ сосудов головного мозга. Дальше тесты у психиатра и тщательная диагностика. На третий день встреча с гипнологом и собственно процедуры восстановления, сводящаяся к установкам под гипнозом. И, наконец, что-то новенькое: путешествие по коридорам в особую лабораторию. Петрушевского сопровождал сотрудник центра, которого до сих пор не встречал. Дверь открылась бесшумно, но было видно по толщине брони, насколько массивна преграда, отделяющая лабораторию от внешнего мира. В зале на постаменте возвышалась установка, напоминающая магнитно-резонансный томограф. Петрушевского встретил Соболев в белом халате и уже знакомый доктор.

- Здравствуйте, дорогой Дмитрий Сергеевич. Сегодня для вас начнётся главный этап восстановления. Экспериментальная установка поможет нам с вами восстановить память. Напоминает томограф, вы должно быть так и подумали? На самом деле это устройство с помощью которого мы управляем временем, если угодно - та самая "машина времени" о которой вы читали в детстве у Герберта Уэллса, а позже в научно-популярных журналах. Я беру это название, как условное.

Петрушевский замер с открытым ртом, вопросительное выражение лица сменилось на испуганное:

- Здравствуйте. Но про машину времени вы ничего не говорили?! Слушайте, мне опять страшно. Объясните, наконец, что вы собираетесь делать. Я думал диагностика, уколы там всякие, гипноз, но вот это тут причём?

- Опять вы, батенька, за своё: боюсь, боюсь! Мы позавчера долго говорили на эту тему в кабинете, я доказывал, что никакой опасности для здоровья. Мы просто воздействуем на вашу память и пройдёмся, образно выражаясь, по её закуткам и переулкам, где спрятались ваши прошлые воспоминания. Помните, я рассказывал: утверждение о том, что способности человеческого мозга используется лишь на десять процентов, всего лишь миф. Современная наука отказалась от такой теории, с другой стороны, несмотря на то, что функции многих отделов мозга уже понятны, для учёных остаётся загадкой взаимодействие клеток, приводящее к сложному поведению и расстройствам. А мы с помощью опытного образца эту загадку

откроем.

- То есть - это не в прямом смысле машина времени, а устройство для возвращения памяти?

- Вот именно, мы так в шутку называем свой аппарат. Прошу вас присядьте, оденьте бахилы, наш оператор и врач сделает вам инъекцию и на штурм памяти. Алексей Андреевич, прошу.

Петрушевский присел в кресло рядом со столиком и не видел, как за его спиной усмехнулся проводник, а Соболев показал ему кулак. Доктор сделал укол в вену, затем проводил к капсуле. Процедура знакомая, Петрушевский собрался снять себя цепочку и часы, но Алексей Андреевич остановил его:

- Нет, нет, ничего не снимайте, тут задействованы совсем другие физические принципы работы. Просто ложитесь на стол, дальше как в томографе: заедете в рабочую зону и просто отдыхайте, а комплексная инъекция поможет вам расслабиться.

Петрушевский уже почувствовал мягкое обволакивающее действие препарата, кряхтя взгремоздился на пластмассовое ложе, положил голову на удобную подушку. Стол двинулся в мрачное чрево с обычным пластиковым сферическим верхом и встроенной видеокамерой. Последнее, что он успел разглядеть, прежде чем стол полностью зашёл в туннель, как с потолка медленно опускается огромный непрозрачный куб.

- Как себя чувствуете, Дмитрий Сергеевич? - голос Соболева проникал из скрытого динамика. - Отвечайте, я вас услышу, наверное в сон тянет, не сопротивляйтесь, лежите спокойно, аппарат всё сделает.

- Первый, чувствую себя хорошо, приём.

- Шутите, это хорошо. Теперь я за вас спокоен, закрывайте глаза и ни о чём не беспокойтесь.

Соболев устроился за пультом. На сосредоточенном лице учёного отражались отсветы мерцающих индикаторов и свет экранов мониторов, на которых мелькали различные данные, пальцы лежали на клавиатуре. Директор давал команды участникам эксперимента.

- Леша, показатели?

- Норма, Виктор Сергеевич.

- Ну, раз медицина даёт добро, тогда с богом! Запускаю программу.

Большой палец уверенно вдавил “enter”, на экранах медленно поползли вереницы чисел, тихий гул пошёл от короба закрывшего от наблюдателей капсулу - заработала система вентиляции. Испытатели вглядывались в экраны. Соболев бросал взгляд на электронные часы с тремя разными датами. На зелёном табло высвечивалось: 14.11. 2016, 13:45, на красном: 03.04.1968 и на синем 16.06.2016. Наконец на красном цифры тронулись и замелькали так быстро, что взгляд не успевал фиксировать дату и время.

- Ждём. Лёша, не в службу, а в дружбу, завари чаю. Это часа на два, а может больше.

...Петрушевский оказался в ленинградском трамвае, сидящим на деревянной лавке внутри вагона и прокручивал события мгновения до того, как оказался здесь. Дача, компьютер, хозблок, электрощиток, вспышка. Вновь любимый город, сумка с учебными принадлежностями, школьная форма, свой класс, лица учеников, учитель литературы. Дальше быстрая смена картинки и словно на видеомонтаже морфинг картинки. Всё стремительней захват новых лиц, предметов, улиц и уже похоже на лёгкое помешательство...

Начальник и его подчинённые успели выпить чая, в который раз проверить показатели состояния Петрушевского, нагрузочных данных на систему и массу других параметров. Видеоизображение отсутствовало, что впрочем не очень расстраивало учёных, поскольку и предполагалось в рамках испытаний. Звуковой сигнал слабо тренькнул - красное табло погасло, затем помигало синее и тоже потухло. Короб медленно пополз вверх. Все кинулись к экспериментальной установке. Из тоннеля капсулы автоматически выехал стол. Петрушевский зашевелился, разогнулся и скинул ноги со стола. Внешне он выглядел словно болельщик после футбольного матча, закончившегося победой любимой команды. Это был не испуганный подопытный, а восторженно-возбуждённый, энергичный и исполненный радости триумфатор.

- Обалдеть! Я всё вспомнил, всё! Ты представляешь, Сергеевич! Всё и даже больше.

Ассистенты переглянулись - такой фамильярности больные не должны проявлять. Но начальник и глазом не повёл. Было заметно,

как он взволнован. Он потрепал Петрушевского по плечу и бодро отреагировал:

- Вот и славно, молодец Дима. Сейчас тебя осмотрит Алексей Андреевич, потом ко мне в кабинет и подробненько всё изложишь. - Соболев обернулся к врачу. - Медицина, вперёд!

6. Момент истины

После медосмотра и короткого променада по коридору, за ними закрылась дверь кабинета и мужчины остались наедине. Петрушевский, не подготовленный к таким воспоминаниям, испытывал что-то вроде эйфории. А как же: память вернулась, а с ней старинный приятель, в силу ряда обстоятельств, выпавший из круга друзей много лет назад.

- Ну, что узнал, чертяка! Думал не дождусь! Иди сюда, путешественник.

Соболев и Петрушевский обнялись. Пожилые люди дали волю своим чувствам. Виктор Сергеевич достал свой замечательный коньяк, фужеры и блюдце с дольками лимона.

- А я всё думаю, чего это он меня так рассматривает. Кабы знать, тут вообще всё перемешалось, голова идёт кругом. Но теперь точно помню нашу первую встречу в Большом доме, как ты меня вербовал, государственный человек!

- В кино вербуют, у нас склоняли к сотрудничеству. Давай за встречу. Вчера ты представлял собой просто больного, не молодого человека и вроде как посторонний. А сейчас уже посвящённый в свою историю с восстановленной памятью участник ответственного эксперимента. Гордись, ты пока первый после амнезии с таким блестящим результатом. Теперь давай рассказывай подробно и по порядку. Что запомнилось в первую очередь?

Мужчины чокнулись, выпили. Петрушевский вяло жевал дольку лимона и обуреваемый обрушившимися чувствами, подробно изложил свои впечатления, местами путаясь и сбиваясь. Директор, внимательно слушал пациента, не перебивал его и не торопился нарушить молчание, когда Петрушевский казалось полностью выговорился, быстро добавил:

- Ты знаешь, я словно зритель в кинозале за просмотром исторического, фильма, где сам в главной роли. Отдельные картинки,

с настающей скоростью сменяющие друг друга. Элемент присутствия какой-то ирреальный: вроде со мной и вроде нет. Ну, ладно, главное память вернулась. А теперь ответь мне, чего я делал в коме три месяца?

Соболев лукаво усмехнулся:

- Здесь ты лежал без сознания. А в прошлом, проживал свои сорок восемь лет до злополучного хозблока. Почему так случилось мы пока объяснить не можем, - Соболев поправил свою роскошную оправу и улыбнулся. - Загадками говорю? Придётся тебя немного просветить, давай ещё по бокалу. Твоё здоровье! Итак, время - есть четвёртое измерение. Оно не видимо и не меряется сантиметрами и километрами. Время вокруг нас ощущается людьми не только, как бесконечное проживание в секундах, часах и годах, но объективная форма существования бесконечно развивающейся материи. Материя эта, есть особая субстанция, которой можно управлять. Кроме того, время способно сжиматься и растягиваться. Если не понятно, принимай на веру. Теперь дальше: у времени, как физической величины, есть свои особенности и законы. Есть, так называемые, временные узлы, которые у обывателя ассоциируются со сном, потерей сознания, потерей памяти. В такой узел ты и попал.

Соболев перевёл дыхание. Дмитрий Сергеевич пытался проникнуться необычной информацией, не перебивал. Было видно, что плохо воспринимает объяснения учёного, а свои метаморфозы в так называемой субстанции времени и вовсе считает научной фантастикой.

- Слушай дальше! Ты попал в такой узел, а спровоцировал бросок в прошлое удар током. Наличие подстанции в сорока метрах на одном векторе с распределительным щитком и силовым кабелем, что явилось детонатором для процессов, которые современная наука до сих пор точно не может объяснить. Подобными процессами мы управлять уже можем, но физика, или лучше сказать природа явления до конца не изучена. Ты был отброшен назад в апрель 1968 года и начал заново проживать вплоть до наших дней. При этом с уже известным сценарием будущего и знаниями, накопленными ранее. Почему так произошло? Да просто совпадение, такое в жизни случается, но не с одним тобой и крайне редко. В прессе и на телевидение периодически освещаются истории в рубрике происшествия, когда бесследно исчезают люди, но иногда

возвращаются, правда ничего не помнят, как некоторые, - директор выразительно посмотрел на Петрушевского.

Дмитрий Сергеевич вслушивался в речь учёного, сознание дробилось на фрагменты воспоминаний из прошлого, картинки недавнего посещения лаборатории, вход в установку, реакцию окружающих. Ему явно требовалось время на осознание скорректированной реальности. Последние слова Соболева понятны и, в свою очередь, всколыхнули когда-то впитанные рассказы, телепередачи, статьи.

- Помню подобные публикации, журналюги валят всё на инопланетян, а иногда склоняются к туннелям времени. Примерно так и рассуждал, когда меня “выкинуло” в прошлом. Почему-то вспоминал Моргана Фримена с канала “Дискавери” с “кротовыми норами”, фантаста Бредбери и его рассказ про раздавленную бабочку. Мои познания здесь весьма ограничены, не дальше журналов “Наука и жизнь”, “Техника молодёжи” в прошлом и экрана телевизора в настоящем с “Нэшнл джеографик”. Про пришельцев, хронопутешественников и всякую подобную тематику вещает РенТВ, кажется они о полтергейсте и исчезновении людей трещали.

- Вот именно! Такие случаи встречались в прошлом, в настоящем и будут повторяться. Учёные имеют свой взгляд и стараются понять подобные аномалии. А у церкви иное видение, религиозные деятели и адепты веруют в Создателя, в неприкаянные души мечущиеся между раем и преисподней. Вариантов масса, например ведические знания о параллельных мирах, телепортация. Что касается изменения поступков в противоход заданной программе природы, то поверь мне, это болтовня. Учёные давно знают о парадоксе времени, которое не позволит изменить реальность. Если попаданец, наложит на себя руки, природа времени подстроится под эту брешь и создаст полноценную замену по принципу сообщающихся сосудов. Мы атомы в бесконечно большом пространстве Вселенной, где царит абсолютная соразмерность и порядок времени. Это у человечества бардак, а там вечная математическая гармония! Убедил?

- Ну, как-то понял, Виктор Сергеевич, но так и не рассказал, каким образом вернул мне память, опять комитетские секреты?

- Нашёл что вспоминать, моя служба “Конторе” давно в прошлом. Это так к слову, чтобы ты не подначивал старого товарища.

Теперь сам ответь: что делаешь, если компьютер зависает?

- Как правило перезагружаю или в настройках роюсь.

- Вот сам и ответил: мы перезагрузили твою память. Сделать это смогли на экспериментальной установке, в которой ты сегодня почивал на мягкой подушке, - оба рассмеялись. - Без подробностей добавлю: тебя ненадолго перенесли в то время, чтобы память вновь заработала и “быстроенько” вернули в наши дни с уже реконструированными воспоминаниями. Я даже не спрашиваю, что ты чувствовал, с уверенностью отвечу: ничего, просто поспал немного. Я не прав?

- Верно, ничего не помню, какие-то образы и картинки мелькнули, затем выкатился к вам на руки, - Петрушевский улыбнулся. - Значит всё-таки машина времени? А почему так быстро?

- Слушаешь меня не внимательно! Объяснил: время способно сжиматься и растягиваться. Что толку, если я сейчас начну писать формулы и сыпать научными терминами? Прими на слово: время в нашем измерении тянется годами или десятилетиями, как в твоём случае, а в четвёртом измерении значительно быстрей. Важен результат, остальные подробности тебя не касаются и своим близким не трепли - просто процедуры и гипноз, понятно?

- Да, красиво излагаешь, недаром кандидат математических наук.

Соболев вновь усмехнулся, достал из ящика стола карточку и протянул Петрушевскому.

- Держи, это представительская визитка вместо той рабочей.

На пластмассовой поверхности, в обрамлении позолоченной рамки, красовалась надпись: “Соболев Виктор Сергеевич, действительный член Российской академии наук, доктор физико-математических наук”.

- Солидно, сразу видно, попал в надёжные руки.

- Ещё в какие надёжные, оттого и занимаюсь твоей особой, как в те годы. Пользы ты принёс немало, попутно спас мне жизнь... Вот если бы не твой шебутной характер. Ладно, иди отдыхать, завтра изучим тебя ещё разок, займёмся воспоминаниями, обсудим план мероприятий, а там домой к жене и твоим любимцам.

Прежде чем уйти в свою палату, Петрушевский хлопнул себя по

лбу ладонью:

- Витя, я тут допытывался про свой бросок в прошлое, ведь всё началось в хоздлобке и совсем забыл тебе рассказать про электрический счётчик рядом с распределительным щитом. Сам-то ничего не знал, это жена поведала: на панели время зависло с момента аварии, число и дата тоже. Может это как-то связано со случившимся, ты ведь рассказывал про временные узлы и всё такое? А не может быть мой сарайчик условным пространственно-временным порталом?

Петрушевскому показалось, что начальник слегка напрягся, он вопросительно смотрел на Соболева и ждал ответа.

- Ничего сказать не могу, Дима, давай как-нибудь потом. У нас график работы напряжённый, выберем время и съездим к тебе на дачу, я себе помечу: прислать техников к Петрушевскому, может и сам заеду, если пригласишь.

- О чём речь? Конечно приезжай, вот только звонить на нашем прежнем знакомстве не стану.

- А вот это правильно. Мы тебя лечим всякими процедурами и препаратами без всяких подробностей. Впрочем, мы об этом уже договаривались в начале эксперимента. Иди, отдыхай.

7. Диалог

Утром следующего дня Соболев сам заглянул к подопечному. Дмитрий Сергеевич валялся на кровати и пялился в экран монитора; “говорящие головы” энергично вещали про обстрелы Донбасса, войне в Сирии, терактах в Европе, некстали выпавшем снеге в Западной Сибири и прочих “бодрых” новостях. Взгляд бездумно скользил по бегающим и дёргающимся фигуркам спецкоров, озвучивающих на полном “голосовом форсаже” свои репортажи. Петрушевский мысленно был далеко и не сразу среагировал на появление куратора из прошлого.

- О чём задумались, больной?

- От воспоминаний голова трещит, Виктор Сергеевич. Что-то тут не так, словно две одинаковые биографии накладываются. Что-то не срастается. Всего конечно не упомнишь, но узловые моменты разнятся по восприятию, поступкам, последствиям.

Соболев подхватил стул, приставил к постели и грузно

приземлился.

- Ну-ка, ну-ка, излагай свои проблемы, ведь я как раз по этому поводу зашёл поговорить, да лежи ты, успеешь набегаться.

- Значит так: всё что было до моего возвращения из будущего вопросов не вызывает, но дальше словно скорректировали поступки. С одной стороны перед глазами жизнь по страницам автобиографии, словно писал очень близкий человек с моих слов, с другой - моя восстановленная память в реальности последующих лет, но уже сохранёнными знаниями. Как так может быть, словно проживали два человека, в одном теле. Бред! На вскидку разнятся выступления нашей группы "Феникс", драка в школе, которой не было в романе, откуда встреча с Путиным, бухалово по поводу и без, курил - это да. Завод какой-то смазанный, словно со стороны, путяга, люди вокруг, служба в армии, музыкальное училище, класс ударных, ведь не было этого. Завод, институт, одни вопросы. Но главное, что я тебе сейчас скажу: я вёл записи в общую тетрадь. Зелёную такую, за сорок четыре копейки, помнишь, продавались в каждом канцелярском магазине.

Соболев вскинулся, гневно сверкнул глазами, стало заметна его нервная реакция на откровения подопытного пациента. Явно сдерживаясь, стальным голосом осведомился :

- И где же эта тетрадь, летописец ты наш, ненаглядный?!

- А я помню? Точно записывал несколько лет, сперва подробно, потом, ради экономии места отмечался фрагментально, узловыми событиями. Не знаю! Искал после освобождения. Куда-то сунул перед подсадкой, не повезёшь ведь в зону подобные откровения: "господа-товарищи, я из будущего"! Каждый день шмон, объясняй потом куму, что я писатель, а текст - всего лишь дневниковые записи фрагментов будущего фантастического романа.

- Да как ты мог вообще позволить такую вольность?! Ведь была договорённость: язык на замке, а ты такой компромат держал, молодец, ничего не скажешь! Подпись забыл, эта тайна принадлежит не только тебе. Чёрт тебя дери, подставлялся ежедневно!

- Ну, держал! Я - особенный, вольности должны с рук сходить, не всё вас, комитетчиков, слушать. Я словно подопытный кролик и тогда был и вот сейчас, опять тайны! Виктор Сергеевич, с тобой как

на духу, а ты мне предъявлять. Да пошёл ты!

В глазах Петрушевского плескался гнев, вызванный не только непредсказуемой реакцией куратора, но страхом и неопределенностью. Соболев жестко осадил приятеля:

- Давай без истерик! Что в той стране, что в этой: ты обязан подчиняться законам социума. Государство, это система, ты её винтик, пусть и не такой как все. Повторяю, обязан служить родине, как бы пафосно не звучало, помогать науке и спецслужбам. За тобой ухаживают, врачи бегают, память вот вернули, а ты тут капризничашь: кролик он подопытный! Ты, Дима, избалованный и амбициозный гость из будущего, сколько я с тобой возился и разруливал твои “подвиги”, забыл?

- Я на Литейный не сам пришёл, ты меня чуть ли не за шкирку притащил и выбора не оставил. Жил словно под домашним арестом, а что я натворил-то?! Это не моя вина, а промысел Божий или ещё какой. Вернул память, спасибо! Но попрекать зачем, чай не пацан, давно уже седьмой десяток разменял. Тебе самому поди уже за семьдесят.

- Семьдесят два года, уважаемый “гость из будущего”.

В кабинете повисла тишина, каждый по своему переживал сказанное. Вновь заговорил Соболев:

- Ладно, проехали. Давай не будем собачиться. Прочитал твои воспоминания, пишешь интересно, вроде знаю о тебе много, а оказалось далеко не все, вот разволнился. Записей о наших отношениях ровно никаких, как и упоминаний о будущем. Другими словами, у меня складывается впечатление, что ты альтернативного бытия не знал. Все нестыковки в биографии “двух Петрушевских” надо систематизировать и что-то решать. Хочу тебя использовать в опытах нашего центра, не возражаешь. Или обиду затаил?

- Нет, конечно, не суди строго больного человека, - Петрушевский заулыбался и протянул руку, - возраст, да нервишки не к чёрту, сам понимаешь.

Соболев встал и пожал протянутую ладонь. Петрушевский легко соскочил с кровати и стал натягивать спортивный костюм.

- Товарищ старший лейтенант, агент по особым заданиям к продолжению службы готов!

- Послушай, агент, ты чего же меня так низко ценишь: я полковник запаса с выслугой более тридцати лет. Пошли в мои “хоромы”, там удобней продолжить дружескую и тёплую беседу.

- Да неужели, а чего не генерал, Сергеевич? Впрочем, за тебя рад, а у меня в военном билете старший сержант всего-то, но против дружеской, да ещё и тёплой беседы не имею ничего против.

Пожилые люди рассмеялись и направились к выходу. “Хоромы” директора встретили учёного и его “подопытного кролика” атмосферой, исполненной на решение важных научных задач. Петрушевский красноречиво посмотрел на дверцу серванта, откуда хозяин кабинета доставал в последний раз бутылку коньяка. Соболев перехватил взгляд и приструнил:

- Дмитрий Сергеевич мы пришли делом заниматься, а не квасить. Теперь слушай, - он подошёл к пластиковой доске и взял в руки маркер и провёл горизонтальную прямую линию. - Я рисую точку возврата в отрезок, где ты уже побывал. Обозначу апрель 1968, теперь исходную - ноябрь 2016. Мы рассчитываем условное “время в пути”, а на самом деле создаём “чертоточину” или другими словами провал. В капсуле отдыхать уже не будешь, а объявишься ровно в те моменты, когда увидел несовпадение. Для этого постарайся точно воссоздать по памяти те парадоксы. Это сложный эксперимент, работаем поэтапно, будешь корректировать свои действия, повлиявшие на ход событий.

Соболев провёл от первой точки параллельную черту, затем разбил её на несколько частей.

- Ты же говорил, что цепная реакция возникающая из-за нарушения порядка причинно-следственных связей отсутствует, её нивелирует время? Как ты можешь знать, что изменилось, а что нет в нашем мироустройстве.

- Говорил. Но то в теории, а на практике мы обязаны избежать случайностей и попробовать удалить из истории Петрушевского, навязанные изменения из-за его разболтанности и неумения оценивать ситуацию. Я не утверждаю что мир изменился, а если и изменился, мы знать не можем, как именно. Ты сам поведал на беседах, кто будет первым президентом, когда развалится СССР, каким путём пойдёт новая Россия во главе с твоим давним знакомым и массу других подробностей. Всё это зафиксировано в документах и

лежит в архиве спецслужб. Как знать, может повлияли другие попаданцы? Вот и надеюсь с твоей помощью разработать систему эффективных способов удаления ошибок. Напомню, место, где ты находишься, называется “центр изучения проблем времени”. А изучение предполагает влияние и управление. Иди сюда и пиши, разберём по косточкам: я - аналитик, ты - исполнитель.

- Блин! Но как я всё вспомню? Я же никого не убивал, не устраивал терактов, не строчил доносов и подмётных писем в органы.

- Дима, не передёргивай, вспоминай, что ты там про драку рассказывал, может ты парню мозги набекрень поставил и кардинально изменил его судьбу. Как его фамилия, помнишь?

- Такую не забудешь - Юрий Сноб. Докопался до меня в туалете и схлопотал слегонца.

- Да ты что! Ведь этот парень на тебя телегу накатал в милицию, по сути раскрыл твой статус, оттого заявление перенаправили в наш отдел и последовала цепная реакции. Спустя столько лет могу открыть тебе эти подробности. Считай, он нас с тобой познакомил, вот тебе и причинно следственные связи! Нет, этот эпизод трогать не будем. Что ещё тебя коробит?

8. Коррекция

- Спрашиваешь, что ещё коробит? Да, много чего, например, ввод советских войск в Чехословакию, нелепая гибель Гагарина, идиотский жребий из-за которого советская сборная не попала в финал чемпионата Европы по футболу, крушение советской подводной лодки К-129 и гибель всего экипажа и много чего. Это только в 68-м году. Всего не помню, но если покопаться в истории, то правящая верхушка в купе с политиками столько всего натворила во вред себе и потомкам.

Петрушевский оборвал свою тираду. Соболев морщился и нервно крутил маркер. Он смотрел на старого приятеля, в глубине души рождалось сомнение в правильности выбора испытателя. Москва запрещала личное участие в любых экспериментах, его место руководить и отвечать за опыты. Дима подвернулся весьма кстати, ведь теперь начальник мог доверить своему подопечному, не только программу по проверке теории “эффекта бабочки”, но и кое-какие личные задачи, спрятанные глубоко от начальства и смежников из ФСБ.

- Дима, ты чего, издеваешься? Речь пока о тебе и моём доверии для проведения ответственного испытания по коррекции ряда незначительных событий в твоей прошлой жизни. Этот эксперимент необычайно важен, а в случае успеха, может послужить толчком к более радикальным изменениям каких-то событий. Не будем забегать вперёд. Мы убедились, что человека, в данном случае тебя, можно транспортировать в заданную точку и возвращать назад. Изменяя структуру четвёртого измерения, влияем на время. Когда-нибудь Россия объявит на весь мир, что путешествие во времени больше не фантазия, а реальность. Это покруче любого атомного арсенала, мир изменится. Представляешь, какие у тебя возможности?! Откуда у тебя этот шрам, над глазом?

Соболев показал на правую бровь Петрушевского. Тот от неожиданного перехода замер, потом нехотя ответил:

- Если память не изменяет, итог потасовки во время концерта на свадьбе. Из-за чего сцепились не помню, это были курсанты из артиллерийского училища. Сняли офицерские ремни и в атаку, вот пряжкой и приложили. Отлично помню, как поддатый и залитый кровью приполз после драки домой и был большой переполох. А что?

- А то, вспоминай дату. Попробуем это достоинство, что украшает мужчину, убрать: если точно будем знать дату, отправим в тот день и ты не станешь ввязываться в потасовку, облечённый нынешними знаниями поставленной задачи. Ясно выразился? Тебе интересно?

- Конечно интересно. Точно не вспомнить: осень шестьдесят восьмого, может сентябрь или начало октября.

- Главное, что уже после твоего апрельского прибытия. Вот и задание: избежать драки, а по возвращению посмотрим на твою бровь. Что скажешь?

- И что! Вот так просто? Отыграл на танцах, под пряжку не попал и дефект без всякой пластики пропадёт?

Дмитрий Сергеевич озадаченно посмотрел на начальника:

- Факт потасовки останется в памяти, но без телесных повреждений? А сам-то веришь?

- Посуди сам, факт есть объективная реальность. Не будет шрама тогда, не будет и сейчас. Вот и посмотрим. Надо только время

подобрать точнее, а то застрянем на недельку другую, а в событие не попадёшь. Может посмотрим мемуары, ты там много про свой “Феникс” вспоминал.

Соболев открыл ноутбук, достал флешку и запустил файл. Оба склонились над экраном, Петрушевский подсказывал, место по тексту.

- Вот, есть! “Накануне седьмого ноября мы отыграли свадьбу в общежитии, что на улице Скороходова. Запомнилось это выступление двумя событиями: я порвал кожу на малом барабане, а затем порвали кожу на моём лице. Подрались с курсантами уже на улице после танцулек, те скинули ремни и пошли в атаку, используя атрибут обмундирования будущего офицера в качестве довольно опасного оружия. Пряжка рассекла мне правую бровь, кровища натекло много...”. А ты говоришь в сентябре, спасибо ретроградной памяти прежнего Петрушевского. Готовься, Дима. Сейчас попрошу ребят рассчитать задание для программы и вперёд!

- Постой, Витя! Значит я перемещаюсь в 6 ноября 1968 года и избегаю драки? После чего исчезнет шрам, а значит и скорректируется запись в мемуарах? А как же я смогу существовать в своём теле, зная, что я из будущего направлен для неучастия в рукопашной, то есть я буду обладать особыми знаниями из сегодняшнего дня? А затем как ни в чём небывало вернусь в лабораторию? Что-то у меня ум за разум заходит, поясни.

- Две одинаковых личности существовать вместе не могут, помнишь я рассказывал о защите временной последовательности, где парадокс времени исключён. Другое дело поток сознания, а это совсем иная материя, где заложенный в нас алгоритм поступков может меняться, а то и просто отсутствовать, оставляя место инстинктам. Очень условно приведу для тебя такой пример: ты много лет назад написал портрет и забыл про него. И вот случайно нашёл картину на антресолях и решил её переделать. Прошло много лет, но ты сейчас меняешь прошлое: цвет глаз сделал другой, пририсовал усы и очки. Аналогия с нашим экспериментом условная, но здравая и вполне реализуемая. Тот Петрушевский без каких-либо мотиваций не станет участником побоища и сохранит лицо, а ты просто очнёшься в капсуле и продолжишь своё существование в этой реальности.

Соболев по растерянному лицу друга, понял, что осознание сказанного когда-нибудь состоится, но явно не сейчас. Учёный

махнул рукой и добавил:

- Забей, как сейчас принято говорить, доверяться дяде Вите. Есть частности, которые я сам не в силах понять, но на наш эксперимент это никак не повлияет. Отдыхай пока, тебя позовут. А завтра, как обещал, домой к Светлане и собакам.

Дмитрий Сергеевич медленно шёл по коридору, раздираемый противоречивыми мыслями и предположениями. Значит можно попробовать изменить историю! Эта мысль полыхнула в голове и мгновенно породила множество вариантов. Во-первых: убрать тюремный срок, а точнее свой косяк в прошлом, послуживший детонатором цепной реакции советского правосудия. В памяти всплыла сцена покупки пистолета и последствия той истории. Во-вторых: надо стать финансово независимым, то есть найти способ хорошего легального заработка и встретить перестройку состоятельным гражданином. В-третьих: как-то изменить историю не только свою, но родственников, общества, системы. Водоворот фантазий внезапно отпустил Петрушевского: ведь ещё ничего не ясно, а вон как губу раскатал.

Через два часа в палату постучали, пришёл Алексей Андреевич. Дальше всё повторилось по знакомому сценарию: стальные двери, укол, капсула и безвременье. Для Петрушевского провал прошёл незамеченным. Он не мог видеть волнение Соболева и нервно сновавших у пульта ассистентов. Наконец, стол с пациентом медленно выехал из туннеля. Дмитрий Сергеевич поднялся с ложа и немедленно ощупал место, где досадной помехой десятилетия украшал шрам над правой бровью. Три пары глаз впились в растерянное лицо Петрушевского, не сдерживаясь зааплодировали и радостно зашумели.

- На, любуйся! - и Соболев протянул путешественнику зеркало. - Вот оно, будущее без пластических хирургов, которых мы оставим без работы, без досадных последствий и прочих косяков. Поздравляю, Дима, у нас всё получилось!

Через десять минут они уже сидели в кабинете директора. На этот раз Соболев не замедлил открыть дверцы серванта и достать уже ставшую традиционной бутылку коньяка. Он разлил коньяк, умело поворачивая горлышко, тем самым стряхивая капельки в фужер. Тонкий аромат алкоголя разнёсся по помещению. Чокнулись.

- Ты отдаёшь себе отчёт, какое открытие мы с тобой совершили! Исчезновение шрама никак не повлияло на течение жизни и устоявшийся порядок твоего существования. А значит теория “эффекта бабочки” остаётся по большим вопросом. Если точно просчитать последствия и аккуратно подправить отдельные события прошлого, можно управлять историей. Нобелевская премия не за горами! Эх, Дима, ты не представляешь на пороге каких событий мы стоим. Не зря наши пути вновь пересеклись, не зря! А давай-ка проверим твои мемуары, ведь если не было травмы, следовательно, не было и причины отмечать этот факт. Пляски и драку, как второстепенный эпизод, ты мог помнить, а дальше? Открываем ноутбук и смотрим. Ага, читай!

Все четыре предложения о свадьбе, танцах, пробитой коже на барабане, а главное рассечённой брови, исчезли. Абзац не пострадал, а просто уменьшился по смысловому наполнению. Это было так поразительно, оба застыли в немом восторге: наука сделала не просто шажок, а стремительный рывок в освоении эфемерной и неуловимой материи - пространства и времени!

9. Назад в прошлое

Как и обещал Соболев, Дмитрий Сергеевич покинул научно-исследовательский комплекс на следующий день. Официально его выписали, выдав на руки просторный эпикриз о неполном выздоровлении с рекомендациями по дальнейшему лечению и режиму. На словах договорились продолжать эксперименты.

- Дим, это твоё добровольное согласие. На первых порах, за риски выпишу страховые, но готов заключить с тобой соглашение и оформить в качестве сотрудника, а в договоре пропишу “испытатель оборудования”. Вот тебе и работа непыльная на старости лет. Целая эпоха прошла и вновь в одной упряжке, уровень другой, а цель всё та же: победить время.

Жена встретила его на вокзале Выборга. В машине радостный лай домашних питомцев. В родной Ланышевке тишь да благодать: целебный воздух, а главное, это долгожданный покой и уют на седьмом десятке лет. После городской суеты и закрытого стерильного центра, с его машиной времени, сказка какая-то! Дома сели обедать. Светлана Петровна приидирчиво осмотрела мужа:

- Хорошо выглядишь, старый. Не возьму в толк: что-то в тебе

изменилось, а что не вижу.

Петрушевский молча показал на место, где раньше был шрам.

- Тебе что-ли пластику сделали? Да чисто как, никакого следа! - и тут же съязвила, - может меня твой Соболев тоже пригласит?

- Не пригласит, а вот мне работу предлагает в центре. Что-то вроде лаборанта, а заодно периодически проверять здоровье, в основном мозговую активность.

- Я не против, мозговую активность надо обязательно проверить!

Оба рассмеялись, но жена не заметила взгляда супруга направленного в сторону и его серьёзные глаза. Все события за неделю он рассказать не мог, да и никогда бы не стал. Слегка тяготила зависимость от Соболева, его железобетонная убеждённость бывшего куратора, натиск и напор. Петрушевский осознавал собственное слабоволие, зависимость от директора и неспособность отказать тому. Главные перипетии прошлого возникли задолго до знакомства с будущей женой, так зачем ей знать всю эту историю. Прошли в дом, а там радость для собак: хозяин приехал. Началась размеренная загородная жизнь. Через две недели позвонил Виктор Сергеевич:

- Приветствую. Ну как, ты готов?

- Я-то готов, а вот жена может не понять, если я на работе, то как смогу мотаться каждый день в Питер и возвращаться домой? У тебя есть соображения?

- Я об этом уже думал. Попробуй объяснить, что график у тебя не нормированный. Пару-тройку раз в неделю будешь ездить в Центр. В качестве основного аргумента оклад в полсотни тысяч и отдельные выплаты на дорожные расходы, плюс бесплатное обследование, а по мере надобности и лечение. Обязанности: особые заказы по профилю твоей прошлой работы в слесарной мастерской. - Соболев усмехнулся и добавил. - Я надеюсь, что Светлана Петровна не будет тебя подозревать в адюльтере? Или есть основания?

Петрушевский засмеялся, почесал затылок и озорно ответил:

- Да, пошёл ты! Как такое могло прийти в голову о человеке познавшем время. Не суди по себе, а эта твоя грязная химера подозрения - обычный психологический рудимент чекисткой закваски. В преклонном возрасте пора упразднять недостатки. Если

серьёзно, то считай договорились, мне и так, насколько помню, периодически приходится ездить в город, теперь будет дополнительный весомый аргумент.

- Молодец, хорошо сказал: “упразднять недостатки”, а я добавлю и поощрять добродетель.

В начале декабря Дмитрий Сергеевич вновь оказался в проходной на улице Курчатова. Соболев вручил временный пропуск при последней встрече. Петрушевский уверенно прошёл пост охраны. Уже знакомые коридоры, редкие сотрудники в гостинице и, наконец, кабинет директора. Из-за стола поднялся радушный хозяин и крепко пожал руку. После общих слов перешли к делу:

- Садись, держи, это перечень экспериментов, ознакомься. Все вопросы задавай сейчас, потом будет некогда, - Соболев передал несколько проштампованных листков с логотипом исследовательского цента.

- Петрушевский пробежался глазами по тексту, ненадолго задержался в конце списка и удивлённо поднял брови:

- Последним пунктом “особый заход”, это что за тест? И вот ещё пара заданий мне не очень понятных: “пробная доставка” и “подготовка объекта”. Везде стоят сноски и какие-то номера. Давай поясняй, мастер конспирации.

- Ладно слушай по пунктам. Итак, “особый заход” - самый сложный и непредсказуемый эксперимент. Это пробный скачок в будущее! Тут масса неясностей и вопросов. Всё подопытные животные неоднократно программировались на ближайшую перспективу. Возврат стопроцентный, но братья наши меньшие, как известно молчат. Любая попытка повесить на них камеру или другой фиксатор результатов не дают. Просто чёрный фон. Другими словами время не пропускает предметы, приборы или иные вещи. Моя гипотеза: в червоточине возникает парадокс защиты хроноисторического пространства, другими словами, временные закономерности облекают испытуемого в реалии заданного места с предметами данного исторического отрезка, как то одежда, расчёска, часы, блокнот, ручка, или каменный топор, меч, лук со стрелами и так далее. Скажем, улетел Петрушевский в начало человеческой эволюции и очнулся там обёрнутый в шкуру и крепко сжимающим рубило в заскорузлых пальцах, но никак не видеокамеру. Нам надо

проверить это экспериментально без камеры, с ней, в прошлом и в будущем, это и есть “пробная доставка”.

Глядя на взволнованное и сосредоточенное лицо испытуемого, Соболев не мог сдержать улыбки и продолжил:

- Я шучу: в далёкое прошлое тебя не отпустим. Мы исследуем время которое помним, так проще анализировать факты и строить систему испытаний. “Подготовка объекта”, это контакты в прошлом с избранными лицами, которые по тем или иным причинам могут повлиять или вообще изменить что-то по сигналу со стороны. Чтобы стало понятно, ты встречаешься, к примеру, со мной, ну скажем плановый контакт или там день рождения и передаёшь мне информацию которой я не владею. Для меня ты человек из будущего, я ничему не удивляюсь, но фишкой в том, что инфу я передаю из сегодняшнего дня и ты вообще не мог знать её никогда. Например, ты доверительно предупреждаешь меня, что готовится покушение на моего начальника, а мотивировка вполне правдоподобная, типа видел своими глазами, как полковника толкнули под поезд. Эффект отложенной памяти: ты и духом не ведал и вдруг вспомнил, когда увидел Серебрякова. Ведь ты его должен помнить, он заходил в кабинет при нашей первой встрече. А ещё ты спрашивал про цифры, это служебные отметки заданий. Эти папки тебе придётся читать и запоминать. Как тебе такая перспектива, боец невидимого фронта? Словно разведчик, вот только заброска в прошлое и с помощью машины времени. А для удобства, в отчётах, пропишем тебя по псевдонимом “коммуникатор”.

Внутри Петрушевского, в который раз слабо, маякнул сигнал тревоги и страх перед будущими испытаниями. Соболев уловил состояние “коммуникатора” и доверительно-успокаивающее заговорил:

- Дим, я тебе как-то говорил, что подобрать испытателя не так уж трудно, но ты особый. Мы ведь друзьями были, так кому как не тебе доверить важные для страны, для будущего человечества, эксперименты. Это такая честь, быть первооткрывателем, как полёт Гагарина! За свою “телесную оболочку” не сомневайся: тысячи экспериментов и все удачные, а ведь работы начинались аж в 1966 году. Четвёртое измерение вред человеку нанести не может, это не механическое воздействие, не электрические поля, это особая энергия существования космоса! Через червоточину переносишься в ту или

иную точку заданной программы, никаких клонов - просто Петрушевский там и здесь. Короче, ты со мной? Ещё не поздно отказаться, но если смалодушницаешь, будешь потом жалеть весь остаток жизни. Упустить такой шанс - позор, духовная деградация!

Дмитрий Сергеевич на миг задумался: что же сам не лезешь в капсулу, учёный хренов, подобрал подопытного ролика. Но быстро отогнал сомнения и разразил себе: сам трус и хвост поджал, а Витя, не в пример тебе, выдающийся учёный, если надо рискнёт не задумываясь..

- Витя, хватит агитировать “за советскую власть”, я согласен и хорош давить на меня: позор, деградация! Партия сказала надо: комсомол ответил есть! Давай-ка свой эликсир доставай, моралист.

Соболев удовлетворённо хмыкнул и полез за коньяком. Учёный и испытатель сели обсуждать подробности. Время работало на результат, сейчас это прекрасно понимали оба. Петрушевский не мог предполагать чем обернётся его сотрудничество с бывшим куратором. Сейчас дух захватывало от перспективы необычных экспериментов, картинок прошлого и его месте в обстановке фантастических романов будущего, которые взахлёб поглощал в юности.

10. Переброска

- Дима, вот текст, заучи слово в слово, здесь техническая информация для меня в прошлом. Не удивляйся, это суть первого задания. Я специально адаптировал для тебя формулировки, но сам разберусь. Естественно, стану расспрашивать откуда столь специфические познания, но ты человек из будущего, отговоришься, мол нахлынуло неизвестно откуда и решил поделиться. Я не могу сказать будешь ли ты помнить этот скачок, вернёшься расскажешь. Главное, ни в коем случае, не проболтайся об обратной связи. Я могу дров наломать и повлиять на ход экспериментов, а главное, не ровен час, на твою судьбу.

Через час Петрушевский уже лежал в капсуле, пробежался ещё раз по заданию и передал папку директору. Дальше как обычно: свод капсулы, камера над головой, вспышка и провал.

...Петрушевский проснулся словно почувствовал толчок изнутри. Встал с кровати прошёл на кухню, за окном светлело, привычный вид на свою первую школу, рядом старинный дом

бывшего прихода “Сампсониевского братства”. Вдоль дороги рельсы для маневровых паровозов завода “Русский дизель”. За стенкой похрапывали дед с дядей, в женской комнате тихо, семья спит, а вот его что-то гложет. Попил воды, тормознулся в туалете и прошёл в свою комнату. В голове билась мысль оформившаяся в желание обязательно связаться сегодня с Соболевым. И речь пойдёт о технической стороне экспериментов ОЛИБа и ещё более странным показался, тот факт, что Петрушевский уверенно знал эти подробности...

В то же миг сознание вернулось к нему, зашумела вентиляция и стол медленно пополз и вывез на дневной свет Петрушевского, для которого ровным счётом ничего не изменилось, кроме новых ярких воспоминаний. На постамент бодро вскочил Соболев.

- Ну, как там я молодой, не размазал тебя как шпионского прихвостня, выведывающего государственную тайну из сотрудника КГБ и по совместительству старшего научного сотрудника?

- А коньячка нальёшь, хозяин? - весело среагировал Дмитрий Сергеевич.

По сложившейся традиции, они переместились в директорский кабинет и с неизменным “Наири”. Видя нетерпение Соболева, Дмитрий Сергеевич одним предложением разрешил все вопросы:

- Ни хрена я не помню, Виктор Сергеевич!

- Что-то подобное предполагал, значит, помнить должен только я, но тоже плаваю, был ли контакт, не был - сколько времени прошло. А сам как?

- Сам, нормально. В этой реальности все пучком: помню и задание, и капсулу, затем провал и уже выезжаю из машины времени на свет божий. Нужно пересмотреть задание, чтобы мы смогли понять результат, как в эксперименте со шрамом. А если написать на теле информацию?.

Петрушевский хихикнул, он был явно в хорошем настроении. То ли от удачного возвращения, скрыть мандраж удавалось плохо, ведь каждый скачок, как полёт в космос: может вернёшься на землю, а может нет. Возможно скрыл что-то от директора и был переполнен перспективами на будущее. Соболев, как зоркий психолог и внимательный аналитик, это чувствовал, но терзать расспросами испытателя не стал - рано или поздно всплыёт само.

- Кончай дурака валять, Дима, ещё добавь татуировку набить. Не пускает “скачок” лишнее, новое измерение переносит биологию, но облекает объект в антураж заданного места, в смысле одежду, мелочи всякие. Главный инструмент сейчас - память. Давай-ка составлять отчёт. Потом попробуем повернуть время вперёд. И тогда на сегодня вся программа исследований.

Следующий скачок выполняли через полтора часа. Задание совсем простое: заглянуть на день вперёд в точку старта, то есть в зал с капсулой. Для эксперимента установили электронные часы с датой. “Космонавт” уже привычно забрался в капсулу, начался отсчёт. Соболев и сотрудники замерли - подобный скачок проводился впервые. Старт. Петрушевский твёрдо стоял на ногах посередине лаборатории. В полумраке дежурного освещения, Дмитрий рассмотрел постамент и пульт управления. На столике тестовые электронные часы и стопка бумаги. На табло высвечивалось число следующего дня. Нажал на кнопку “стоп”, написал: “Испытание, 15 декабря 2016 года. Старт произведён накануне: 14 декабря 2016 года. Петрушевский”. В следующий миг, всё пропало, раздалось знакомое жужжание и Петрушевский выехал из туннеля капсулы. Всё.

- Как прошло? А теперь помнишь?

- Да, теперь помню. - и Петрушевский рассказал о своих не слишком богатых впечатлениях и записке.

- Ну что, ждём до завтра. Поедешь в Ландышевку или переноочуешь?

- Переноочую, где мне приткнуться? - и он потянулся за мобильным телефоном, чтобы поставить в известность Светлану Петровну.

В палате, которую он принял за номер гостиницы во время первого пребывания в центре, Петрушевский наконец остался со своими мыслями наедине. Предстояло обдумать и просчитать выгоду от сегодняшних испытаний, ведь он соврал Соболеву. Всё он отлично помнил в этом teste, но признаваться директору пока не спешил. А случилось следующее. Они встретились по предложению Соболева в садике Политехнического института, было совсем тепло, оттого они позволили себе присесть на прогретую скамейку. Соболев вопросительно уставился агента:

- Не тяни рассказывай, что там у тебя стряслось, опять подрался?

- То над чем ты работаешь у себя в ОЛИБе пока осуществить не представляется возможным. Для образования дыры во времени, требуется среда создания которой служит оптико-волоконный кабель, а средствами - две “временные линзы”, устройства на кремниевой основе, которые ускоряют перемещение информации по оптоволокну, данные предстают в виде пучка фотонов. Для создание программы испытаний потребуется суперкомпьютер, это залог успешной работы алгоритма. И то и другое пока человечество не изобрело. Кроме того, для нужд лаборатории потребуется энергия, соизмеримая с объёмом потребляемым всем городом Ленинградом. Вот как всё просто, Виктор Сергеевич. Но в будущем всё получится.

- Чего?! Ты откуда знаешь? Я понимаю, что информация из нашего будущего, нахватался верхушек и сейчас мне тут что-то пытаешься объяснить. Я кандидат наук бьюсь с коллективом единомышленников над решением проблемы, тут является пророк-технократ: не торопитесь, ребята, надо подождать сотню другую лет и всё у вас получится. Смысл наших изысканий в том и заключается, мы хотим опередить время и решать эти задачи сейчас.

Молодой учёный выдохнул, видно как он здорово завёлся от небрежно брошенных слов Петрушевского. Оба замолчали, вновь заговорил Соболев:

- А зачем ты мне это рассказываешь, ведь сам ничего не смыслишь в теме?

- Я хотел помочь тебе, думал это важно. Вот вспомнил и высказался, как сумел. Ведь оптоволокно и суперкомпьютеры пока человечество не изобрело.

- Помочь он хотел. Запомни, я решаю, что нужно в настоящее время, а что нет!

Петрушевский сдержался, а так хотелось бросить правду в лицо: “Передаю твои же слова из будущего! Пересеклись мы с тобой в 2016-м году, машину времени ты свою построил и успешно испытал на мне. Тогда мы встретились вновь после долгого перерыва. По твоей инициативе я здесь, ты дал мне такую информацию, чтобы довести тебе молодому и упрётому. Вот такие парадоксы времени или абсурды, если угодно”.

Лежа на кровати Петрушевский спорил с сам собой: не признался, что всё помнит, отчего не раскрыл карты? Так, ведь

директор категорически запретил упоминать о задании из будущего и по логике, он бы уже знал, что я нарушил его вето. Но почему Соболев не обмолвился о той встрече, ведь обязан помнить, старый чёрт. Раз контакт состоялся, то в его памяти должен этот эпизод отпечататься, таким образом Сергеич меня проверяет? Чушь какая-то, шпионские игры. Раздираемый противоречиями, Дмитрий Сергеевич уснул.

Утром вспомнил о своихочных сомнениях. Сейчас главное - результат вчерашнего эксперимента, он с нетерпением ожидал новостей от Соболева. Позавтракал, позвонил жене, затем убивал время тупо пялясь на жидкокристаллический экран телевизора. Мысли были далеко и вертелись вокруг своей маленькой лжи, которая, как известно, порождает большую. Наконец влетел запыхавшийся директор:

- Ну что, Дима, тронулись за новыми открытиями.

В лаборатории собрались участники вчерашнего эксперимента и что-то энергично обсуждали. Рванули к столику: тестовые часы отключены, а на листке бумаги стоял автограф испытуемого с датой. Все зааплодировали - ещё одна маленькая победа Соболева и его коллектива. Начальник как бы вслух бросил:

- Предварительные выводы: путешествие в прошлое память отключает, в будущее - нет! Вопрос, почему такая странная избирательность. Особенности подкорки испытуемого или закономерность четвёртого измерения. На сегодня все свободны, - и уже к Петрушевскому, - Дима, а мы с тобой ещё немного покалываем, пойдём.

11. Ретранслятор

Вновь знакомый кабинет. Соболев пригласил Петрушевского в кресло, посмотрел испытуемое и резанул вопросом:

- Дима, ты чего-то не договариваешь, я же чувствую. У нас с тобой такие планы, ответственные эксперименты. Как работать, если ты не доверяешь мне?

- Да с чего ты взял, Виктор Сергеевич!? Если ты на измене, то я отйду в сторону, найди испытателя или сам лезь в капсулу. Что было, то и сказал! Ты меня на полиграфе ещё проверь!

Соболев внимательно всматривался и просчитывал степень

правдивости возмущённого подчинённого, затем успокаивающее поднял руку.

- Ладно, ладно, Дима. Чего ты взвился. Впереди сотни испытаний, проверим и перепроверим каждый тест. Здесь терра инкогнита, не всё подчиняется физическим законам, а уж метаморфозы сознания просто не объяснить. Ты знаешь, что отправляя тебя в прошлое я пытался вычислить дату создания прототипа. Почему? А потому, что в теории путешествовать в машине времени невозможно раньше того момента, когда создана сама установка. Вот почему, мне важен момент твоего финиша в прошлом. Я сознательно планировал твоё путешествие задолго до первых пробных испытаний с участием человека, а устное сообщение, лишь предлог...

- Что значит предлог? Объяснись, не мотай мне нервы!

- Поскольку время блокирует твою память, это уже не имеет значения, главное, что я помню ту встречу! Выдернул меня из постели: срочно, во чтобы то ни стало, незамедлительно. Это сейчас всё знаю, а тогда решил: сбрендил парень на фоне временных мутаций. И ёщё: договоримся раз и навсегда, ты не будешь предлагать мне самому становиться испытателем. Во-первых, я не имею права рисковать, случись, что со мной в прошлом, полетит на хер вся программа и история создания прототипа останется под большим вопросом, как и твой жизненный путь. Во-вторых, генеральный конструктор и директор центра обязан видеть результаты, руководить экспериментами и фиксировать результаты. В-третьих, и я уже говорил, ставить опыты на себе мне запрещено. Над нами куча инстанций, включая ФСБ и Академию наук. Сейчас ты спросишь: ага, мне можно рисковать, тебе - нет? Отвечу: жить вообще опасно и вредно. Каждый день с любым может что-то случиться, помнишь грузовик в начале нашего сотрудничества? Это так к слову. Пойми, Дима, твоя миссия, как у Гагарина, ты - первый, кто с помощью достижений нашей науки может путешествовать во времени. На данном этапе испытаний, ты - условный ретранслятор, человек, выполняющий задания из будущего и влияющий на тонкие временные материи в прошлом.

У Соболева загорелись глаза, переходя на пафосный посып собеседнику, директор преображался. Петрушевский видел сейчас не пожилого уставшего человека, разменявшего седьмой десяток, а

вдохновлённого учёного - творца, переосмысливающего и меняющего реальность. Театральная пауза оборвалась робкой репликой испытуемого:

- Командуй, Виктор Сергеевич. Рассказывай, что у нас сегодня. Обещаю, капризничать не буду.

Прозвучало так, словно маленький ребёнок, разбивший дорогую тарелку из семейного сервиса, жалобно просит прощения и готов на любое наказание. Соболев засмеялся, за ним прыснул Петрушевский: мир и согласие, на этот раз, восстановлено!

- Ладно, дитё капризное, слушай. Дело весьма щекотливое. Наш ОЛИБ в те давние времена финансировался из рук вон плохо. Руководитель отдела посыпал заявки во все инстанции, да толку! Средства отпускались на реальные проекты: космос, строительство, мирный атом. А тут закрытое подразделение КГБ курирует разработку прототипа машины времени. Для учёных из Академии наук звучит дико, у страны немало других задач, а тут авантюристы начитались Герберта Уэллса. Короче, денег нег, экспериментируйте сколько угодно, но без серьёзной финансовой подпитки. А дело стоит! Чуешь куда клоню?

- Не врубаюсь пока, так к чему клонишь: ограбить банк и перевести вырученные миллионы на счёт лаборатории?

- Нет, конечно. Надо создать такую ситуацию, когда минфин вынужден будет это сделать без всякого грабежа!

- и как же? И при чём тут "ретранслятор"?

- А, понравилось словечко? Способов несколько. Один из них доказать, что движемся в правильном направлении и удивить комиссию результатом. Есть более радикальный способ: взрыв или пожар, а перед этим бомбардировать ведомство докладными о слабой безопасности объекта.

- На мой взгляд, авантюра с вредительством может инициировать закрытие проекта до лучших времён или вообще закрыть.

- Возможно ты и прав, но я хочу с твоей помощью попробовать первый вариант, а за ним второй. Мы устраиваем показ для государственной комиссии, а затем случится беда и надо восстанавливать ОЛИБ заново. Люди из министерства и нашего

ведомства увидят результат и поспешат доложить наверх. Вот когда можно выбить немало средств. Эта порочная практика из нашего времени: сперва из-за разгильдяйства теряем, затем с размахом восстанавливаем под солидное финансирование, не слышал никогда о подобных случаях?. После реального результата прототипа, ни у кого не возникнет вопросов в целесообразности поддержки открытия века. И вот как я планирую организовать жульничество во благо. Сегодня опыт провести не удастся, задержись ещё на одну ночь, завтра ещё заново проверим программу и вперёд.

Петрушевский ворочался с боку на бок и в который раз прокручивал разговор. Отойдя от первых эмоций, наконец разобрался в своих чувствах. Казалось, что Соболев тронулся умом: до сих пор всё шло в пределах здравого смысла, то есть понимания важности экспериментов и логике действий. Но сегодняшний пассаж выходил за рамки разумного. Взрывы, мистификации, словно в низкопробных телесериалах, а главное, никчёмность таких радикальных методов. А если заметут его как террориста, Соболев может вернуть образ, но не реального подростка. Власти закроют в психушку или реальный срок повесят. В моей биографии этого нет и следовательно меняется история? Хрен тебе, Витя! Не для того я подписывал договор, чтобы куролесить в прошлом по твоим лекалам. А как ты меня проверишь, полковник? Он мысленно спорил с Соколовым и явственно почувствовал страх. Он же старший офицер могущественного подразделения, стоящего на страже родины, они там у себя крутят всякие комбинации и ловушки, что для них какой-то Петрушевский. Да и не друзья они вовсе, одна видимость.

...Белые ночи. Без фонаря виден циферблат: три часа. Вот и конечная цель маршрута. Он осмотрелся - никого, поправил лямки рюкзака и свернулся на газон. Пара десятков шагов и вот он фасад в стиле неоклассицизм, портик старинного здания, четыре колонны, дорический ордер всегда восхищавший его, да разве сейчас это важно - важно добраться до второго этажа. Сбросил тяжёлую ношу, достал верёвку, один конец привязал к рюкзаку, другой за пояс. Вскарабкался по стене, упираясь мыском подошвы в руст и перевалился через балкон. Теперь подтянуть наверх важный груз, затем открыть балконную дверь и проникнуть в помещение лаборатории. Ночью, в слабом свете карманного фонарика, помещения ОЛИБ кажутся мрачными и загадочными. Днём здесь гудят приборы, мигают лампочки, человеческий говор - это идёт

работа по созданию системы. Люди, называющие себя учёными, хотят перекроить историю человечества. Ага, здесь главное помещение, луч света выхватывает обводы адской машины времени. Канистра с бензином, пять шашек динамита, капсюль и пять метров бикфордова шнуря. Пять метров это около восьми минут, надо успеть. Всё готово, достал спички, поджёг. Зашипел змеёкой, пора уносить ноги. Через минуту же на земле, следы заметать не нужно, достаточно перчаток. Убежал в садик при Политехе, отсюда улица Курчатова просматривается хорошо. Взгляд на часы, сейчас жахнет, ещё немного, и ещё - грохот и волна пламени, очень эффектно. Можно полюбоваться пару минут и вдруг: "Стоять! Руки вверх!". Топот ног, крутят руки...

Петрушевский подскочил на кровати, так в кино показывают: мокре, перекошенное от испуга лицо главного героя, часть сознания всё ещё в ночном кошмаре. Господи, привидится такое! И тут он вспомнил вчерашний разговор и предложение от которого он собрался отказаться. Острой болью отозвалось сердце, Дмитрий Сергеевич ощущил нехватку воздуха, грудь сдавило. Вот этого только не хватало. Он зажёг свет, посмотрел на часы, вспомнил о кнопке тревожного вызова. Через минуту прибежала дежурная, затем подтянулся администратор этажа, Петрушевский не абы как, а вип-персона всё-таки, испытатель! Медсестра померила давление, вколола комбинированную инъекцию. Доложили директору и главврачу Алексею Андреевичу. Утром Петрушевский легко поднялся с кровати, от ночных кошмаров остались неприятные воспоминания, зато здоровье тревог не вызывало. В десять его осмотрел Алексей Андреевич, удовлетворительно хмыкнул и пригласил к шефу. Встревоженный Соболев шагнул навстречу.

- Ну как наш дорогой пациент? Готов к испытанию? - спросил, обращаясь к врачу. Выслушав позитивный отзыв, кивком головы отпустил медика.

- Дима, ты вчера разволновался, я понимаю. Давай пока отложим рискованный сценарий, а лучше совсем забудем. Ты, прав, последствия просчитать невозможно. А перед отправкой домой, махнём-ка в будущее. Вот держи, почитай, это программа испытания.

Бросок в будущее для испытуемого выглядел странно. Петрушевский попал в чёрное пространство, оно окружало его мрачной субстанцией, где не было начала и конца. Не было ничего.

Когда Дмитрий Сергеевич вылез из капсулы и поделился своими впечатлениями, а вернее их отсутствием, Соболев отвёл глаза и бросил:

- Что-то пошло не так, проверим программу и повторим. Сейчас на осмотр к врачу, затем собираясь домой. Свяжусь с тобой на следующей неделе.

Петрушевский в сопровождении Алексея Андреевича вышел из помещения. В испытательной зоне остался Соболев и его помощник Николай Чистяков.

- Витя, зачем рисковать, зачем на десять лет вперёд? Он же наш ровесник. А если догадается?

- Ничего не догадается, зато мы теперь знаем. Отличный способ выяснить, когда оборвётся линия жизни. Мы же не предполагали подобный результат. Это я не додумал: человек смертен, рано или поздно испытуемый попадёт в фатальную зону. А я теперь могу по данным программы точно знать дату кончины. Дальше проблемы испытуемого: обследоваться и продлевать свои дни, либо тихо ждать неизбежного. Однако, неплохой бизнес, машина времени в роли предсказателя. Что скажешь?

Чистяков поморщился:

- Не правильно всё, Витя. Не надо людям это знать. Есть индивидуальная биологическая закономерность, человек может лишь предполагать, но твой способ годится для врачей.

- Так я ведь об этом говорю - диагностика для специалистов...

Соболев поморщился и оборвал себя. Зачем ляпнул этому тюфяку Чистякову, у которого в голове после науки стоит выпивка и анекдоты.

12. Николай Чистяков.

Наконец-то домой. Как всегда в таких случаях, деревенский воздух и график обязательных работ, взбодрил Петрушевского и задвинул тревожные думы на задний план. Рядом любимая супруга и дорогие животинки. Никаких лабораторий с запахом озона и духом казённого, хоть и комфортного, учреждения с вымуштрованной обслужкой. Никаких учёных, врачей, внимательных и участливых взглядов, анализов и набивших оскомину процедур. Любопытство и повышенный интерес к деятельности "Центра изучения природы

времени и пространства” быстро прошёл. Мало того, стал утомлять, местами пугать Дмитрия Сергеевича своей тайной составляющей, своим непростым руководителем и его тестами. Для себя, Петрушевский объяснял исполнительность и терпение тем, что обязан Виктору Сергеевичу возвращением памяти, подписанным договором и, наконец, старинным знакомством. Сегодня опять звонил Соболев:

- Дима, привет! Как дела? Помнишь, ты рассказывал про странный электросчётчик на даче. Хочу прислать к тебе специалиста, не возражаешь? Его зовут Николай Федорович Чистяков, ты его видел. Мы с ним вместе с самого начала. Он блестящий учёный и мастер на все руки. Прими, обогрей и накорми. Единственная просьба, не предлагай ему алкоголь, слабоват он по этой части. Да, нет, не хроник, но лучше не начинать.

Чистяков перезвонил на следующий день. Обещал приехать к обеду. Форд “Фокус” Чистякова въехал на хорошо убранный от снега участок и под лай собак из дома, замер у злополучного хозблока. Из машины вылез упитанный дядька, неуловимо похожий по конституции и внешности на главу принимающей стороны. Оба переглянулись и заулыбались.

- Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич, меня зовут Чистяков Николай Фёдорович, старший научный сотрудник. Чем-то мы с вами одинаковы, Дмитрий...

На крыльцо вышла Светлана Петровна, за ней рвались собаки, взглянуть на чужака, а заодно предупредить лаем о своей готовности защитить хозяев.

- Здравствуйте, вы не бойтесь, я животных выпущу, они добрые вас не тронут, только понюхают.

- А я и не боюсь, дома доберман раньше жил, - Чистяков смело шагнул вперёд, - отпускайте.

Животные окружили учёного, обнюхали и пару раз гавкнули для приличия - знакомство состоялось. Светлана Петровна мягко поинтересовалась:

- А сейчас чего не держите?

- Да следить некому: мама умерла, с женой не сложилось...

Хозяйка тактично промолчала и вернулась в дом, следом

проскользнули собаки. Мужчины прошли в хозблок. Петрушевский опасливо косился на дверной проём.

- До сих пор побаиваюсь сюда заходить, первое время и вовсе паниковал, вдруг снова куда забросит. Смотрите, здесь распределительный щиток и злополучный счётчик.

Чистяков полез в машину, скинул дублёнку, накинул сверху рабочую куртку и вытащил из багажника инструментальный ящик. Поковырялся в щитке, принёс какой-то измерительный прибор, что-то подсоединил, бросил взгляд на светящийся экран и удовлетворённо хмыкнул.

- Вот что, Дмитрий, счётчик просто частично вышел из строя, я такой вариант предвидел и захватил новый, опломбированный с паспортом. Просто заменю приборы. Петрушевский раскрыл рот, но Виктор опередил вопрос:

- Всё за счёт фирмы, вы наш особый пациент, оттого услуги и расходные материалы бесплатные. Единственное, если ведёте показания, то запишите сейчас. Нет? Тогда десять минут и проблемы больше нет. Хотел вас спросить, как вы со снегом справляетесь?

- Это он, Муравчик, - Петрушевский указал на снегоуборочную машину, примостившуюся у входа.

- Имя такое странное? Заводская марка?

- Нет, конечно. Трудолюбивый, как муравей, вот и сложилось в прозвище. Он нас здорово выручает.

Чистяков поменял приборы, под крутил контакты и удовлетворённо хмыкнув, доложил:

- Всё готово, пользуйтесь, - и после паузы добавил, - я пожалуй поеду.

Тут, словно ждала этих слов, заглянула Светлана Петровна:

- Да, вы что, Николай! Обедать! Я на троих накрыла и не вздумайте отказываться, обижусь раз и навсегда. То, что за рулём не беда, переночуете у нас в гостевой комнате. Через час стемнеет, и куда на ночь глядя поедете?

Смущённый Чистяков, слабо отпирался и быстро сдался. По всему видно, неотложных дел нет, а провести время у гостеприимных хозяев в радость. Прошли в дом. Когда расселись, Светлана,

предложила мужчинам выпить рюмочку для аппетита. Не обращая внимания на знаки Петрушевского принесла из холодильника бутылку “Абсолюта”.

- Гости редко бывают, вот держим для такого случая. И я с вами за компанию пригублю, - не давая открыть рот мужу сунула ему в руки литровку шведской водки, - открывай.

После первых возлияний под украинский борщ и домашние котлеты, завязался разговор. Жену больше интересовало прошлое семейное положение, привычки и особенности холостяцкой жизни. Дмитрий же, спрашивал про дела на работе, без закрытых подробностей, и планы “лечебного” заведения. Когда содержимое бутылки уменьшилось вдвое, почти не пьющий Петрушевский, вспомнил о просьбе Соболева. Видя, как жадно Чистяков провожает глазами каждую недолитую рюмку, предложил прогуляться, тем более, что визитёр оказался курящим. Супруге за спиной сделал жест: убирай водку со стола. На улице благодать: мороз около пяти градусов, безветрие и главное чистое небо усеянное звёздами. За ними, по своим делам, выскочили домашние питомцы. Затем прислушались к вечерней собачьей перекличке, не обращая внимание на хозяина и его гостя вставили свой голос в общий хор.

- Не скучаете здесь, - скорей утвердительно, чем вопросительно молвил Чистяков.

- Так ведь благодать, радость после мегаполиса с его грохотом и хлопотами, а воздух какой!

- Я вот тоже мечтаю разделаться с делами и уйти на покой. Куплю участок, заведу живность...

- А что мешает? В лаборатории разве мало молодых специалистов?

- Не в этом дело, мы начинали с Сергеичем в конце шестидесятых. Как же это было тогда интересно. И первые тараканы, отправленные в пространство, первые мыши, дело шло к испытаниям добровольцев. Но после аварии, лабораторию, тогда она называлась ОЛИБ, надолго закрыли. Я парился в одном НИИ, потом Соболев разыскал и вновь пригласил. Но он сильно изменился...

Петрушевский мысленно содрогнулся: авария?! Вспомнил свой жуткий сон неделю назад. А последняя фраза насторожила, ведь его самого терзали смутные подозрения о жестокости и беспринципности

начальника. Петрушевский, когда-то прошедший школу выживания, где почти не остаётся места высоким общечеловеческим ценностям, сразу почувствовал в характере и поступках Соболева твёрдый расчёт, авантюризм и едва заметные диктаторские замашки. Водку убирать рано, мягкого и вроде как совестливого Чистякова следует разговорить. После прогулки, Петрушевский, к удивлению жены, предложил продолжить банкет и вновь достал початую бутылку. В глазах учёного мелькнули радостные искорки. Выпили ещё, потом перешли на ты, Петрушевский всё подливал. Следующий перекур на фоне притихшей деревни и под необычным небесным куполом, шли чуть ли не обнимку. Дмитрий Сергеевич придерживал гостя и сыпал вопросами.

- Ты чего-то там говорил про аварию. Соболев не рассказывал. А что случилось?

- А то и случилось, Дима, что кругом раздолбай: финансирование хилое, оборудование изношенное, собирали по институтам, техника безопасности никакая, вохровцы пьянистовали. Сперва рвануло, затем пожар. Всё нахрен выгорело, хорошо у Дооса, нашего завлаба журналы опытов и остальные документы в сейфе несгораемом хранились. Люди не пострадали, всё случилось ночью. Следствие, комиссии всякие, пустое дело. Дооса хотели под суд отдать за халатность, да ранняя смерть уберегла от расправы, а Сергеича вроде за штат вывели, все материалы в Москву и крест на исследованиях. Ты понимаешь столько лет ушло коту под хвост?!

- А когда это случилось, год какой, Коля?

- В семьдесят второй, летом...

- Но ведь центр существует и вон какие результаты!

- Ну да, в девяностых, когда бардак в стране начался, Витька взял в аренду эти помещения, их после пожара подремонтировали и оставили за институтом Иоффе. Он всё отладил, оборудование достал. Финансирование глубокая тайна: то ли бывшие коллеги скинулись, то ли в Академии наук нашлись прозорливые люди, не знаю. Важно что экспериментальная установка работает и сам знаешь как. А вот директор другой, совсем другой, мстит власти или чего, я не понимаю. Жестокий, мстительный, безжалостный. С тобой зато нянчится, ведь вы в прошлом друзья? Потому и не сказал тебе про последний опыт, пожалел...

- Ну ка колись, Коля, скажи по дружески, я могила! Что за тайна про меня, а?

- А сам не понял? Говорил что ничего не было: чернее чёрного, пустота. Так ведь это ты смерть свою видел, прости. Ай, зачем сказал!

Петрушевский протрезвел, вот оно что! Примерно так он рассуждал, значит в будущем попал во временной вакуум и его, как физического объекта не существовало. Он уже умер, вопрос когда?

Утром, после завтрака, Чистяков засобирался на работу.

- Дима, извини, наговорил вчера по пьяни. Забудь и Сергеичу ни звука - подставишь меня по полной и себе навредишь.

- Естественно, я не враг себе и какой резон тебя подводить? Но забыть не смогу... А ответь мне, ты программу составить и осуществить запуск можешь?

- Конечно, а тебе зачем? Заговор готовишь?

Оба рассмеялись, Чистяков не придал значения странному вопросу, а Петрушевский больше техническими подробностями не интересовался. Николай Фёдорович ему понравился: юморной, преданный делу и в тоже время какой-то беззащитный, мягкий, совестливый.

13. 2017 год

Новая серия испытаний давалась всё тяжелей. В конце года Соболев перевёл на счёт Петрушевского в Сбербанке пятьдесят тысяч рублей. Это обстоятельство служило оправданием еженедельным поездкам в Санкт-Петербург перед женой. Увесистый приработок к пенсии - большая удача в наши дни. Светлана довольна и лишних вопросов не задаёт. Да он и не скажет никогда, зачем мотать нервы супруге. Не поверит и решит, что рассказы о путешествиях во времени - аномалии после комы. Лучше придерживаться версии о токарных работах в мастерской Центра.

Тяжело морально от жёсткого подхода директора к заданиям программы. Всё смахивало на эксперименты с изменениями хода истории, авантюрной основой бескомпромиссных требований и нежелания слушать возражения или замечания подопытного. Сегодня требовалось отправить письмо в Большой дом. Поскольку время не позволяло передавать сообщения на письменных или других

носителях, Петрушевский вызубривал содержимое, а его юный двойник в прошлом, но облечённый знаниями из будущего, в точности повторял текст на пишущей машинке. Трофейную механическую “Mercedes Prima” с русским шрифтом, привёз после войны дед из политуправления, где служил во время войны. Мать подрабатывала машинисткой в студенческие годы и Петрушевский помнил, как пятилетним мальчишкой засыпал под бойкий стук клавиш. В памяти сохранилась надпись Mercedes Buromaschinen G.m.b.H. 1933.

В анонимном послании значилось следующее сообщение:

“Полковнику Серебрякову Н.Т. Довожу до вашего сведения, что заведующий лабораторией ОЛИБ при управлении КГБ по городу Ленинграду, гражданин Доос Генрих Иванович связан с БНД (внешней разведкой) ФРГ через родственников по немецкой линии. Кроме того г-н Доос ведёт аморальный образ жизни и состоит в любовной связи с лаборанткой Лидией Сергеевной Колывановой”.

Перед знакомым маршрутом к прототипу, Петрушевский не удержался:

- Виктор Сергеевич, но ведь это донос времён сталинских репрессий. Человека возьмут под наблюдение, а любовница тут причём?

- Дима, если понадобится я твоё мнение обязательно спрошу. Именно так и надо отсекать потенциальных врагов. О моральной стороне дела не тебе рассуждать, свои грехи не забывай. Делай как прошу и не задавай лишних вопросов. Тебя не киллером нанимаю, а добровольным помощником по великому блату. И не забудь: я в прошлом ничего об анонимке не знаю и знать не должен!

Петрушевского перекосило, но виду не подал, мысленно бросил в лицо директору: ах ты сука, какие такие грехи ты мне предъявляешь, начальник хренов? Зачем ты вообще появился в моей жизни? Вон как запряг!

Соболев словно почувствовал недобрые флюиды от подчинённого и примирительно добавил:

- Дима, не принимай близко. Это наши гэбэшные игры, пришла пора исправлять ошибки прошлого. Лучше тебя никто не сделает. Оцени степень доверия и не обижайся. Лады?

Бросок много времени не занял. Петрушевский в который раз подумал, что поступил мудро, сославшись на начисто стёртые воспоминания о своих поступках в рамках заданий из настоящего в прошлое. Он не стал рассказывать Соболеву как получив мысленный посыл на выполнение задания, долго взвешивал стоит ли его исполнять. Победил трусливый обыватель: в конце концов, начальнику виднее. А вдруг неизвестная информация, вскрывшаяся спустя столько лет? Неизвестный Доос ему не кум ни брат, но неприятный осадок остался, постепенно множа неприятную картину взаимоотношений нынешнего Петрушевского с бывшим приятелем. Выбрав момент, Дима отстучал текст и затем вставил в каретку конверт и заглавными буквами впечатал адрес: “Главное управление КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Тов. Серебрякову Н.Т.”. Кинул конверт в первый попавшийся почтовый ящик, анонимка рано или поздно дойдёт до комитетских, не фельдъегерем же служебной связи отправлять. Вскроют, проверят, зарегистрируют и передадут полковнику.

Дмитрий Сергеевич, по дороге в Выборг прикидывал так и сяк ситуацию и гадал, как долго эта канитель с подмётными письмами, анонимками, редкими встречами с неизвестными контактёрами Соболева будет его касаться. Свои обязательства перед Соболевым он считал выполненными. По непонятным самому себе причинам, Петрушевский испытывал от путешествий во времени усталость, а временами глубокую депрессию. Мечталось уйти от этих испытаний и забыть навсегда центр с его комфортом, ресторанным меню и вежливыми сотрудниками. За эти два месяца он по настоящему сошёлся лишь с помощником Соболева, Чистяков хоть до мозга костей учёный, но не зацикленный фанат дела, а добрый и отзывчивый человек. Натура неуловимо похожая по складу характера на самого Петрушевского. Внутри медленно зрел протест, хотелось всё бросить, спрятаться на своём доме, с посиделками у камина в кругу с любимой женой и четвероногими друзьями Бубликом и Дуськой. Новый 2017 год встречали втроём. Дети как всегда укатили в Европу и с согласия жены, Петрушевский пригласил Чистякова, с эрудированным и весёлым собеседником всегда интересно. Федорович сыпал забавными историями и потешал анекдотами.

- А вот ещё, Светлана, не смотрите так, очень приличная хохма: таблица Менделеева впервые приснилась А.С. Пушкину - просто он нифига не понял.

Лежащие у ног собаки удивлённо вскинулись на взрыв хохота Петрушевского и Светланы Петровны. Улыбающийся Чистяков продолжил:

- То что запомнил из выступлений Задорного. Фрагменты школьных сочинений: "Маяковский засунул руку в штаны и вынул оттуда самое дорогое, поднял его высоко и сказал: я гражданин Советского Союза. Анна сошлась с Вронским совсем новым, неприемлемым для страны способом". Кутузов мечтал хотя бы одним глазком взглянуть на Париж. Пьер был светский человек и поэтому мочился духами. Суворов был настоящим мужчиной и спал с простыми солдатами. Декабристы накопили большую потенцию и излили её на Сенатскую площадь. Денис Давыдов повернулся к женщинам задом и выстрелил два раза. Доярка сошла с трибуны и на неё тотчас же влез председатель. Гоголь страдал тройственностью, которая заключалась в том, что одной ногой он стоял в прошлом, другой приветствовал будущее, а между ног у него была страшная действительность"... Там ещё много чего, но вижу вам хватит.

Разгорячённые шампанским хозяева вместе с гостем вывалились во двор. Новогоднее небо озарялось фейерверками с соседних участков. Разноцветные блики и грохот разрывов поддерживали атмосферу праздника. Петрушевский вытащил из злополучного сарая коробку модульных салютов на 25 залпов. Установил на садовой дорожке и поджёг фитиль. Вверх устремились зелёные, золотые, красные, фиолетовые пеоны, кометы и вертушки. Свист, грохот, мерцание - новогодние атрибуты счастливой и безмятежной жизни. Если бы так...

Встретились за завтраком, помятые не выспавшиеся, возраст берёт своё. Гостеприимная хозяйка нажарила блинов. За столом, под вчерашний салат оливье и блины с красной икрой, мелкие хвори отошли на второй план. Крепкий чай поднял настроение. Купаж из чёрного листового чая с добавками аромата клубники и сливок, оставляли особое послевкусие. Чистяков засиживаться в гостях не собирался. Поблагодарил за гостеприимство и напоследок рассказал ещё один анекдот:

- В дурдоме медсестра пытается открыть какую-то дверь. У неё не получается. Психи подсказывают: "Дёргай сильнее". Она дёргает ручку сильнее, дверь все равно не открывается. Медсестра, задумчиво: "Наверное закрыто". Психи: "Да нет, она просто

открывается в другую сторону. Мы думали, тебе ручка нужна”.

Не успел Петрушевский отсмеяться раздался сигнал мобильного. Звонил Соболев:

- С Новым годом, Дима! Прошлый год у тебя непростой выдался, желаю в этом здоровья и благополучия. Интересуюсь, Чистяков случаем не у тебя отдыхает? Не могу дозвониться.

- Нет, не у меня. С чего ты взял?

- Мне показалось, что в последнее время вы сблизились.

Петрушевский грубо одёрнул директора:

- Когда кажется, креститься надо, Виктор Сергеевич. Не знаю, где ваш сотрудник встречает новый год.

Соболев пропустил последние слова мимо и жёстко отчеканил:

- Ладно, если свяжется с тобой, передай что жду обоих пятого января. Есть работа. Будь здоров.

Чистяков вопросительно посмотрел, по тому как огрызнулся Петрушевский, конечно догадался кто звонил. Праздничное настроение упало.

- Просил передать, что ждёт обоих через четыре дня. А как я тебе передам, если ты у меня не был?

Николай Фёдорович улыбнулся.

- Конечно не был. Вернусь в город включу связь. Объясню, что встречал празднику знакомых. А чего поник, что-то случилось?

Петрушевский медлил. Как объяснить, Николаю о своих чувствах к Соболеву. Как рассказать историю их взаимоотношений в прошлом: задержание, понуждение к сотрудничеству и дружбе после того, как буквально выдернул куратора из под колес грузовика, совместные пьянки и не только, знакомство с его матушкой. Как раскрыть хорошему, но малознакомому человеку пару-тройку историй, с криминальной перспективой, из которых его выручал старший лейтенант КГБ. Из памяти такое не вычеркнешь, тем печальней, что старый товарищ использует его в своих планах далёких от научных исследований, стал откровенно помыкать, жёстко пресекать попытки сопротивления.

- Да так, не обращай внимания. В одном с тобой согласен: годы

сильно изменили нашего начальника. Может служба в КГБ добавила Вите новые качества, но изменила не в лучшую сторону. Думаю, что работа в этой организации не допускает такие чувства как жалость, сострадание, участие, доброта, ставя в замен расчёт, подавление и приказ. Чем больше узнаю, тем больше разочаровываюсь.

- Дима, давай-ка после следующих экспериментов где-нибудь посидим и поговорим. У меня к твоему бывшему товарищу много накопилось претензий. У тебя в гостях не готов это обсуждать, а вот под хорошую выпивку, пожалуй решусь. Пока.

Форд выехал за ворота, Петрушевский закрыл створки, медленно направился к дому, гадая о чём же таком Чистяков собрался рассказать. Судя по его тональности и внутреннему сопротивлению, информация явно не добрая.

14. Учёный и его жертва

Пятого января в стране продолжались праздники, в центре обычный рабочий день. Визит к директору принёс неприятности. Соболев мрачно взглянул на мнувшегося у порога подчинённого и не предложив присесть грозно бросил:

- Нагулялся с новым дружком? Нехорошо, Дима, врать. Федя Чистяков умный, но телефон выключить не догадался, а лишь заблокировал вызов. Про биллинг забыл, а ещё инженер электронщик. И тебе старпёру невдомёк, - видя, как вскинулся Дмитрий Сергеевич, остановил жестом руки, - Я не в претензии, главное, чтобы дело не страдало. Пора за работу. Работаем два дня, затем докуливай неделю где и с кем хочешь.

Дмитрий Сергеевич чуть не взорвался, оказывается начальник ещё и следит за ним, собрался было огрызнуться, но сдержался. Про себя подумал: “Козёл ты, Витя, чего мордой тыкать в чужой косяк, о своих промахах подумай”.

- Теперь о деле, - продолжил Соболев, - “поездка” в этот раз будет особенная и очень непростая.

Петрушевский напрягся. К чему готовит в этот раз? Вновь порадовался за себя, что разыграл потерю памяти после броска во времени. А вот нынешнюю память не отобъёшь, не выкинешь из головы его демагогические рассуждения о зле во благо, плотную опеку и навязанные поступки. Всё, хватит, пора ставить Соболева на место.

- Я поднял свои архивные записи. Там имеются выписки из уголовных дел связанных с терроризмом. Мне надо, чтобы ты разыскал фигуранта, попавшего в подозреваемые, но за недоказанностью причастности к преступления проходившим по делу лишь свидетелем. В подробности посвящать не буду. Слушай, что надо сделать. Найдёшь человека и представишься от...

Чем дольше Соболев говорил, тем больше росло внутреннее сопротивление. Когда Соболев сделал паузу, Петрушевский взорвался протестом:

- Всё, Витя, надоело! Я подписывался помогать науке, а не твоим криминально-ментовским разборкам. Седлай машину времени и отправляйся корректировать свои косяки в прошлом. Помог мне - низкий поклон, но отрабатывать таким образом благой поступок не обязан. Вот пропуск, я ухожу!

Соболев поднял тяжёлый взгляд и чеканя каждое слово, бросил взбунтовавшемуся подчинённому:

- А что мне мешает в прошлом не вызволять тебя за драку с телесными повреждениями, забыл? А мутная история с изнасилованием, где ты якобы не виноват, но ведь это как повернуть. Тебя отмазывала Контора, систему, которую я представляю. А твоя фарцовка, а пистолет, забыл. Забыл кому давал подпиську о сотрудничестве. Пожалуй я нарушу инструкцию, смотаюсь в прошлое и откорректирую, как ты выражаяешься, биографию. И будешь ты сидеть не в научном центре, где о тебе заботятся, а париться на нарах или гнить на Богословском кладбище рядом с героическим дедом. Смотри сюда.

Соболев живо поднялся, стало заметно, как непросто ему сдерживаться, открыл сейф и достал увесистое дело, повернул обложкой и помахал. Петрушевскому хватило времени прочитать свою фамилию. Затем отправил досье назад и запер компромат.

- Вся твоя жизнь в этой папке, личное дело здесь, а не в архиве. Ты врёшь мне, а я тебе. Но ты винтик механизма, а я пружина, приводной механизм. Раз не хочешь по хорошему, то будем по протоколу: сопротивляешься, иди на х.. и на свалку. Как тебе такой расклад?

Из Петрушевского словно выпустили воздух, он сжался и опустил голову. В голове метались мысли: сам дурак, не сдержался и

получил оборот. Зато начальник раскрыл свои пугающие резоны, но сдаваться рано. Надо сыграть страх и покорность. А что если решить всё махом, оглушить этого божка, вырваться из лаборатории и рвануть на телевидение, собрать журналистов? Чушь, я слишком слаб против этого хищника. И тут словно вновь ударило током и вспыхнуло простое и страшное решение. Как он раньше не додумался?

- Ладно, ладно, Виктор Сергеевич! Я всё понял, прости мой дурацкий характер: ляпну невпопад, затем жалею. Давай договоримся: я ничего не говорил, ты ничего не слышал. Мир?

Он протянул руку теперь уже ненавистному ему человеку, но в глазах читалась преданность и покорность. Это совсем не просто мерить на себя личину артиста и играть на грани срыва. Но теперь у Петрушевского был план, словно сверхмощное оружие и защита от стресса. Соболев если и разглядел двурушничество, то не подал вида и словно нехотя протянул руку. У него тоже был свой умысел: главное сейчас решить свою задачу чужими руками, а потом отправить Петрушевского в путешествие из которого не возвращаются.

- Ладно, строптивый ты мой, уточним детали. Вопросы есть?

- Конечно, ты не сказал в какой отрезок времени это нужно сделать? Я имею ввиду год и месяц.

- Лето семьдесят второго, а тебе-то не всё равно?

- Так я в это время ешё служу в армии.

- Ну и что? У тебя каждый выходной увольнительная, забыл?

- И то верно, можно и в самоволку, если необходимо.

- Дима, это детали, которые сам решишь, сделай всё не позже конца июля. Или опять будешь фордыбачить? Давай повторим сценарий и на стенд, выполнишь задание и свободен до завтра. Расспрашивать один чёрт бесполезно...

... Петрушевский нашёл Балабана по адресу в Парголово. Хорошее место, тихое. Маленький деревенский домишко, в зелени разросшихся деревьев и не подумаешь, что в нескольких километрах огромный город. Дима невольно сравнил с будущей дачей в Ланьшевке. Мужик ковырялся в огороде, на вид лет пятьдесят, весёлое и открытое лицо. Отложил лопату:

- Тебе чего, пацан?

- Дело до Балабана. Если ты, отзовись.

- Ошибся, молодой, нет тут таких.

- Козырной просил передать привет и оказать помощь. Ещё он рассказывал о вашем рывке перед войной. Я с “пятёрки”, что в Рубцовске, откинулся недавно. Козырной зону держал, я главшпаном за ним. Ещё добавил, что помнит добро и не сомневается в помощи. А ещё вспоминал твои выкрутасы на пересылке в Крестах и байки, что травил о мусорах.

- Ладно, Козырного помню, зайди.

Балабан пропустил визитёра вперёд, оглянулся и пригласил в дом.

- Присаживайся. Как зовут тебя?

- Кличут Ранний.

- Ладно, излагай.

- Надо два куска “хозяйственного мыла”. Причиндалы и ходики. Один комплект тебе нужно занести в квартиру и заныкать на антресолях или в подходящем месте, вот адрес хаты, где оставишь сюрприз. Хозяин днями на работе, жена по утрам отводит детей в школу, серьгу (замок) пальцем можно открыть. Плачу штуку, что скажешь?

- Лаве засвети.

Петрушевский вытащил пачку, которую заимствовал из собственной заначки и передал исполнителю. Сорок четвертных купюр перетянутых резинкой, сразу привлекли внимание Балабана. Взвесил пачку на ладони, закурил и после паузы согласился. Дмитрий был убедителен, сказалась тюремная закваска из будущего.

- Козырному верю как себе, а значит твои слова приму. Напомни, где ты чалился?

- Где чалился там уже нет. Ты проверки брось, Балабан. Я чужому штукарь предлагать не стану. Козырной тянет мазу за меня, этого мало? Готов помочь, поддержи, а порожняк не к чему.

- Лучше малява от старого кореша, но подчерка его не знаю. Ладно, жди, - коротко бросил хозяин и ушёл в сад.

Вернулся через десять минут, положил на стол перепачканный в земле цинк из под патронов. Взял со стола нож и умело вскрыл крышку, вместо патронов в железном ящике лежали, переложенные сальной бумагой, динамитные шашки. Тут же капсюли, бикфордоф шнур, несколько будильников переделанных под таймеры и всякий технический хлам - полевой комплект террориста. Извлёк пару шашек, ловко прикрутил к каждой какие-то приспособления, по будильнику, приторочил провода и завернул каждый в газету. Один свёрток уложил в коробку из под обуви перетянул крест накрест бечёвкой и подвинул Петрушевскому.

- Пользоваться умеешь? Объяснить что к чему?

- Мне без надобности. Свой “подарок” ни в коем случае не активируй, - Петрушевский споткнулся, - в смысле не включай и сотри пальцы. Благодарствую и прощай, братишко. Мир тесен, авось пересечёмся.

После визита к Балабану, Дмитрий выполнил вторую часть плана Соболева: доставил коробку в камеру хранения N13 на Финляндском вокзале. Вспомнил, как на замечание, что камера может быть занята, Соболев усмехнулся:

- Эта занята не будет, наберёшь код А400, откроешь бокс, положишь посылку и захлопнешь. Дальше не твоя забота...

15. Исповедь

За проходной Петрушевского ждал взволнованный Чистяков.

- Дима, Соболев всё знает! У тебя-то как? В время запуска я взглянуть в твою сторону боялся.

- Поговорили по душам. Меня он открытым текстом прищучил за ложь о тебе. Куда пойдём?

Поехали в центр на метро. С пересадкой вышли на у Гостиного Двора и уверенно двинули в ресторан “Метрополь”. Тут Петрушевский чувствовал себя как рыба в воде. В ресторане был перерыв на перекрытие, но Дмитрий Сергеевич договорился с официантом и тот провёл их в малый банкетный зал на втором этаже. После нескольких рюмок под знаменитые киевские котлеты товарищи расслабились и стали изливать душу. Разговор являлся как бы продолжением дискуссии, начатой ещё на даче, а объектом всё тот же Соболев.

- Я сегодня отказался выполнять его установки, но этот гад прижал меня компроматом из прошлого. Я кое-как выкрутился и обещал всё сделать. И сделал, будь он неладен. Сказать по правде я его начинаю бояться. Диктаторские замашки меня сильно достали, но теперь есть основания бояться за свою жизнь, я для него, после сегодняшнего скандала, отработанный материал. Ты знаешь, что от меня требовалось? Найти одного уголовника забрать у него взрывчатку и отнести в камеру хранения. Мало того, заплатить этому типу, чтобы тот подбросил динамит в квартиру. В жизни бы не признался, но держать в себе не могу. Такими темпами скоро заставит устраниТЬ своих недругов. Не сомневаюсь, у бывшего офицера КГБ врагов немало. Жаловаться некуда, в журналистов и телевидение, не верю. Этот узнает от своих покровителей раньше, чем дело получит огласку и просто избавится от меня. Федя ты чего?

Перепуганный Чистяков слушал с расширенными от ужаса глазами и силился что-то спросить. Видно так был потрясен рассказом Петрушевского.

- Дима, а номер ячейки не тринадцать?

- Ну да, именно она, код А400.

Чистяков всхлипнул и махом выпил рюмку, налил ещё и снова осушил. Балагура и добродушного помощника Соболева было не узнать. Страдание на лице было искренним, человек был настолько подавлен, что взял себя в руки и заговорил лишь после третьей подряд рюмки. Морщась, выдавливала слова покаяния. Они жгли Чистякова, но он выплёскивал их на изумлённого Петрушевского, словно прихожанин на исповеди избавляется от страшного земного греха.

- Помнишь я рассказывал про начальника нашей лаборатории, его звали Доос Генрих Иванович. Он умер во внутренней тюрьме КГБ от разрыва сердца. Его обвинили в подрыве лаборатории, потому, что нашли в его квартире самодельную бомбу, которую тебе передал тот уголовник. Но будь Генрих Иванович террористом, никогда бы не стал держать в квартире такой компромат. А, я дурак, привёз коробку в ОЛИБ, по просьбе Соболева. Я плохо помню, кажется он говорил о командировочном из какого-то НИИ, согласившегося доставить очень дефицитные детали для нашей установки. Курьер опаздывал на другой поезд, поскольку проезжал транзитом, буквально на бегу сунул коробку в камеру хранения,

якобы успел отзвониться нашему Соболеву и назвать код ячейки. После твоего рассказа теперь знаю, какой груз привёз в ОЛИБ. Дима, а ведь не Доос взорвал лабораторию! Это гад Соболев сделал! Убирал талантливого учёного, чтобы присвоить себе его разработки и выбить деньги на новую лабораторию, где он был бы полновластным хозяином. Просчитался наш хитрежопый мастер тайных операций: лабораторию закрыли, а гэбэшник продолжал трудится в своих органах. Но уже не как учёный, а простым оперативником. Сам мне рассказывал, когда восстанавливал в девяностых центр по изучению проблем времени.

Обалдевший от таких откровений, Петрушевский воскликнул:

- Получается, что Соболев знал о взрыве и всю документацию спрятал? А мог он не ставя никого в известность втихаря смотреться в прошлое и кое-что подправить?

- Не знаю. На всех испытаниях я всегда присутствовал, составлял отчёты, писал программы, дублировал Соболева на пульте управления. Думаю, мог нырнуть втихаря разок-другой, Витя хитрый. Но я тебе о главном не сказал, до сих пор это было тайной. Когда он откупил корпус института и стал монтировать первый образец, то представил мне схему необычного прибора, который называл "концентратором". Суть устройства в сгущении поля при создании четвёртого измерения. Я не буду тебя мучить терминами, главное, что штука состоит из несколько плат и изготовленной из особого сплава антенны, работающей как на приём, так и на излучение. Прибор позволяет в определённых условиях переносить человека во времени без целевого указания и программного обеспечения. Такие устройства малы их можно маскировать под приборы бытового пользования. Соболев всё окружал тайной, почему мы не испытывали их в лаборатории для меня загадка.

Чистяков перевёл дыхание, махнул ещё одну рюмку, похоже, алкоголь его совсем не брал и продолжил:

- По особому списку эти штучки были установлены пяти объектам, среди которых оказался и ты. К тебе приехали на дачу и заменили счётчик электроэнергии в сарае. Ты ничего не заметил, а при нашем тесном знакомстве в прошлом году, я демонтировал прибор и заменил на обычный. Теперь последнее, Дима, уверяю тебя, я тут ни причём: во время электрического разряда сформировалась особая субстанция и тебя перебросило в прошлое. Ты лежал в коме, а

твой двойник в прошлом проживал с историей всей твоей жизни от момента поражения. Мы ломали голову, как вернуть тебе память, точнее только я об этом думал, Соболев, ты ему нужен был здесь, остальное сам знаешь. Смею предположить, что в остальных четырёх адресах, проживали люди так или иначе связанные с начальником центра.

Петрушевский в конец растерялся от такого объёма информации, зато получил ответ на вопрос, мучивший с момента рокового удара током. Соболев, который из доброго приятеля трансформировался в коварного недруга, сейчас обрёл черты вселенского зла. Всё сплелось в неразрешимый клубок проблем, выход из которого только один. И он решился изложить его Чистякову. Катнул желваки на щеках:

- Я больше так не могу, у меня появился план, но без твоей помощи мне не обойтись.

У Чистякова загорелись глаза. Он разлил водку и подался вперёд..

- Коля, подожди пить! Всё очень просто, мне надо попасть в испытательный зал, естественно без догляда Соболева, а ты должен отправить меня в 19 декабря 1968 года. Там, наконец, решу наши проблемы. Тогда вернёмся к нормальной жизни без свихнувшегося доктора наук. Он исчезнет из нашей памяти. Каждый пойдёт своим путём, ты в науку, я в народное хозяйство.

Чистяков взвился и заметался по банкетному залу.

- Ты что собираешь его убить?! Я в этом неучаствую, каким бы монстром не казался Сергеевич, я пальцем не пошевелю, чтобы помочь тебе. Хочешь уподобиться ему, валяй, но без меня!

- Коля, ты чего разорался, разве я сказал, что собираюсь его убить? Ты знаешь мою непростую биографию, - пристально взглянул на Чистякова и тот невольно кивнул головой, - но грех на душу не возьму ни за что. Тут всё иначе, кончай бегать и выслушай.

Петрушевский внятно и подробно объяснил учёному свою задумку. Когда закончил, лицо собеседника разгладилось, возбуждение сменилось радостью и надеждой, Николая Фёдоровича отпустило.

- Как всё просто, я не знал, ведь он никогда не рассказывал об этом случае. Промысел божий разрубит гордиев узел. Вот так,

правильно! При таком раскладе, я на твоей стороне. Теперь по плану: программу составить пустяки, код замка у меня есть. Он затеял завтра очередной запуск, либо ни о чём не подозревает, либо решил от тебя избавиться. Узнаем время и опередим Соболева. На полчаса раньше проникнем внутрь, резервные генераторы прогоняют за час до испытаний. Внутри есть блокировка двери на случай нападения или обстоятельств непреодолимой силы. С ним последнее время охранник, врач Лёшка и может быть техник если меня уже в расчёт не берёт. Нам от силы нужно минут пятнадцать прогреть установку, загрузить программу. За такой промежуток времени бронированную дверь не откроют и код при закрытой двери не сменят. Если попробуют отключить электричество, на то имеются три резервных генератора, пока их вырубят, ты будешь уже далеко. Запиши точную дату и время до события, я сделаю резерв, чтобы не промахнуться и пропустить событие. Тогда наверняка.

Довольные заговорщики бросились обсуждать детали и фантазировать на будущее. Водка была забыта, как вредный отвлекающий фактор. Дмитрий Сергеевич посмотрел на часы, пора собираться домой, на поезде сегодня не поедет закажет такси и к девяти вечера будет в Ланышевке. Завтра нужно вернуться в центр к двум часам дня, времени вагон. Перехватил взгляд Чистякова, можно и махнуть на дорожку. Засмеялись одновременно посетившей мысли, Николай Фёдорович напоследок схомил:

- А не хлопнуть ли нам по рюмашке, уважаемый Дмитрий Сергеевич? - подражая интонации Кости из фильма "Покровские ворота", изрёк Петрушевский.

- Заметьте: не я это предложил! Наливайте! - подхватил интонацию Петрушевский.

Неожиданно подумалось, ведь жизнь изменится и если у Петрушевского весь дальнейший путь как на ладони, лишь шрам вернётся на лицо, то судьба Чистякова сложится иначе, поскольку уже не будет связана с злым гением.

- Коль, а ты чем будешь заниматься?

- Точно могу сказать одно, не женюсь и больше внимания уделю маме. А в науке всегда себя найду, зря что ли с красным дипломом физфака университета закончил, как и Соболев, между прочим.

При упоминании этого имени оба помрачнели. Завтра последний

день - крайний бросок!

16. Крайний бросок

Предъявив пропуск на проходной, зябко поживаясь, Петрушевский прошёл в корпус центра изучения проблем природы времени. Сдав куртку в гардеробе и нацепив бахилы, прошлёпал на второй этаж. Поздоровался с дежурной на посту и прошёл в свою палату. Завалился на кровать в своей любимой позе, подложив правую руку под голову. В который раз он проигрывал вчерашний разговор и поражался гибкости человеческой натуры. Как ловко Соболев используя его и Чистякова готовит своё будущее от перспективного учёного с погонами старшего лейтенанта КГБ в конце шестидесятых на успешного бизнесмена, доктора наук и признанного разработчика машины времени в двадцать первом веке. Как успешно, словно тася человеческие судьбы, выстилает себе путь к успеху и благосостоянию.

Перед обедом заговорчески подмигнув, в палату юркнул Чистяков.

- Привет, Дима. Я всё узнал, на программу нужно десять минут
...

И резко оборвал себя, видя как Петрушевский яростно показывает жестами на рот. Он хлопнул себя по лбу и как бы продолжая мысль добавил:

- Виктор Сергеевич обещал вернуться к испытаниям, не забудь провериться у Алексея. Я чего зашёл-то? Мне кажется, что забыл у тебя на даче тестер, вернёшься домой, посмотри, пожалуйста.

Петрушевский, укоризненно качая головой, подстраиваясь под тему, обещал порыться в сарае и поискать прибор, если таковой действительно оставил рассеянный электрик. Несколько минут поболтали ни о чём, при этом Дмитрий Сергеевич жестами показал Чистякову, что готов и желательно не тянуть с последним броском.

Дверь распахнулась, на пороге стоял Соболев. Выражение лица не обещало ничего хорошего, но это уже не пугало. Оба знали, что впереди ждут большие изменения, но главное, это нормальная жизнь, без корректива со стороны и жёсткой опеки свихнувшегося учёного.

- Давайте-ка ко мне, друзья заговорщики!

В знакомый кабинет вошли уже вчетвером. Четвёртый,

плечистый, с настороженным взглядом человек, занял место в углу. Петрушевский раньше встречал охрану, но не обращал внимания. Суровые качки вели себя незаметно, одеты буднично, резиновые дубинки и подплечные кобуры не носили. Суровый человек не спускал глаз с Петрушевского и Чистякова, словно держал на мушке. Это выглядело угрожающе, Чистякову стало вдруг страшно. Но бодрый голос сообщника вернул уверенность.

- Что-то случилось, Виктор Сергеевич?

Вместо ответа Соболев, выдержав паузу, рявкнул:

- Колитесь, что это вы там затеяли? Какая такая программа, на которую нужно десять минут?

- Вить, ты чего так разволновался. Я любопытный по жизни, ты знаешь, просто спросил у Коли сколько времени уходит на составление программы "полёта". Какой заговор? Тебя "боевое" прошлое не отпускает? Где прячется бдительная химера подозрения? Надо её усыпить порцией добротного коньячка, мне точно не помешает после вчерашней взбучки.

Все рассмеялись, даже у охранника мелькнуло что-то вроде улыбки. Напряжение спало. Соболев кивнул угрюмому телохранителю:

- Иди, дальше мы сами. И всё-таки, Дима, зачем тебе это?

- Да говорю, любопытство. Мы же команда, на технические детали мне жизни не хватит, а частности - интересно.

- Врёт тебе Коля, как сивый мерен: чтобы составить матрицу ушли годы, алгоритм программы тоже требует времени. Ладно, раз уж вы здесь, то настраивайтесь на четыре часа. Всё как обычно, врач плюс хорошее настроение. Свободны.

Уже в коридоре, Петрушевский шёпотом поинтересовался:

- Как же ты так лоханулся, ведь предупреждал, сам знаешь о его прошлом. А это правда про время?

- Ты меня как раз оборвал - десять минут на запуск, а программу я дома составил, в кармане на флешке. Перед запуском установлю. Десять минут и гудбай Витя. Пропади оно всё пропадом!

Без двадцати четыре, Петрушевский осторожно выглянул в коридор. Тихо. Дорогу он помнил с завязанными глазами. Быстрым

шагом подошёл запыхавшийся Чистяков. Теперь на видеокамерах охраны сотрудник и испытатель двигаются к экспериментальному блоку. У дежурного смены график испытаний перед глазами: всё как обычно, никакого повода для беспокойства. Перед массивной бронированной дверью, Николай Федорович привычно набрал код замка. Обратного пути нет! В помещении зажёгся свет, теперь надо заблокировать дверь между настоящим и прошлым. Чистяков достал красную магнитную карту “аварийку”. Приложил к считывателю рядом с кнопкой тревоги.

- Двигай в капсулу! Остальное я сам! Давай обнимемся на дорожку, Дима.

- Прощай, Коля, ты настоящий друг и порядочный человек, всех тебе благ в прошлой жизни.

Петрушевский видел, лёжа на столе капсулы, как суетился у ноутбука Чистяков. В дверь глухо забарабанили. Внезапно из динамика раздался голос Соболева:

- Немедленно разблокируй дверь. Не смей ничего делать.

Чистяков лихорадочно метался у пульта управления, динамик не унимался. Теперь уже бывший помощник задорно крикнул в микрофон:

- Всё, Витя! Встретимся в другой жизни. Не поминай лихом.

- Блядь! Ты что творишь сук! Отдаёшь себе отчёт, какое преступление ты совершаешь? Я тебя на кусочки разберу, сволочь продажная. Спелись враги, я чувствовал.

Как долго проходят эти десять минут! Петрушевский вцепился побелевшими пальцами в поручни. Мелькнул свет, ага всё-таки вырубили линию, но тут же включился резервный генератор. Зажужжал приводной механизм, стол тронулся и стал въезжать в туннель. Теперь Петрушевский слышал шумное дыхание Чистякова через собственную связь установки.

- Как там у тебя, Коля?

- Сейчас, сейчас, Дима. Пара минут, программа пошла. Слышишь, как наш кощей мечется, чует что подобрались к яичку, где иголка. Сам не оплошай. Прощай!

В тот же миг всё исчезло. Сейчас юный Петрушевский оказался

на площади у Финляндского вокзала. Он знал абсолютно точно, что в этот слякотный декабрьский день случиться то, о чём мечтал постоянно. Принято выверенное и жестокое решение, решение во благо своего будущего, во благо будущего Чистякова и множества людей так или иначе связанных с Соболевым. Он спасает жизнь Доосу. Зло ещё не родилось, но оно только формируется в голове старшего лейтенанта. Он уже прижал Петрушевского, выполнив приказ Серебрякова и изменил бытиё восемнадцатилетнего парня, исполнив жёсткий обряд вербовки принятый системой.

Только не растеряться, не передумать в последний момент. Источник курил сигарету за сигаретой в ожидании куратора и поглядывал на часы. Вокруг обычная привокзальная суeta. В людском потоке обозначился Соболев. Уверенный сотрудник КГБ, познавший власть над людьми, учёный, изменивший жизнь Петрушевского и сделавший его заложником своих опытов над временем. Но не будет знакомства с его мамой, исчезнет или возникнет в другом месте и времени ОЛИБ, не произойдёт броска в школьную юность, как не возникнут в будущем новые отношения Соболева с Петрушевским, а главное - жизнь потечёт в русле заданной временем и пространством программе.

Соболев протянул руку, не догадываясь, что это последний жест приветствия. Дмитрий Сергеевич боялся поднять глаза, в ушах стояли слова, брошенные в дикой ярости директором из будущего. А сейчас перед ним порядочный и преданный своему делу учёный и старший товарищ.

- О чём задумались, Дмитрий?

- Да, так не обращайте внимания.

Будь сотрудник опытней и внимательней, наверняка заметил мандраж подчинённого. Тронулись неумолимо приближаясь к развязке. Вот они на роковом переходе. Петрушевский сжался, внутри похолодело, в который раз мелькнула мысль: ещё не поздно всё отменить. Господи, как страшно! Дальше словно в замедленной съёмке: на них летит "сумасшедший" грузовик - кара небесная, фатум! Соболев занёс ногу и шагнул вперёд, Дмитрий, подхлестнутый выбросом адреналина, отскочил назад. ГАЗ-51 словно споткнулся о живого человека и обдав Петрушевского жаркой волной металла и солярки, улетел по касательной в стену здания. Дикий крик Соболева, последнее, что услышал Петрушевский. В тот же миг он

растворился во мраке: времененная ловушка унесла пленника в злополучный хоздлоқ, построенный спустя сорок восемь лет.

Люди, сбежавшие к месту происшествия испуганно таращились на распластавшееся бездыханное тело. старушка в платке, горько вздохнула:

- Прям как в блокаду, лежит сердешный никакой. Перед Богом все равны, что молодой, что старый, - она перекрестилась и уже обращаясь к запыхавшемуся капитану милиции, добавила, - тут один парень шёл рядом. Видела как он отскочил, да исчез, сбежал должно быть.

Капитан пошарил по карманам трупа, вытащил красное удостоверение. Прочитав разворот, испуганно охнул - этого ещё не хватало, теперь отписывайся. Спрятал корочки в карман и бросился к заглохшей машине, из кабины которой, разъярённые граждане вытаскивали вяло сопротивляющегося водителя.

На грязном асфальте с неестественно вывернутой рукой и продавленной грудной клеткой лежал несостоявшийся лауреат нобелевской премии за создание прототипа машины времени, старший лейтенант КГБ, Сорокин Виктор Сергеевич. Широко открытые глаза взирали на хмурое декабрьское небо за которым стояло бесконечное пространство вселенной. Место, где вечная материя света и времени создают неповторимый мир бытия. Суетливая бабуля не выдержала, наклонилась и прикрыла веки покойного тёплыми пальцами:

- Господи, спаси и сохрани! Прими душу невинно убиенного! Помилуй нас грешных!

ЭПИЛОГ

... Дмитрий Сергеевич отыскал отвёртку и стал закручивать фиксирующий винт. Работать в полуёмном помещении было неудобно, а за фонариком идти лень. Отвёртка соскакивала со щлица и для удобства, хозяин взялся свободной рукой за край щитка. Где-то далеко аварийщики закончили ремонт на объекте, отзвились диспетчеру и тот привычно повернул рубильник подстанции. В следующий миг Дмитрий Сергеевич Петрушевский получил чувствительный удар током. Пенсионер отдёрнул руку и выругался. Электричество дали и на том спасибо. Проблема решена, если бы не собственная расхлябанность, можно забыть.

Но происшествие вспомнилось за обедом, когда супруги Петрушевские обсуждали дела насущные.

- Утром шибануло током, вот смотри, - Дмитрий Сергеевич показал ожог на левой руке.

- Что же ты так неосторожно?

- Поленился взять фонарик, старею, матушка. Зато автобиографию закончил, вот бы ещё книжку напечатать. Можно и делами заняться.

- Мечтать не вредно. Кстати о делах, Дима, сколько можно попросить: убери коробки из моей комнаты. Как с города привезли, пылятся который год, - и супруга быстро добавила главную мотивацию, - место занимают и мешают ходить. Сделай милость, перенеси наверх, да разбери по возможности, там твоих вещей хватает.

- Уговорила. Петровна. И спорить не стану: барахло давно пора разобрать. Передай мне сметану. Ага, спасибо. Вот доем и за работу.

Следующий час Дмитрий Сергеевич пыхтя и чертыхаясь перетаскивал коробки, связки книг, пластиковые мешки с одеждой. На втором этаже ждало своего часа помещение под долговременное хранение, отслужившего свой срок имущества. Книги в одну сторону, шмотки в другую, остальное, в третий угол. Наткнулся на древний фибровый чемодан с архивом, где хранил старые рисунки - живописные опыты далёких школьных лет и первые шаги в детской изостудии, там же школьные тетради, да массу мелочей из далёких шестидесятых. Стало интересно, щёлкнул замками. Дохнуло временем, под руки попался фотоальбом выпускного класса, долго рассматривал себя, с гривой волос, молодого и наверно красивого, ведь так говорили знакомые девчонки. Вздохнул и провёл рукой по лысой голове. стал копаться дальше, извлёк на свет толстую общую тетрадь в зелёной коленкоровой обложке. Перевернул страницу и начал читать:

“Фантастика! Невероятная мистификация! Но всё по порядку. Электрический разряд: свечение, куда-то лечу, толчки, тренькающие звуки движущегося трамвая, голоса пассажиров. И вот сижу на деревянной скамейке. Первый взгляд в окно, какого ляда?! Еду вдоль Марсова поля в Питере, напротив Летний сад. Как я здесь оказался?! Почему на мне школьная форма, да и чувствую себя как-то необычно.

Тут же осознал, что комплекция и одежда претерпели значительные изменения. Отлично помню, как полез в сарай смотреть электрику, получил разряд и вырубился..."

Увлёкся текстом: что-то про путешествия во времени и своём месте в неведомой истории. Отвлёк возглас жены:

- Дим, ты чего там затих?

Возбуждённый Петрушевский, спустился вниз, держа тетрадь с заложенным пальцем вместо закладки.

- Вот, наткнулся на свои прозаические опыты. Ума не приложу, когда это сочинял? Смотри вся тетрадь исписана. По жанру научная фантастика в форме дневника, интересно сравнить с мемуарами.

Светлана Петровна полистала литературный артефакт и задумчиво изрекла:

- Фантастика конечно интересно, но реальность куда как важней. Её не придумаешь, писатель ты мой, доморощенный!

12 мая, 2018